

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК Ф.А.РОТШТЕЙН

ИЗ ИСТОРИИ ПРУССКО-ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1.

ДВЕ
ПРУССКИЕ
ВОЙНЫ

2.

ГИТЛЕР
И ЕГО
ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

Академик

Ф. А. РОТШТЕЙН

ИЗ ИСТОРИИ ПРУССКО-ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Две прусские войны

(К созданию Германской империи)

2. Гитлер и его предшественники

(К созданию «Третьей империи»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1948 • ЛЕНИНГРАД

Под общей редакцией Комиссии Академии Наук СССР
по изданию научно-популярной литературы

Председатель Комиссии президент Академии Наук СССР
академик *С. И. ВАВИЛОВ*

Зам. председателя член-корреспондент Академии Наук СССР
П. Ф. ЮДИН

ДВЕ ПРУССКИЕ ВОЙНЫ

*Австро-прусская (1866)
Франко-прусская (1870—1871)*

*К созданию Германской
империи*

*Второе, пересмотренное
и дополненное издание,*

Часть первая

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г.

Глава I

В истории случается, что иные события, знакомые главным образом специалистам-историкам, но мало известные в широких кругах, на самом деле гораздо важнее по своему политическому значению, нежели другие, пользующиеся самой широкой популярностью. К числу таких событий принадлежит австро-прусская война 1866 г., которая служит темой первой части настоящего очерка. Война эта была одной из самых коротких войн XIX столетия: она длилась, считая с момента объявления ее до заключения предварительного мира, всего шесть недель, а считая период собственно военных действий, и того меньше. И все же как по своему возникновению, так и по своим результатам она принадлежит к числу важнейших войн XIX столетия. Она обусловила и фактически утвердила диктатуру Пруссии в Германии и предопределила объединение последней под прусским главенством в Германскую империю, ту самую, которая, продолжая специфическую традицию, приведшую к войне 1866 г., развязала мировую войну 1914—1918 гг., а в наши дни вызвала вторую мировую войну. Историю австро-прусской войны надлежит знать всем, кто хочет разобраться в глубоком смысле последовавших за ней событий до настоящего дня.

Но когда мы говорим об австро-прусской войне, нам следует учесть одну ее особенность. Война, как гласит хорошо известный афоризм Клаузевица, есть продолжение политики, только другими средствами. Но война иной раз является не только продолжением политики — тем крайним средством, «последним доводом царей» (*ultima ratio regum*), к которому государства прибегают, когда рушатся последние надежды на мирное улажение конфликта, — но и целью политики, целью, которую государство ставит себе с самого начала и к достижению которой она потом направляет свои политические усилия. В этих случаях можно сказать, перефразируя Клаузевица, что политика является той же войной, но другими средствами. Это особенно справедливо относитель-

но войн, которые Пруссия вела на всем протяжении своей истории, и, в частности, относительно австро-прусской войны 1866 г. Сам Бисмарк, творец ее, едва вступив на пост вершителя политических судеб Пруссии, в декабре 1862 г. писал близкому ему человеку в связи с так называемым датским вопросом (по поводу которого он, как читатель увидит, инсценировал впоследствии великую ссору с Австрией), что этот вопрос «может быть разрешен в желательном для Германии [читай: Пруссии] направлении только войной» и что «повод к войне можно найти в любой момент, признанный благоприятным для ведения ее». Как увидим ниже, Бисмарк в этом духе и проводил свою политику: его установкой с самого начала была война с Австрией, политика же служила ему средством к созданию «повода» к ней и «благоприятной для ведения ее обстановки». Оттого сама война, т. е. военные действия в прямом смысле слова, и занимает так мало места в истории того времени и ускользает от внимания читателя: это был короткий акт вроде пистолетного выстрела, значение которого заключалось не столько в нем самом, сколько в том, что он суммировал политические усилия, ему предшествовавшие и составлявшие подлинную историю этой войны.

1. Чем была Германия

Прежде всего мы должны ознакомиться с исторической ареной, на которой была разыграна драма 1866 г. Германия тех времен представляла собой территорию в центре Европы от Балтийского и Немецкого морей до Дуная и Адриатики и, от устья Немана до левого берега Рейна, а местами и дальше. На этой территории были расположены 28 независимых германских монархически управляемых государств и четыре столь же ни от кого не зависящих, так называемых «вольных» немецких города. Когда-то эта «Германия» была еще более раздроблена. Еще за сто примерно лет до австро-прусской войны, во второй половине XVIII столетия, германских государств было до 360 (не считая великого множества вполне независимых мелких и мельчайших графств, епископств, аббатств и пр., общей численностью в 1500), в том числе 53 «имперских» города, т. е. города-государства. Эти государства были, правда, объединены с давних времен в империю, возглавлявшуюся императором и носившую пышное название «Священной римской империи германской нации» по причине того, что она некогда включала (или притворялась, по включала) и Италию, а императоры некоторое время короновались папой в Риме. Но уже с XIII в. императорская власть стала

приходить в упадок, государи приобретали все бóльшую и бóльшую самостоятельность, а в результате так называемой Тридцатилетней войны (1618—1648) все они стали фактически и отчасти даже юридически независимыми как от императора, так и друг от друга, и империя стала фикцией. Император еще существовал, Германия еще продолжала называться империей, и отдельные государи еще отличались друг от друга рангами, но по существу Германия превратилась в пестрый аггломерат многочисленных государств, больших, средних, малых и совсем миниатюрных. Каждое из них деспотически управлялось своим монархом «божьей милостью», имело свой двор, свое чиновничество, свое войско, свою полицию, свои финансы, свою монету, таможи, почтовую марку и т. д. Номинально существовали имперский сейм, имперский суд и императорская корона, но это были старые, полинявшие и истрепанные декорации, и когда император Франц II, глава Габсбургского дома, царствовавшего в Австрии и традиционно, в течение веков, поставлявшего императоров, сложил с себя в 1806 г., после разгрома от руки Наполеона, титул германского императора, оставив за собой под именем Франца I, титул императора австрийского, принятый им за два года до этого,¹ то никто, кроме придворных церемониймейстеров, не обратил на это историческое событие никакого внимания; только Англия, которая была связана с германским курфюршеством Ганновером личной унией, не захотела признать законности роспуска империи. Однако ее никто не слушал, и империя теперь исчезла уже юридически, а не только фактически. Остался лишь политический муравейник, кишевший попрежнему королями, великими и малыми герцогами, князьями и прочими носителями местной государственной власти, но, в противоположность муравьиному царству, не имевший никакой внутренней спайки.

Наполеону поэтому легко было победоносной метлой пройти по этому муравейнику и выбросить в мусорный ящик великое множество княжеских, герцогских, епископских и других корон и коронок. Он растворил одни государства в других, более значительных, слил ряд небольших в единые обширные государственные единицы, остальные он просто упразднил, так что под конец в Германии оказалось их не более тридцати девяти. Маркс впоследствии очень сожалел, что корсиканец не довел дела до конца, а остановился на полпути; но у Наполеона были свои расчеты: он хотел

¹ До середины XV в. собственно Австрия была герцогством, а затем эрцгерцогством вплоть до 1804 г. Это не мешало главе ее одновременно быть королем Венгрии и Богемии (Чехии).

оставить Германию разрозненной и слабой. Само собою понятно, что государи, выигравшие от этой операции, были довольны, и когда они и дипломаты держав-победительниц, в частности Австрии и Пруссии, после свержения Наполеона занялись на конгрессе в Вене в 1814—1815 гг. «устройством» освобожденной народными усилиями Германии, то они не испытывали никакого желания восстанавливать за свой счет лишившихся своих корон германских коллег, а утвердили на троне почти то же число их, а именно тридцать четыре (впоследствии их стало меньше). Кроме того, оставлены были из бывших восьми, в угоду торговой Англии, четыре «вольных», т. е. самоуправляющихся, города — Гамбург, Любек, Бремен и Франкфурт; другие вошли в состав владений соседних государей. Не была восстановлена и империя. Конгресс ограничился тем, что связал государей и олигархические правительства вольных городов «союзом» при сохранении за ними полной самостоятельности даже в области внешних отношений (вплоть до заключения союзов с иностранными державами!), с той лишь расплывчатой оговоркой, что эти отношения не должны противоречить «целям и духу» Союза. Последний имел задачей регулировать взаимные отношения его членов, отстаивать их самостоятельность во вне и внутри Союза и создать общую военную организацию и т. д. Союз получил нечто вроде центрального органа в виде собрания уполномоченных от государей, так называемый Союзный сейм под председательством уполномоченного австрийского императора. Число уполномоченных было 17, по числу государств или групп их. Только в особо важных случаях созывался пленум Союза, на котором голоса были распределены соответственно размерам государств; общее число голосов составляло тогда 63. Политически и дипломатически Германия с тех пор стала называться Германским союзом. Это, как и все новое устройство Германии, было зафиксировано в торжественных постановлениях упомянутого конгресса и скреплено подписями его европейских и германских участников как незыблемая норма международного права. Европа в целом стала поручительницей новой Германии.

Такое «объединение» Германии в виде союза государей имело исторический смысл. До тех пор идея общего германского отечества или, что то же, сознание национальной германской общности настолько отсутствовали среди государей и их народов, что для отдельных германских государств несколько не считалось зазорным вступать в политические и даже военные союзы с иностранными державами в ущерб другим германским государствам и даже против них. Так это было, например, во время Тридцатилетней войны, когда протестантские князья боролись против императорской католиче-

ской партии рука об руку с армиями не только протестантской Швеции, но и католической Франции; так было и во время войн с Францией периода Директории, когда Пруссия не постеснялась заключить с нею сепаратный мир (так называемый Базельский, 1795), покинув на произвол судьбы своих германских союзников, а Бавария и Саксония, Вюртемберг и Гессен и многие другие продолжали даже в войнах Наполеона бороться на стороне Франции против Австрии, Пруссии и др. Такая практика вполне укладывалась в систему феодальных понятий о государстве как о вотчине государя — понятий, закономерных при тогдашней экономической и общественной отсталости Германии. Но эта практика, в конце концов, жестоко отомстила за себя, отдав каждое германское государство в отдельности в руки завоевателя; поэтому если не сами германские государи — по крайней мере, не все, — то основные победители, Россия и Англия, стремившиеся тогда окружить Францию крепким барьером, настояли на том, чтобы связать германских государей взаимным контролем, взаимной дисциплиной и круговой порукой и, таким образом, противопоставить Франции на ее восточной границе более или менее компактную силу. Другими словами, цели, которыми диктовалась эта слабая попытка объединить Германию, были военные; национальные же мотивы настолько блистали своим отсутствием, что в число союзных государей введен был и английский король в качестве государя ганноверского, и король датский, поскольку он одновременно был также герцогом голштинским. Плохо укладывалось в рамки Германского союза и то, что Австрия втащила в него свои Богемию, Моравию и Силезию с их большим славянским населением, а Пруссия оставила за бортом Союза не только польскую Познань, что было правильно, но и Восточную Пруссию, которая в свое время дала, как мы увидим, маркграфу бранденбургскому его королевскую корону и составила основу его могущества.

Самый Сейм являлся совершенно беспомощным учреждением, так как его члены, бывшие не более чем посланниками, могли действовать лишь по инструкциям своих государей; а кроме того, постановления Сейма по всем важнейшим вопросам получали силу лишь тогда, когда они принимались единогласно, чего как раз по этим вопросам было весьма трудно добиться. Фактически его функции сводились к общесоюзным военным делам и к наблюдению за так называемыми союзными крепостями, расположенными у французской границы. Никакого подлинно национального единства Германский союз не выражал.

Союз государей имел еще другую цель: совместными силами подавлять либеральное и радикально-демократическое

движения, с которыми сочеталось и движение за национально-государственное объединение всей Германии. Пример восставшего против абсолютизма в 1789 г. французского народа под лозунгом «свобода, равенство и братство» нашел живой отклик и в Германии, особенно среди мелкобуржуазных масс и интеллигенции западных и южных областей ее; и хотя прерывание революционных войн в завоевательные при Наполеоне подорвало популярность Франции, но сами идеи, которые породила французская революция, продолжали волновать широкие массы Германии. Сами государи Германии, спеша присоединиться к победоносному русскому войску, гнавшему Наполеона, использовали эти настроения, обещая своим народам в торжественных манифестах дарование конституции и других благ. Это был, конечно, лишь демагогический прием, рассчитанный на возможно более быструю и полную мобилизацию масс в военных целях, но он красноречиво свидетельствовал о силе и распространенности либерально-демократических идей. На деле, однако, когда война была закончена и государи вернулись в свои столицы победителями, то лишь весьма немногие из них — преимущественно второстепенные и слабые — дали своим «верным» (или, скорее, доверчивым) подданным «кущую» конституцию в виде совещательных сословных представительств; остальные, во главе с Пруссией, особенно щедро расточавшей велеречивые призывы, спокойно вернулись к старому деспотизму.

Одновременно с идеями политической эмансипации распространялись идеи национального объединения. Помимо того предметного урока, который дало в военной области объединение сил всей Германии в борьбе с Наполеоном; помимо также того, что в этой совместной борьбе народов всех германских государств спаялись узы взаимной солидарности и создалось некоторое сознание национальной общности; помимо, наконец, и того, что в целях отрыва народных масс от увлечения идеями французской революции германские ученые и мыслители выдвинули и усердно пропагандировали учение о самобытности немецкой народности и тем создавали и углубляли национальное сознание, — помимо всего этого, и особенно под влиянием объявленной в 1806 г. Наполеоном «континентальной блокады» против Англии, в Германии — преимущественно на западе — стала развиваться капиталистическая промышленность в целях производства товаров, до тех пор ввозившихся из Англии. Образовался класс капиталистов, который и после свержения Наполеона не хотел умирать, а напротив, хотел теперь, в условиях мира, еще более расширить свою деятельность, строить фабрики и заводы, раздвинуть возможно шире рамки своего рынка, рынка сбы-

та, сырья и рабочей силы. Зародился идеал объединенного германского рынка с невозбранной свободой передвижения, с внутренней свободой купли, продажи и найма, с единообразной системой весов и мер, денежных и почтовых знаков, таможенного тарифа и т. д., а поверх этого идеал большого, единого и сильного германского государства, блюстителя всех этих благ, на место множества мелких и слабых, одним своим существованием противоречивших элементарным потребностям капиталистического производства и обмена.

Этот политико-экономический идеал еще менее приходился по вкусу германским государям, чем требование политических свобод: если дарование конституции могло как-то сочетаться с существованием местных корон, то национальное объединение грозило упразднением всех корон (если единое государство примет форму республики) или, в лучшем случае, оставлением короны на голове лишь одного монарха. Понятно, что государи оставались так же враждебны к мысли об едином государстве, как и к лозунгу о политических свободах. Образованный на Венском конгрессе, при активном и настойчивом сотрудничестве иностранных держав, Германский союз имел поэтому своей целью также и оградить совместными силами независимость всех германских государей от покушений на их существование со стороны национально настроенных буржуазных элементов и рабочих. То обстоятельство, что в этом деле приняли активное участие и стали гарантами также и иностранные державы, показало, как они опасались создания в центре Европы единого немецкого государства, способного противостоять их воле и воздействию. Их методы были реакционны; принципы демократии были им чужды и ненавистны; поэтому ход истории, опрокинув их расчеты, привел к созданию единой милитаристской Германии вместо единой демократической и мирной.

В свете сказанного неудивительно, что годы, следовавшие за разгромом Наполеона, годы, отмеченные дальнейшим ростом капиталистической промышленности, развитием техники, возникновением земледельческой химии (Либих), а соответственно этому и развитием буржуазии и буржуазной идеологии, с одной стороны, и возникновением пролетариата, его борьбы и революционной идеологии, с другой, — эти годы были также годами острейшей политической и национальной реакции в Германии. Лишь через 33 года после Венского конгресса политические и национальные чаяния немецкого народа вспыхнули вновь ярким пламенем в революции 1848 г., но для торжества последней уже не хватало другого, еще более важного элемента, чем добрая воля государей: не хватало

храбрости буржуазии, гегемона революции. Устрашенная неожиданно широким размахом движения народных масс — в частности, молодого пролетариата, шедшего за знаменами революционных демократов и социалистов, за знаменами Маркса и Энгельса, — германская буржуазия, наговорившись досыта в Национальном (Учредительном) собрании во Франкфурте о всех хороших вещах, вскоре сбежала в лагерь реакции и предоставила государям ту «свободу и единение», которых она домогалась для себя, — свободу и единение для вооруженного подавления восставших масс, а напоследок и разгона ее собственного «парламента». Остались лишь «страшные» воспоминания о «безумном годе», как буржуазия прозвала революционный 1848 год, да неосуществленные мечты о национальном объединении.

Такова, в общих чертах, была историческая сцена, на которую выступили тотчас же после революции 1848 г. основные протагонисты в драме, получившей завершение в 1866 г., — Австрия и Пруссия. У каждого из них была своя определенная физиономия и своя определенная роль. С ними нам также нужно познакомиться.

2. Австрийская держава

Австрия, некогда, более тысячи лет тому назад, небольшое военное графство, основанное Карлом Великим в конце VIII в. на восточной границе его империи, постепенно разрослась в течение дальнейших веков в огромное государство за счет прилежавших к ней земель. В этом процессе важнейшую роль сыграло то обстоятельство, что, будучи расположена на самой периферии, подвергавшейся давлению со стороны наступавших на Европу азиатских племен и народов, Австрия не только сдержала этот натиск, давая одновременно убежище в своих пределах теснимому населению соседних областей, но впоследствии, перейдя в контрнаступление, отбросила далеко назад завоевателей. В результате правивший с конца XIII в. дом графов (в дальнейшем возведенных в герцоги, а затем эрцгерцоги) Габсбургов стал могущественнейшим в Германии, и его глава стал все чаще, а напоследок и неизменно избираться в германские императоры. Одновременно, путем не столько завоеваний, сколько удачных браков и дипломатических комбинаций, Габсбурги приобрели владения в Италии, Нидерланды, ряд земель на восточной окраине нынешней Франции (Свободное графство — Франш-Конте; Верхний Эльзас), наконец и кусок Польши и по могуществу своему, по размерам своих владений и численности их населе-

ния уступали в Западной Европе только Бурбонам. В системе германских государств Австрия и в экономическом отношении долгое время занимала первое место. Еще в Средние века славилась по всей Европе горная и железоделательная промышленность Штирии и Чехии (Богемии), и в многочисленных производствах — бумажном, пивоваренном, ножевом — Австрия была учительницей всех других стран. Еще во второй половине XVIII столетия Штирия производила столько же железа, сколько Англия, и в середине XIX века в Австрийской империи насчитывалось вдвое больше веретен, чем во всей остальной Германии.

И все же это было только механически скомбинированное государство — нечто вроде собранного вокруг германского стебля большого букета из самых разнообразных и случайных национальностей. Если такое государство могло еще существовать и процветать в эпоху феодализма, то, несомненно, для времени перехода к капиталистической эпохе и для самой этой эпохи такое строение государственного организма было, по меньшей мере, недостаточно. В то время как все окружающие Австрию государства преобразовались в национальные под влиянием капиталистического развития, для которого общность языка и истории являлась готовой подкладкой к образованию национального рынка, само капиталистическое развитие шло в Габсбургской монархии гораздо медленнее вследствие ее географической отдаленности от основных торговых путей, отрезанности от моря, сравнительной бедности в сырье, но также потому, что резкие различия ее многочисленных частей по языку, культуре, традициям и историческим судьбам являлись существенным препятствием, которое капитализму приходилось дополнительно преодолевать. Сами Габсбурги и их министры, за немногими исключениями, до такой степени были проникнуты феодальной идеологией и практикой, что не только не видели нужды в создании какой-нибудь новой внутренней связи между народами империи и между ними и последней, но, наоборот, усматривали в этом разъединении залог преуспевания всего государства. «Мои народы, — цинично говорил император Франц I французскому послу на другой день после Венского конгресса, — чужды друг другу — тем лучше: они не заболевают одновременно. Во Франции, когда вспыхивает лихорадка, она захватывает вас всех в один и тот же день, а я посылаю венгров в Италию и итальянцев в Венгрию. Каждый подстерегает своего соседа. Они не понимают друг друга, они друг друга ненавидят. Из их антипатий создается порядок, из их взаимной ненависти — всеобщий мир». И действительно, государственная мудрость Габсбургов и их правительств долго еще состояла

в том, чтобы сохранять и даже поощрять отчужденность и рознь между подчиненными им народами, дабы все они оставались в одинаковом бесправии и бессилии. Народы Австрийской империи так и продолжали пребывать в ее пределах, точно жильцы в общей гостинице, а не члены одного семейства, и это сказалось как на экономическом, так и на государственном развитии империи в самой отрицательной форме.

Тем не менее огромная по размерам и располагавшая большой армией Австрия все же занимала господствующее положение в раздробленной на мелкие государства Германии и играла большую роль в Европе. Дипломаты Венского конгресса, озабоченные в первую очередь умирением строптивой и воинствующей Франции, решили воздвигнуть не только на ее восточной границе, на Рейне, но и на ее северной границе крепкий бастион в виде большого соединенного голландско-бельгийского государства («Королевства Нидерландского») под скипетром старого голландского Оранского дома. Австрия, для которой, как впрочем и для других держав, такая запряжка в одну телегу германо-кальвинистского коня с романо-католической ланью не представляла ничего несуразного, тем охотнее согласилась на эту комбинацию, лишавшую ее далекой и трудно управляемой Бельгии, что взамен последней она получила тесно прилегающие к ее южной границе области на севере Италии — Ломбардию и Венецию, вместе с владениями последней — Триестом, Далмацией и Иллирией. Будучи дополнением к эрцгерцогству Тосканскому, которым Австрия владела еще раньше и на троне которого восседал брат императора Фердинанд, а также к герцогству Пармскому, которое было отдано пожизненно дочери австрийского императора Марии-Луизе, жене Наполеона, и герцогству Моденскому, где царил кузен императора, — это новое приобретение было неплохой компенсацией. И Австрия после всех изключений, постигших ее в годы французской революции и империи, вновь стала державой с 30-миллионным населением — громадой по сравнению даже со следующей по величине Пруссией, едва набравшей по щедрости Венского конгресса 10 миллионов населения во всех своих владениях. Меттерних, всемогущий канцлер Австрии, с удовлетворением хорошо прободавшего человека мог заявить, что Австрия отныне принадлежит к «сытым» державам. Внутренняя слаженность Габсбургской монархии от этого нового приращения за счет Италии не особенно выиграла — итальянцы уже глубоко вкусили от яблока национального познания и вскоре стали сильно бунтовать, но присоединение этих богатых северо-итальянских областей было весьма на-руку разоренной австрийской казне, и Австрия могла, как в былые времена,

блистать своей придворной пышностью, задавать тон немецким дворам и содержать большую армию.

Доверие и уважение, которое оказывали ей державы, вершившие судьбы европейских народов на Венском конгрессе, имели солидное основание. Австрия, само существование которой зависело от покорности и спокойствия ее многонациональных подданных, была живым воплощением консерватизма, оплотом неподвижности. Все, что двигалось или могло двигаться, вызывало ее тревогу, потому что могло привести в движение ее собственные народы. Такой по самой природе своей и по призванию своему страж и охранитель «порядка» был неоценим для государей, переживших все страхи французской революции и наполеоновских войн. Перед ним ступал даже Александр I, который еще незадолго до этого носился с какими-то неопределенными конституционными планами и навязывал их даже французскому Бурбону в виде конституционной «хартии». Поэтому именно Австрия, а не Россия, стала во главе последовавшей затем реакции, несмотря на «священные союзы», придумывавшиеся Александром I до его возвращения в лоно правоверного деспотизма. Лишь после падения Меттерниха во время революции 1848 г. лидерство по части европейской реакции перешло к русскому царю, но уже в лице Николая I, а покамест Австрию постарались укрепить и снабдить материальными средствами, дабы она могла достойно выполнять свое назначение.

В учете этих «высоких» качеств, а также ее удельного веса среди германских государств и ее прошлого Австрия и была поставлена европейским ареопагом во главе вновь образованного Союза. Но в этом выборе сыграло роль еще другое, более веское соображение. Иностранные державы, в частности соседи, Франция и Россия, были, как уже упоминалось, живейшим образом заинтересованы в том, чтобы Германия не сплотилась в большое государство, которое могло бы стать неудобным для них и для Европы в целом. Это соответствовало по существу и вкусам самих германских государей, предпочитавших оставаться хотя и слабыми, но все же независимыми. Поэтому выбор Австрии в качестве председателя Германского союза мог встретить только всеобщее одобрение: для Австрии, население и земли которой лишь на одну треть были немецкими (остальные были славянские и венгерские), не было бы места в национально-объединенном германском государстве, даже если бы она его искала, но она его не искала и искать не могла, так как потеряла бы тогда свое доминирующее и исключительное положение в Германии. Лучшего хранителя и гаранта «независимости» германских государей, т. е. политической раздроб-

ленности Германии, чем Австрия, нельзя было, таким образом, и придумать. Действительно, в последующем Австрия явится самой активной противницей германского объединения.

3. Пруссия

Совсем иное представляла собой Пруссия. Пруссия когда-то, под именем Бранденбургской марки, была воздвигнута на костях обитавших в ней славянских племен (Бранденбург — Бранибор) как пограничный бастион Германской империи, не столько, правда, для отражения наступающих варваров, сколько для закрепления завоеванной земли против побежденных. Зброшенное в этот замкнутый дальний угол графство (ставшее маркграфством, а затем курфюршеством), несмотря на усердную колонизацию его немецкими элементами из других частей империи, весьма жалко прозябало, переходило из рук в руки, превратилось в сплошное разбойничье гнездо нескольких юнкерских родов и в конце концов вернулось к императору, который нашел в начале XV в. охотника на него в лице захудалого нюрнбергского графа Цоллерна, его фактотума (агента) по политическим и другим, более интимным делам. Цоллерны очень скоро проявили изрядный аппетит к расширению и немного раздвинули границу своего курфюршества за счет ближайших, тоже большей частью славянских, областей. Однако для больших дел у них собственных сил не хватало, и тогда они прибегали к методам шантажа в виде продажи своего нейтралитета какому-нибудь государству, находящемуся в войне с другим, либо присоединения к той или другой из этих воюющих сторон в качестве союзника, т. е. ландскнехта — в том и другом случае за территориальное вознаграждение. На этих путях особенно отличился Иоахим I Бранденбургский (1484—1535), который во время многолетней борьбы императора Карла V с французским королем Франциском I вначале предлагал свои услуги первому, требуя взамен Шлезвиг и Голштинию, а получив отказ, готов был выступить на стороне Франциска, если тот, став императором, назначит его своим наместником в Германии и уплатит 1.5 млн. экю; потерпев и тут неудачу, он опять обратился к Карлу, надеясь получить у него для своего сына руку принцессы и 400 тыс. дукатов в виде приданого, но, и здесь обманувшись, опять перешел к Франциску, чтобы в конце концов все же присоединиться к Карлу.

Несмотря, однако, на эти и подобные махинации, Цоллерны тоже, вероятно, не слишком много успели бы, если бы

счастливая случайность не поднесла им ценного подарка. Дело в том, что к востоку от Бранденбурга в XIII столетии образовалось, с выходом к морю, некое Прусское государство, также военно-колониального типа, но в «духовном» облачении. Оно было основано орденом Тевтонских рыцарей, которые, оказавшись в начале XIII в. безработными вследствие разгрома крестоносцев в Сирии, были, после неудачной попытки их захватить одну из венгерских областей (Бургенланд), спешно сплавлены императором на Балтийское побережье, чтобы спасти поляков-христиан, теснимых сильным, восставшим против навязываемой ему «христианской чумы» (выражение Маркса) литовским племенем, пруссами. Об этом просили сами поляки в лице мазовецкого герцога Конрада. Тевтонцы, к которым присоединился всякий рыцарский сброд из остальной Европы, пришли, покорили как пруссов, так и другие соседние литовские племена и, слившись с другим почтенным орденом того же типа, Орденом меченосцев, или ливонским («псы-рыцари», как прозвал их Маркс), обосновались на завоеванных землях, истребив или закабалив покоренные народы. Так возникла Пруссия в собственном — историческом — смысле этого названия, государство, где завоеватели и их потомки образовали командующий класс, присвоивший себе всю землю и все богатство покоренных жителей, а последние составили класс крепостных крестьян. Рыцари во главе со своим гроссмейстером продолжали много молиться и много поститься, но не забывали грабить, торговать и предпринимать новые завоевательные походы — на этот раз против тех самых поляков, на выручку которых они были посланы императором и папой. В конце концов польский и литовский народы, при участии русских войск, разбили тевтонцев в битве при Грюнвальде в 1410 г., и через полстолетия Пруссия должна была признать свою вассальную зависимость от польских королей и отдать им западную, прилегающую к Бранденбургу, часть своих земель с городом Гданском (Данциг). Прошло еще полстолетия, и орден, в расчете освободиться от ленной зависимости, избрал своим гроссмейстером племянника польского короля, Альбрехта, состоявшего в то же время в родстве с бранденбургским курфюрстом. Однако польский король не уважил желания своего родственника; последний даже пробовал восставать, но был жестоко разбит, хотел отказаться от своего гроссмейстерства и поступить на французскую службу, но в конце концов вновь признал свою ленную зависимость от короля, выторговав себе лишь право перейти в лютеранство, т. е. ограбить дочиста католическую церковь, ее земельные владения и другое имущество, и преобразовать Пруссию в светское государство — герцогство.

За это он был предан анафеме папой. В ходе дальнейших перипетий, когда прекратилось мужское потомство Альбрехта, курфюрст бранденбургский в 1618 г. добился на основании своего родства, а главное при помощи подкупа польских всельмож передачи ему герцогства, а в 1657 г., когда Польша очутилась под угрозой войны со Швецией, курфюрст бранденбургский, он же герцог прусский, добился освобождения Пруссии от ленной зависимости в виде платы за свой нейтралитет. В 1701 г. курфюрст получил от императора, нуждавшегося в его помощи в предстоявшей т. н. войне за испанское наследство, разрешение возвести свое прусское герцогство в королевство, вследствие чего он стал титуловаться королем в Пруссии (поскольку Пруссия, став польским леном, вышла из состава германской империи). Принц Евгений Савойский, знаменитый полководец на австрийской службе, герой упомянутой войны, говорил тогда: «Если бы я был императором, то я приказал бы повесить тех, кто советовал сделать курфюрста Бранденбургского королём». Принц был дальновиднее своего господина. Папа, однако, не пожелал признать королем преемника того герцога, который некогда был предан анафеме, и еще долго, почти вплоть до середины XIX в., прусский король фигурировал в папских государственных календарях лишь как маркграф Бранденбургский.

Так, через ряд причудливых комбинаций (включавших замену титула «король в Пруссии» титулом «король Пруссии» и принятие курфюрстом этого более высокого звания) образовалось прусское государство, состоявшее из двух разъединенных польскими владениями частей и получившее свое название от покоренной области. Оставалось устранить польское средостение, чтобы слить обе части в одно целое, и это было достигнуто польскими разделами 1772 и 1793 гг., по которым Пруссия вновь захватила отделенные от нее в XV в. западные области — Данциг, Торн, Мариенбург и Познань.

Рост Бранденбурга не ограничился приращениями на востоке: используя различные противоречия во время Тридцатилетней войны, он приобрел ряд небольших областей на западе, тоже разрозненных между собой и отделенных от Бранденбурга чужими владениями. При перекройке Наполеоном карты Германии в 1803 г. Пруссия лишилась части своих владений на левом берегу Рейна, но была щедро вознаграждена за свой нейтралитет (со времени упомянутого выше Базельского мира 1795 г.) землями на правом берегу его, получив вместо потерянных 12,5 тыс. чел. населения 500 тыс. новых подданных. Наконец, по Венскому трактату 1815 г. Пруссия получила около двух пятых Саксонии и еще новые

земли на обоих берегах Рейна, доведшие ее население, как уже указывалось, до 10 миллионов.

Такова внешняя история Пруссии: ничего героического, никакого «мессианства», какое приписывала себе Австрия, «освобождавшая» христианские народы от турок,— просто умножение и приращение без плана, без разбора.

Внутренняя история Пруссии представляет гораздо больший интерес, чем внешняя. Основной смысл внутренней прусской истории заключается в том, что, возникнув в обеих своих частях как военно-колониальное государство, Пруссия таковым, в основном, и осталась на всем дальнейшем протяжении веков. Тевтонские рыцари и их потомки и преемники продолжали неизменно прибегать для сохранения и расширения своей власти к тем же методам насилия, завоевания и порабощения, при помощи которых они первоначально обосновались в тех областях. Один из их далеких потомков, генерал фон Швейниц, германский посол в Петербурге в 1876—1892 гг., чьи предки состояли вассалами при польском дворе, записывал в дошедшем до нас дневнике: «Было бы неправильно, если бы современная Пруссия оставалась верной системе, при помощи которой — часто насилия и пренебрежения к историческим правам — она возвеличилась и стала могущественной: применение этих средств было необходимо, но теперь, когда цель достигнута, нужно действовать иначе для того, чтобы сохранить приобретенное». Добрый совет просвещенного прусского генерала и дипломата дальше страниц его дневника, вероятно, и не пошел, но его признание, что на протяжении всех долгих веков до момента, когда он писал свой дневник, его бранденбургско-прусское государство «возвеличивалось» и становилось могущественным при помощи старых, унаследованных от тевтонских рыцарей методов «насилия и пренебрежения к историческим правам», чрезвычайно ценно.

Действительно, Пруссия от начала до конца оставалась самым хищным и наиболее воинственным и военизированным государством не только в Германии, но и во всей Европе. Все для войны, все для расширения за счет других государств, для грабежа чужих территорий и народов — таков был руководящий государственный принцип Пруссии. Конечно, и другие державы вели войны, расширялись с помощью их,— например, Франция была очень воинственна. И все же Пруссия превосходила их всех в том отношении, что весь государственный строй и вся государственная политика ее были подчинены одной цели — войне. В 1770 г. знаменитый итальянский поэт Альфиери посетил Пруссию и записал, что Берлин показался ему «омерзительной огромной казармой, а вся

Пруссия с ее тысячами наемных солдат — одной колоссальной гауптвахтой»; а не менее знаменитый деятель французской буржуазной революции конца XVIII столетия Мирабо говорил: «Война — это национальная промышленность Пруссии». Ни про какую другую державу нельзя было этого сказать. Господствующий класс помещиков, сохранивших свою феодальную власть в своих поместьях, так называемые юнкера, преемники древних рыцарей, составлял вместе с тем военное сословие. Он один выделял из своей среды офицерские кадры, которым в порядке и духе крепостной зависимости подчинены были рядовые солдаты, набиравшиеся преимущественно из крестьян и бродяг. Но он занимал также все основные гражданские посты, за исключением разве судебных и финансовых, потому что был слишком невежествен и обуян духом насилия и грабежа, чтобы разбираться в правовых или налоговых вопросах; эти посты он доверял под своим бдительным контролем отборным выходцам из буржуазии. Юнкерский класс увенчивался королевской короной, носитель которой был абсолютен при условии, что он выполнял их, юнкерскую, волю: «Und der König absolut, wenn er unseren Willen tut», как иронически воспевал немецкий (или франко-немецкий) поэт Шамиссо. Вся администрация была построена по системе строгой иерархии и в духе команды, на одной стороне, и слепого подчинения, на другой, и все функции государства, в области ли финансов, дипломатии, гражданской администрации или образования, направлены были исключительно к тому, чтобы быть готовым к войне — материально и морально. То, что мы наблюдали в последние годы при Гитлере, было лишь возведенной в квадратную степень системой, типичной для Пруссии всех предшествующих веков. Фазы экономического и общественного развития сменяли одна другую, феодализм уступил место капитализму, капитализм перешел в стадию империализма, но власть оставалась в руках юнкерского класса, так что даже когда капиталистические интересы стали в государстве преобладающими, их осуществляли те же юнкера в своем, юнкерском, духе, своими, юнкерскими, методами.

Свое классическое выражение это специфическое «пруссачество» нашло при курфюрсте Фридрихе-Вильгельме (1640—1688), прозванном «Великим курфюрстом», и короле Фридрихе II, также прозванном «Великим». Величие же их состояло, собственно говоря, в том необычайном хищничестве и вероломстве, с какими они осуществляли свои замыслы, приводя в изумление (не лишенное, впрочем, и зависти) самых матерых дипломатов и захватчиков даже тех далеко не сентиментальных времен. В Тридцатилетней войне Фридрих-

Вильгельм то выступал против императора в союзе с протестантскими князьями, то изменял последним, переходя на сторону католической партии, в зависимости от того, у кого и с чьей помощью он рассчитывал что-нибудь урвать; точно так же он вел себя в войне между Польшей и Швецией, изменяя поочередно той и другой. Он, действительно, успел немало урвать, но ему все еще казалось недостаточно, и еще за десять лет до своей смерти он предлагал Людовику XIV, королю французскому, от которого он в течение ряда лет получал денежную «субсидию», свой голос курфюрста для избрания его в императоры Германии, в расчете на то, что Франция поможет ему оторвать у Швеции Западную Померанию. «Великий» курфюрст, ученик Иоахима I, может считаться систематизатором прусской школы дипломатии — дипломатии исключительно беспринципной и вероломной, и прусского милитаризма — систематического культа войны и ее инструмента — армии.

Король Фридрих II (1740—1786), который в молодости написал критику учений Макиавелли, сделал Пруссию сильнейшей военной державой в Германии. От своего отца, тратившего ежегодно на военные нужды шесть седьмых всего бюджета, он унаследовал постоянную, отлично вышколенную и вооруженную армию в 85 тыс. человек, набранную путем насильственной вербовки; при нем самом в Семилетнюю войну Пруссия, занимавшая по площади десятое, а по населению тринадцатое место среди европейских государств, располагала уже армией в 154 тыс. человек, лишь немногим по численности уступавшей армиям неизмеримо более крупных Франции, России и Австрии. Это при населении в 4 200 тыс. представляло такой высокий процент, что даже немецкие буржуазные историки говорили, что прусское государство — это прусская армия. А кроме того, эта армия была так обучена и так вооружена, что «извлекала меч из ножен в три раза скорее других», как отмечал английский биограф Фридриха Карлейль; ее ружья были снабжены железными шомполами вместо деревянных, которые часто ломались, конная артиллерия, значительно облегченная в весе, отличалась большой подвижностью и т. д. Фридрих II, не успев еще как следует усесться на троне, сразу пустил свою армию в ход: запутав австрийскую императрицу Марию-Терезию, тоже недавно вступившую на престол, переговорами о союзе против ее соперников, претендентов на императорскую корону, он неожиданно вторгся в богатую австрийскую провинцию Силезию (конец 1740 г.), о которой мечтал еще «Великий курфюрст», и занял ее. В последовавшей войне (так называемой войне за Австрийское наследство) к нему присоединились всякие претенденты

(Бавария, Саксония, Испания, Сардиния), а главное, Франция. Но не успела война разгореться, как Фридрих уже вступил в тайные переговоры с Австрией и, получив от нее почти всю Силезию, заключил с ней тайный сепаратный мир (1742). Однако не прошло и двух лет, как Фридрих при виде австрийских побед над враждебной коалицией вновь заключил союз с Францией (июнь 1744), неожиданно, как и в прошлый раз, вторгся в Чехию и, будучи выброшен оттуда, все же в дальнейшем одержал ряд побед и вторично, за спиной своей французской союзницы, заключил мир с Австрией, получив «окончательно» Силезию (декабрь 1745). Было бы неправильным умолчать о том, что и некоторые другие союзники вели себя не лучше, но он был учителем, а они — его достойными учениками.

Следующую войну, Семилетнюю (1756—1763), Фридрих начал также без объявления войны внезапным вторжением в Саксонию и захватом ее, но остался без союзников, так как единственный его друг, Англия, вела свою сепаратную морскую и колониальную борьбу с Францией, которая на этот раз, вместе с Россией и другими державами, была на стороне Австрии. Фридрих жестоко бил французов и австрийцев, но сам был жестоко бит русскими, и он погиб бы, вместе с ним погибло бы и прусское государство, если бы не спасли его смерть царицы Елизаветы Петровны и вступление на русский престол Петра III, герцога голштинского, друга и поклонника, едва ли не шпиона Фридриха II, с которым он немедленно заключил не только мир, но и союз. Война окончилась не так, как рассчитывал Фридрих: он не получил Саксонии, которую он, однако, разорил и разграбил до тла, — он только удержал Силезию. Но армия его оправдала себя, а сам он стяжал лавры блестящего полководца. Долго спустя Бисмарк говорил про него: «Он украл Силезию, и все же был признан великим человеком».

Таковы были наиболее яркие представители Пруссии, создавшие ее «величие».

У прусских королей было, однако, одно качество, которое, будучи тесно связано с военным развитием Пруссии, все же сыграло прогрессивную роль в ее истории: они понимали значение торговли и промышленности как экономической и финансовой основы военного могущества государства и поощряли развитие городской буржуазии. В этом отношении они выгодно отличались от своих польских и австрийских соседей (если не считать бесплодных реформаторских попыток Иосифа II (сына Марии-Терезии, не особенно умного философа-просветителя и очень плохого государственного деятеля), замыкавшихся в системе аграрного феодализма, который и

осудил их страны на застой и постепенное разложение. Уже «Великий курфюрст» широко открыл двери французским гугенотам (протестантам), подвергшимся гонениям после отмены Людовиком XIV так называемого Нантского эдикта (о веротерпимости) в 1685 г. Беженцы, представители тогдашней передовой французской буржуазии, привезли с собою торговлю, ремесла и мануфактурную промышленность. Фридрих II продолжал эту политику и поощрял с помощью государственных средств создание фабрик и мастерских. Конечно, не в просвещенности монаршего ума, не в глубоких знаниях политической экономии и менее всего в протестантской солидарности здесь было дело. Фридрих II, например, с такой же «терпимостью» давал приют изгоняемым из других стран иезуитам, в лице которых он обретал отличных агентов по части шпионажа в Польше и Франции. Дело обстояло проще: оставаясь, по выражению Фридриха, «первыми слугами своего государства», т. е. юнкерства, прусские короли создавали торгово-промышленную буржуазию в первую очередь как источник новых и значительных доходов для армии и войн, другими словами, ради фискальных целей, а во вторую — для оснащения своего большого бюрократического аппарата, нуждавшегося в добросовестных и образованных работниках: администраторах, юристах, профессорах и т. п.

Эта политика оправдала себя в двух отношениях: с одной стороны, налоговый пресс, который, щадя юнкеров, до того времени выкачивал последние соки у крестьян, теперь мог найти для себя новый и более обильный источник; с другой стороны, буржуазия была поставлена на службу юнкерскому государству и связывала свои интересы с интересами последнего. Оттого буржуазия так легко подчинялась политическому господству юнкеров и тогда, когда в дальнейшем она стала по своему удельному весу в экономическом и культурном отношении самым важным общественным классом. Она даже находила удовлетворение в этом подчинении, поскольку юнкерское государство взамен предоставляло в ее распоряжение все свои испытанные методы и орудия насилия как против внутреннего врага, пролетариата, так и против внешних врагов, торгово-промышленных конкурентов. В результате своей политики по выращиванию и умелому использованию буржуазии Пруссия стала самым богатым государством на севере Германии, быстро оправилась после катастрофы 1806 г. и провела ряд внутренних реформ: в положении крестьян, получивших формальное освобождение от крепостной зависимости и право приобретать землю, в городском «самоуправлении», судопроизводстве, правовом уравнивании сословий и многое другое в буржуазном духе — реформ, связанных с именами

министров Штейна и Гарденберга. Сюда относится и коренная реорганизация армии на основе краткосрочной службы в казарме и широчайшего, почти национального охвата воинской повинностью населения всех классов в форме ополчения (ландвера) — реформа, связанная с именами генералов Шарнгорста и Гнейзенау.

Как ни формальны были гражданские реформы, они как бы шли навстречу чаяниям, пробужденным в среде буржуазии и в народных массах либеральными лозунгами французской революции (тоже, ведь, в большой степени формальными), в то время как военная реформа являлась как бы национально-прусским изданием всенародного ополчения, созданного французской революцией же. Нужно отдать справедливость прусским реформаторам, сумевшим так хорошо перелицовать французские революционные образцы на прусский фасон, обновить и сильно укрепить государство в экономическом и военном отношении и возбудить до известной степени энтузиазм не только в буржуазии, но и в широких народных массах. Неудивительно, что, когда, выступая против Наполеона, король издал в 1813 г. манифест к народу, призывая его к общенациональной борьбе и обещая конституционные блага, то ответом был беспремерный подъем масс, обеспечивший за Пруссией руководящую роль во всегерманской борьбе. Маленькая Пруссия стала знаменем, вокруг которого начали сосредоточиваться национальные надежды Германии. Со своей стороны и у Пруссии тогда впервые зарождается мысль об использовании этих надежд в своих собственных интересах.

Как мы видели, прусский король не сдержал своих обещаний народу, но он заставил хорошо вознаградить себя на Венском конгрессе, не только получив обратно все (кроме части Польши) свои прежние земли, захваченные Наполеоном, но, как упоминалось, добрую часть Саксонии и богатые области на обоих берегах Рейна — нынешнюю Рейнскую провинцию и Вестфалию. Между прочим, средние и отчасти нижние течения всех важнейших рек между Неманом (Мемелем) и Рейном очутились сейчас в руках Пруссии, и это обстоятельство, вместе с еще более увеличившейся чересполосицей, обрамляемой искусной дислокацией воинских сил на границах смежных германских государств, дало ей в руки превосходное оружие для экономического и военного давления на эти государства. Она и воспользовалась им для создания в 1834 г. с большинством германских государств таможенного союза, упразднившего таможенные рогадки между ними и Пруссией и тем обеспечившего за последней то экономическое преобладание, на которое она могла рассчитывать в силу своего хо-

зайственного развития и веса. Постепенно она заставила их вступить и в военные соглашения с ней, дававшие ей фактически военное преобладание над ними. Так маленькая Пруссия закладывала материальный фундамент своей будущей власти над государствами северной Германии, в то время как огромная Австрия, многонациональная и застывшая в полufeодалных и аграрных условиях, с ее политическими интересами на юге и востоке, все больше отчуждалась от остальной Германии. Рано или поздно между обеими державами должна была возникнуть борьба за власть в Германии, но прежде, чем описывать ее, нужно познакомиться с политическим окружением Германии, в частности с соседями Австрии и Пруссии: от этих соседей многое зависело как в прошлой, так и в последующей истории их отношений.

4. Франция и Германия

Среди этих соседей главное место занимали Франция и Россия, а в некотором отдалении и Англия. Все они давно уже сложились в мощные национальные государства, и состояние Германии представляло для них первоклассный интерес.

Франция долго, в течение трех веков, была противницей Германской империи, в частности могущественного, возглавлявшего империю Габсбургского дома. Исходным моментом этой вражды был вопрос, который далеко не потерял своего значения и по сей день. Это был вопрос о Нидерландах — точнее их юго-западной части, так называемой Фландрии, вплоть до реки Шельды. Значение ее для Франции заключалось не только в том, что это была богатая торгово-мануфактурная страна, населенная главным образом говорящими по-французски валлонами, но еще больше в том, что, не будучи отделена от Франции никакими естественными преградами, она являлась как бы открытыми воротами для вторжения любого врага во Францию с севера, как мы это видели в наши дни и как это испытала Франция еще во время своей Столетней войны (1346—1453) с Англией за свою независимость и целостность. Так как Фландрия принадлежала тогда могущественному Бургундскому дому, владения которого простирались и далее на юг за Лотарингией, также нависавшей на французской границе, то уже французский король Карл VII, завершивший Столетнюю войну, проникся мыслью обезвредить ее, и его сын Людовик XI задумал обычную в феодальные века комбинацию брака своего сына-наследника с Марией, единственной наследницей Бургундского дома,

с тем чтобы и Фландрия мирно вошла в состав французского королевства. Но эта комбинация отнюдь не устраивала Габсбургов, так как Фландрия в одинаковой степени являлась открытыми воротами и для вторжения французов в Германию. Не устраивала она и Англию, для которой дальнейший захват Францией противолежащей ее берегам области означал серьезную опасность. Совместными усилиями германских и английских советников Марии французский проект был сорван, и бургундская наследница вышла замуж за австрийского наследника, впоследствии императора Максимилиана. Это был жестокий удар для Франции, которая очутилась в плотном охвате Германской империей с севера и с востока (Лотарингия и Эльзас входили тогда в состав Германии). Она еще острее почувствовала неудобство этого соседства, когда в дальнейшем сын Максимилиана и Марии Бургундской — Филипп женился на наследнице испанского престола, и сын от этого брака Карл объединил в своих руках обширнейшие владения обоих домов. Франция оказалась тогда окруженной габсбургской державой также с юга, со стороны Пиренеев. Тогда-то, в первой половине XVI века, и началась между французскими королями и Габсбургским домом яростная борьба, которая окончилась лишь с разгромом Австрии и ликвидацией Германской империи Наполеоном в начале XIX столетия. За указанный большой промежуток времени объединенная габсбургская германо-испанская монархия успела вновь распасться на свои первоначальные германскую и испанскую половины (1555 г.), причем Нидерланды и другие части бургундского наследства, а в дальнейшем (1617 г.) формально даже австрийский Эльзас перешли к испанской короне. Но это мало изменило положение, поскольку в обеих монархиях короны принадлежали габсбургскому дому в двух его ветвях (прямой в Испании, боковой в Германии), которые тесно сотрудничали в политике и в войнах в Нидерландах, в Германии и в самой Франции. Правда, Нидерланды вскоре распались на две половины: северная часть их после восстания 1556—1581 гг. выделилась в независимое государство (Голландию); но южная область, включавшая большую часть Фландрии, осталась под испанской короной, образуя вместе с прилегающим Брабантом провинцию, впоследствии называвшуюся Бельгией. Борьба Франции, таким образом, продолжалась, и в ходе ее, используя распад Германии после реформации на два лагеря: императорский — католический и княжеский — протестантский, Франция, которая у себя предавала протестантов костру, не поколебалась вступить в союз с протестантскими князьями, в свою очередь отнюдь не брезговавшими объединиться с врагом их веры и даже уступившими

ему в 1552 г. три знаменитых епископских города-крепости: Мец, Туль и Верден, и поныне являющиеся ключом к Лотарингии. Французская помощь и обеспечила за князьями победу над императором в Тридцатилетней войне, и в результате Франция (которая между прочим получила бывший австрийский Эльзас) стала опекуном и гарантом нового порядка — «германских свобод», как она окрестила независимость германских государей. Об этом внешне свидетельствовала ее подпись на Вестфальских договорах, а также тот небольшой факт, что они были составлены не только на латинском языке, как это до тех пор было принято в международных документах, но и на французском, что было новшеством. Не довольствуясь этим, Франция впоследствии (1657) основала под своим протекторатом Союз рейнских государств (Бавария, Гессен, Брауншвейг и др.), который снабжал ее солдатами, поставлял ей военное обмундирование и продовольствие, разрешал проход и пребывание на своих территориях французских войск — словом, фактически отделился от остальной Германии. Уже тогда империя перестала быть империей, а отторжение рейнских областей и превращение их во французский протекторат стало неизменным стремлением французской политики безопасности.

Но это был лишь первый, хотя и наиболее трудный, тур в борьбе Франции с Габсбургским домом. Правда, Германия была расчленена и перестала быть опасной соседкой; через некоторое время, после войны в союзе с Англией против Испании, Франция обеспечила себя и с испанской стороны так называемым Пиренейским миром (1659), отдавшим ей несколько городов Фландрии и Люксембурга и предусматривавшим брак французского короля Людовика XIV с испанской наследницей; Франция овладела также остальным Эльзасом (1674—1681), а под конец и Лотарингией (1766). Но в 1700 г. испанская линия Габсбургов прекратилась, на испанский престол воссел отпрыск ее (по бабке) французский принц в лице одного из внуков Людовика XIV и после долголетней европейской войны, в 1713 г. (по Утрехтскому миру) был на нем утвержден. Однако Фландрия, эта заноза во французском теле, вновь перешла к австрийскому Габсбургу, и французские короли, попрежнему борясь за эту область, возобновили старый спор с Австрией, участвуя во всех войнах, в которые она вовлекалась. Исключение составила Семилетняя война, когда, не добившись Нидерландов военными средствами, Франция (в лице Людовика XV) рассчитывала получить их на основании союзной договоренности со своей австрийской соперницей. Но и этот расчет не оправдал себя, как не оправдал себя заключенный в 1770 г. брак между наследни-

ком французского престола, будущим королем 'Людовиком XVI, и сестрой императора Иосифа II, Марией-Антуанетой: Иосиф не дал Нидерландов в приданое, хотя дважды готов был уступить их Франции, если бы последняя согласилась не мешать ему в захвате Баварии. Но Бавария была слишком ценным клиентом Франции, и передача ее Австрии ввела бы последнюю слишком далеко в глубь Германии, и Людовик XVI отказался от сделки. Как союз с Австрией, так и брак с «австриячкой» были крайне непопулярны во Франции и немало содействовали дискредитации монархии. Неудивительно, что в 1792 г. революционная Франция, ставшая на путь ликвидации монархии, первая объявила войну Австрии и тотчас же заняла австрийские Нидерланды (известные уже тогда более под именем Бельгии).

В ходе этой и дальнейшей борьбы с враждебными коалициями Франция попрежнему находила опору среди германских государств, главным образом южных, умело используя их соперничество с Австрией или страх перед ней. Такова была, например, Бавария. Она была членом первого Рейнского союза, оспаривала затем с французской помощью императорскую корону в вышеупомянутой войне за Австрийское наследство (1741—1748); ее курфюрст был награжден Наполеоном большими территориями за уступку ему левобережных рейнских областей, а в 1806 г. получил от него титул короля за вхождение в Наполеоном же основанный новый Рейнский союз. Бавария фактически стала вассалом Франции и лишь после поражения Наполеона при Лейпциге в 1813 г. переметнулась на сторону победоносных Пруссии и Австрии. Такова была также Саксония: некоторое время она вращалась в орбите Австрии и России, благодаря которым ее курфюрст получил польскую корону, но в период франко-австрийской дружбы она примкнула к Франции, дочь курфюрста была выдана за сына Людовика XV (от какового брака родился будущий король Людовик XVI), затем, не стесняясь этим родством с Бурбонами, саксонский курфюрст перешел на сторону «узурпатора» Наполеона в самую критическую минуту для Германии, когда Австрия и Пруссия были разбиты при Аустерлице (1805) и Иене (1806), вступил в образованный победителем Рейнский союз, за что был также награжден королевской короной, и сбежал от него лишь после битвы при Лейпциге. Таков был и ряд других государств — Баден, Вюртемберг, Гессен-Дармштадт и пр. — стоявших на стороне Франции против Пруссии и вступивших в Рейнский союз, отделивший их от остальной Германии.

Все эти годы Фландрия — Бельгия оставалась под французским владычеством и только после свержения Наполеона

была вновь отделена от Франции, но одновременно, как мы видели, отделена и от Австрии и введена в состав большого Нидерландского королевства. Вековая борьба Франции с Габсбургским домом на этом закончилась, но еще долго французские антипатии к нему тлели и временами вспыхивали, и еще долго Франция будет мечтать о присоединении Бельгии.

Иное было отношение Франции к Пруссии. Маленькое, но крепкое бранденбургско-прусское государство, своими происками вносившее изрядное смятение в дела Габсбургского дома, еще при «Великом курфюрсте», как упоминалось, мечтавшее отхватить Силезию у Австрии и не раз предлагавшее императорскую корону французским королям,— такое государство не могло не привлечь благосклонного внимания Франции, старавшейся дезорганизовать Германию и ослабить Габсбургский дом. Франция нисколько не возражала против передачи Бранденбургу, по Вестфальскому миру, земель на западе, частью у самого Рейна, считая, что ограждение их потребует со стороны курфюршества еще больших стараний искать опоры у нее, и уже в тридцатых годах XVIII в. французский государственный деятель маркиз д'Аржансон составлял планы чуть ли не изгнания Австрии из Германии и водворения на ее место Пруссии. Когда позднее Фридрих II крепко ударил по Австрии, он стал популярнейшим героем во Франции, и филлиам, который курили ему Вольтер и многие энциклопедисты, был лишь отражением той популярности, которую он снискал в придворных и военных кругах Франции. Даже такой умеренный и трезвый ученый и мыслитель, как Рейналь, автор знаменитой «Истории обеих Индий», который не шел так далеко, как д'Аржансон, все же считал, что Пруссия должна стать рядом с Австрией и вместе с ней возглавлять объединенную Германию. Прodelанный секретной дипломатией Людовика XV во время Семилетней войны военно-политический зигзаг в сторону Австрии еще и потому вызвал недовольство в общественном мнении Франции, что был направлен против Пруссии, и образование Фридрихом II в 1785 г. т. н. «Союза князей» (германских) против Австрии, когда та сделала очередную попытку захватить Баварию, только укрепило старые симпатии к нему общественных кругов Франции. На Пруссию долгое время возлагала надежды даже революционная Франция, считая совершенно неестественным ее союз с Австрией и делая всевозможные попытки оторвать ее и даже переманить на свою сторону. Официальные органы печати не стеснялись открыто доказывать ей в 1792 г., что ее политический маршрут лежит в направлении Чехии, Моравии и австрийской Силезии, и военные круги приложили немало стараний к

тому, чтобы завербовать услуги знаменитого герцога Брауншвейгского, лучшего генерала фридриховской школы, известного также в качестве «философа» и друга энциклопедистов. Они были даже готовы поставить его во главе французской армии. «Философ» не принял приглашения, а стал, напротив, во главе прусской армии и даже подписал знаменитый манифест против французского народа, подсунутый ему французским генералом-белоэмигрантом. Но все же и после этого генералы французской революционной армии не раз обменивались с ним визитами в его или своей ставке, ведя дружеские беседы на военные и политические темы. Невольно напрашивается вопрос: в какой мере эти странные отношения отразились на поведении герцога при Вальми (20 сентября 1792 г.), когда, потерпев неудачу в попытке опрокинуть молодую французскую армию, но ни в какой мере не разбитый, он в ту же ночь отступил, предоставив лавры победы своим противникам? Весьма вероятно, что эти отношения не остались без влияния и на решение Пруссии в 1795 г., когда, из опасения потерять свою долю в польском наследстве, поступившем на окончательную ликвидацию (третий раздел), она заключила в Базеле сепаратный мир с Францией. Она получила тогда от нее и фактическое признание своего права на господствующее положение на севере Германии, поскольку она взялась обеспечить в дальнейшем нейтралитет северогерманских князей. Десять лет длился мир между обоими государствами, несмотря на бушевавшую вокруг Пруссии борьбу, и лишь на одиннадцатом году мир был нарушен, и Пруссия была разгромлена Наполеоном. В последующих перипетиях борьбы и на Венском конгрессе Пруссия вела себя по отношению к Франции так непримиримо и вызывающе, требовала для себя таких широких аннексий за ее счет, что даже партнеры ее были возмущены, и когда конгресс присудил отдать ей рейнские земли, первоначально предназначавшиеся Саксонии, то Талейран мог только цинично заметить, что Франции в будущем легче будет предпринять обратное завоевание их у ненавистных пруссаков, чем у дружественных саксонцев. В течение ближайших десятилетий отношения между Францией и Пруссией оставались чрезвычайно натянутыми и не раз по различным поводам грозили перейти в открытую войну. Однако в период второй империи (Наполеон III) они вновь стали дружественными, и французская дипломатия неоднократно искала сотрудничества с прусской соседкой.

5. Россия и Германия

Отношение другого, русского, соседа к обоим германским державам было прямо противоположно отношению к ним Франции. Россия лишь в начале XVIII столетия вышла на европейскую арену, но уже в середине его ее позиция в отношении Германии стала явственно обозначаться. Решающим моментом можно признать войну за австрийское наследство, когда Фридрих II прямым захватом овладел Силезией, а затем пытался тем же манером, как мы видели, овладеть и Чехией. Михаил Петрович Бестужев, брат канцлера, посланник при польско-саксонском дворе, писал в 1744 г. в Петербург о необходимости оказать сопротивление прусской агрессии: «Всякой благоразумной и здравой политики главнейшая максима,— писал он, повторяя почти дословно поучения знаменитого мыслителя и историка Флоренции XVI в. Гвиччардини,— всегда сия быть имеет, чтобы заблаговременно не допускать, дабы сосед мой в небольшую и следовательно мне самому не иначе, но весьма предосудительную силу не приходил, ибо коль больше оный себя усиливает, толь вяще я сам себя в бессилие и очевидную опасность привожу». В следующем году, когда Фридрих вторгся в самую Саксонию, в Петербурге был созван чрезвычайный совет, на котором присутствовали канцлер, фельдмаршал и другие высшие сановники и генералы, для обсуждения вопроса: «Надлежит ли ныне королю прусскому, яко ближайшему и наисильнейшему соседу, далее к усилению приходить допускать или не сходственное ли будет королю польскому, яко курфюрсту саксонскому, по действительному настоящему случаю помощь подать и каким образом?» Все присутствующие единогласно ответили, что нельзя допустить дальнейшего усиления Фридриха, и сама Елизавета заявила, что для русских интересов усиление прусского короля не только не полезно, но и опасно.

Россия тогда опоздала: лишь весной 1748 г. ее 20-тысячный корпус вступил в Германию, но, не получая обещанных Англией субсидий, остановился. Впрочем, одного появления его достаточно было, чтобы заставить испуганного Фридриха немедленно вступить в переговоры с противниками и наскоро заключить с ними мир (в Аахене).

Но в Семилетней войне вмешательство России оказалось удачнее. Уже в самом начале ее канцлер Бестужев писал Елизавете: «Король прусский... вышел из пределов своей меры и, отхвата богатую и обширную Шлезию, но богатясь еще не меньше разорением и пограблением Саксонии, всем и наисильнейшим своим соседям тягостен и опасен сделался». Касаясь угроз Фридриха по адресу Ганновера, Бестужев про-

должал: «Что он в действительности на сие поступить готов и в состоянии, оное само собой показуется прежним и настоящим его поведением, предприимчивым, отважным и властолюбивым нравом, содержанием во всегдашней готовности к походу войск его, да и самой почти надобностью упражнять их в военных трудах и подвигах, будучи число их так велико, что превосходит нужное к собственной безопасности... Излишне было бы толковать, как вредительно интересам ее императорского величества усиление короля прусского». Русские войска нанесли тяжелые поражения Фридриху, который очутился на краю гибели и был, как уже упоминалось, спасен лишь неожиданной смертью Елизаветы Петровны и восшествием на престол голштинского принца Ульриха (Петра III). Свергнувшая последнего Екатерина II, тоже немецкая принцесса, протеже Фридриха, по словам последнего, даже устроившего ее брак с наследником русского престола, сохранила дружбу с Фридрихом, но вышла из войны, объявила себя нейтральной и в дальнейшем проявляла заметную сдержанность по отношению к Пруссии. Она с досадой шла на вынужденные Пруссией разделы Польши, так как они не только расстраивали ее собственные планы, но и усиливали Пруссию, и когда Фридрих в 1779 г. выступил против Австрии в конфликте за так называемое Баварское наследство, то она, по соглашению с Францией, поспешила вмешаться в качестве «посредницы» и совместно с Францией же пресекла войну в самом ее зародыше: ей не улыбалась мысль усиливать ту или другую сторону, и мирным договором в Тешине она заставила признать Россию дополнительным гарантом Вестфальского мира, т. е. независимости германских государств и целостности их владений, и право ее вмешиваться во внутренние дела Германии. В дальнейшем ее вмешательство сорвало начатое Фридрихом под флагом «Союза князей» объединение германских государств (пока что Саксонии и Ганновера) под прусской эгидой: Пруссия и в глазах Екатерины представляла собою опасность, которую надлежало предупредить.

Несомненно, что отчасти из этих мотивов Александр I, отстояв по Тильзитскому миру с Наполеоном (в 1807 г.) политическое существование Пруссии (за что король Фридрих-Вильгельм III обнимал и благодарил его со слезами на глазах), все же легко пошел на широкую ампутацию, лишившую ее всех земель к западу от реки Эльбы и польских провинций на востоке. Возобновившаяся в 1813—1814 гг. борьба с Наполеоном сблизила обе державы, и на Венском конгрессе интимность их стала такой, что Талейрану не стоило большого труда сколотить против них тайную коалицию, едва не офор-

мившуюся в виде военного союза между Австрией, Францией и Англией. Все же разочарованный в своем ожидании получить всю Польшу Александр не дал и Пруссии всей Саксонии, а лишь часть ее, и, соглашаясь затем на компенсирование Пруссии землями на Рейне, оказал решительное сопротивление ее дальнейшим территориальным домогательствам. В то же время он озаботился признанием за курфюршеством Гессен-Кассельским и другими государствами тех территориальных приращений, которые они получили от Наполеона, имея в виду создать из них солидный барьер между основными восточными и вновь приобретенными на западе провинциями Пруссии. Наконец, и передача Австрии председательствования в новом Союзе служила гарантией тому, что дальнейший рост Пруссии встретит на своем пути большие затруднения.

Само собой разумеется, что как отношение Франции к Пруссии было производным от отношения ее к Австрии, так и отношение России к Австрии должно было вытекать из ее отношения к Пруссии. Необходимо, впрочем, оговориться: русско-австрийские отношения имели за собой также историю, независимую от прусского фактора, историю, еще более раннюю, связанную с турецким вопросом: она нашла свое выражение в русско-австрийском союзе 1726 г., заключенном при Екатерине I, и особенно ярко в так называемом «греческом проекте» раздела Турции, согласованном в 1781 г. Екатериной II и императором Иосифом II. Правда, Австрия обошлась с Россией не особенно лояльно и не дала ей осуществить полностью согласованный проект, заключив сепаратный мир с Турцией; однако ответственность в этом деле несла в последнем счете Пруссия, которая, задумав окончательный раздел Польши, вынудила Австрию уйти с балканского плацдарма. Но Россия без особенных усилий простила Австрии ее прегрешения, потому что со времени войны за Австрийское наследство она и Австрия, как мы уже видели, а еще более в Семилетней войне нашли общий язык против Пруссии. Поддержкой России и, в частности, интимностью между Александром I и Меттернихом — интимностью, которую не мог нарушить даже тайный австро-англо-французский договор, ставший известным царю, — и объясняется та преобладающая роль, которую Австрия играла при решении европейских судеб на Венском конгрессе, несмотря на гораздо более выдающуюся роль, которую сыграла Пруссия в окончательной борьбе с Наполеоном. Следует мимоходом отметить, что, в противоположность Пруссии, Австрия держала себя по отношению к России гораздо более независимо и не стеснялась ставить ей палки в колеса, когда это требова-

лось ее собственными интересами. Она, как мы видели, даже вступила в тайный договор против нее. Но русская дипломатия, все еще дорожившая австрийской дружбой в связи с Восточным вопросом, без особых гримас проглатывала в большинстве случаев эти неприятные пилюли, и лишь Крымская война, как мы увидим, внесла коренное изменение в царскую политику по отношению к Габсбургской державе.

6. Англия и Германия

Остается сказать несколько слов об отношениях к обоим германским державам Англии. Вражда ее к Франции делала ее союзницей Габсбургов; забота о безопасности Ганновера, государем (курфюрстом, а с 1814 г. королем) которого состоял до 1837 г. английский король, толкала ее на дружбу с Пруссией. В войне за Австрийское наследство она стояла на стороне первой; в Семилетнюю войну — на стороне второй. В обоих случаях, однако, она ограничивалась главным образом выплачиванием субсидий своим союзникам, сама ведя сепаратную войну с Францией за Нидерланды, за Ганновер, за колониально-морское превосходство. В войнах против революционной и наполеоновской Франции она была союзницей обеих, выплачивая им субсидии и ведя войну с общим врагом на театрах, ее наиболее интересовавших, — в Испании, Египте, Нидерландах, на море и в колониях. На Венском конгрессе она шла рука об руку с Австрией за ограждение «независимости» германских государей, т. е. против Пруссии и с нею же за статус кво в Турции, т. е. против России. Меттерних был героем английских правящих кругов, и, в частности, Веллингтон, победитель при Ватерлоо, не чаял души в нем. Однако Англия охотно предоставляла и Пруссии честь держать «вахту на Рейне» против Франции водворением в Вестфалии и на левом берегу этой реки, озаботившись лишь укреплением голландской вотчины присоединением к ней не только Бельгии, но и Люксембурга с тем, чтобы прикрыть эти подступы к своим берегам как против Франции, так и против водворившейся на Рейне Пруссии. В общем, английская политика руководствовалась, как обычно, конъюнктурными соображениями, и лишь в дальнейшем в ней выкристаллизовались два течения, консервативное и либеральное, которые по-разному подходили к обоим германским державам.

Ознакомившись, таким образом, с главными действующими лицами и с их ближайшими друзьями и антагонистами, мы перейдем теперь к развитию самой драмы.

Классический антагонизм, о котором мы читаем в учебниках древней истории, между аграрной и неподвижной, заинтересованной в политической раздробленности Греции Спартой и колониально-торговыми, стремившимися к экспансии и гегемонии над другими греческими государствами Афинами не мог быть более глубоким, чем тот, который был заложен во взаимоотношениях между Австрией и Пруссией самой природой их: «сытой», по выражению Меттерниха, косной, преисполненной отвращения ко всякому движению и новшеству, в одном случае, и алчной, хорошо подобранной и подвижной — в другом. Долгое время этот антагонизм оставался скрытым под поверхностью, перекрываясь совместными заботами обеих держав по охранению «внутреннего порядка», установленного после 1815 г. Но достаточно было, как многие и предвидели, сильного внешнего толчка, чтобы вывести этот антагонизм наружу.

1. Революция 1848—1849 гг.

Такой толчок был дан революцией 1848—1849 гг. Положение для немецкой буржуазии, которой дозарезу нужны были свободный национальный рынок и свобода действий вообще, становилось нестерпимым в условиях, созданных политической раздробленностью и реакцией в Германии. Народные массы, мелкая буржуазия и рабочий класс чувствовали деспотический гнет мелких государей с иной его стороны, но еще острее. Когда в 1840 г. Франция, обойденная Англией и Австрией в восточных делах, стала грозить последней войной и революцией в Италии, вся Германия, и особенно Пруссия, вновь загорелась воинственным пылом и стала распевать национально-патриотические песни о «Германии, которая выше всего на свете» («Deutschland über alles in der Welt») и о «свободном немецком Рейне». Буржуазия вспомнила, как в 1813 г. воинственный патриотизм, охвативший все народы германских государств, создал идею германского единства, перед которой склонились даже государи; буржуазия и сейчас пыталась искать на тех же путях победы той же идеи. Одновременно уже происходили и рабочие забастовки и «беспорядки» — в 1844 г. знаменитая стачка силезских ткачей, в следующем году серьезные рабочие волнения в Саксонии. Уже в 1847 г. в разных частях Германии происходили собрания германских буржуазных деятелей, выносившие резолюции с требованием конституционных реформ и всегерманского объ-

единения. При этом взоры либералов особенно часто обращались к Пруссии, основательнице и руководительнице таможенного союза, этого зачатка экономического единства. И действительно, в том же 1847 г. Пруссия, нуждаясь в финансовых средствах, сделала первый робкий шаг навстречу требованиям буржуазии, призвав к жизни Соединенный ландтаг — представительное учреждение из делегатов от местных провинциальных сословных собраний — для обсуждения и утверждения налоговых и аналогичных мер. Король Фридрих-Вильгельм IV, весьма глупый и сумасбродный человек, открывая ландтаг торжественной речью, считал нужным предупредить (памятуя, повидимому, собрание нотаблей во Франции накануне революции 1789 г.), что созыв такого учреждения вовсе не означает введения конституции и что, наоборот, он никогда не пойдет на то, чтобы какой-то «лист бумаги» стал между ним и провидением; но и без этих слов ничтожность такой уступки общественному мнению была всем понятна. Однако Меттерних и его царственный коллега по всевропейской реакции Николай I громко осуждали эту меру, как «самоубийство» монархического принципа, что, как это часто бывает в подобных случаях, несколько подняло в глазах даже либеральных депутатов ценность ландтага. Под их воздействием ландтаг даже пошел на такой «революционный», шаг, как удаление из королевского титула слов: «божьей милостью», но когда депутация от ландтага осмелилась лично довести об этом до сведения короля, то он разразился таким гневом и угрозами, что депутация поспешила отретироваться и в докладе ландтагу стыдливо умолчала о постигшем ее конфузе.

Скоро, однако, подоспела и революция. Весть о февральских днях (1848) в Париже взволновала всю западную и южную Германию, наиболее тесно связанные с Францией; начались демонстрации и собрания, и некоторые мелкие государи сочли благоразумным сменить прежних реакционных министров, издать либеральные законы о прессе, разрешить собрания и т. д. Сам Союзный сейм во Франкфурте склонился перед бурей и пригласил своих членов собраться и обсудить «реформу» Союза. В ответ на это прусский король поспешил сам разослать своим коллегам приглашения на 20 марта для совещания в Дрездене или Потсдаме. Но за неделю до срока разразилась революция в Вене, а 18 марта сам Берлин оказался в огне революционного восстания, и совещание не состоялось. Однако прусский король оказался на «высоте положения»: забыв про «лист бумаги», он в первый же день революции объявил манифестом о созыве экстренной сессии Соединенного ландтага и о своем намерении употребить все силы к тому, чтобы конституционный строй

был введен во всех германских государствах, а главное, чтобы был созван всегерманский парламент. Правда, немедленно после этого «исторического» заявления ликующий революционный народ получил на улице обильное угощение саблями, штыками, пулями и картечью. Народ пришел в ярость и поднялся на баррикады; король вторично испугался, приказал войскам очистить город и 21 марта выпустил новый манифест, в котором возвестил, что спасение Германии заключается в ее национальном объединении, что он сам отныне становится во главе нации и что Пруссия с сего дня «растворяется в Германии». Король нацепил на себя национально-германскую кокарду, проехал торжественно по городу и даже отдал долг почтения убитым 18 марта гражданам.

Великое слово было произнесено с высоты прусского трона, но каждая сторона толковала его по-своему. Не один страх внушал Фридриху-Вильгельму эти обещания: они были ему подсказаны частью его ближайшего окружения, усмотревшей в смутах, которые разразились по всей Австрии, в Венгрии, в Чехии и в итальянских владениях, весьма удобный момент для осуществления давнишних прусских замыслов. Действительно, Австрия, этот корабль, нагруженный до краев всевозможными национальными и финансовыми проблемами, носилась в бурных волнах революции с такой очевидной беспомощностью и стала давать в разные стороны такие опасные крены, что гибель ее временами казалась неминуемой. Не поспеши ей на помощь, в ответ на ее вопли, Николай I, отправивший целую армию под начальством Паскевича на усмирение восставшей Венгрии, австрийская монархия впрямь потерпела бы крушение. Она и так с трудом барахталась под натиском революционных волн вплоть до осени 1849 г., когда, наконец, справилась со стихией. Не то было с Пруссией, где либеральные министры, наскоро назначенные в первые дни революции, уже в ноябре 1848 г. были заменены отъявленными реакционерами, а созданное в мае того же года для выработки конституции учредительное собрание было затем, в декабре, разогнано, и где король, издав собственной властью конституцию, через четыре месяца сам же ее заменил другой, «самой жалкой и реакционной в мире», как ее впоследствии характеризовал в минуту откровенности сам Бисмарк. За этот период времени происходили, правда, отдельные восстания в разных частях королевства, но они легко и быстро подавлялись полицейской и военной силой. Дело в том, что буржуазия очень скоро проявила нежелание идти дальше словесных протестов и резолюций и строго осуждала «эксцессы», совершаемые массами; и реакция действовала энергично, учитывая это обстоятельство.

Таким образом, руки прусского короля очень скоро оказались свободными, и он мог стать, как он возвестил, во главе «национального» дела, в том смысле, в каком он и его советники эту миссию понимали. Конкретно это выразилось, с одной стороны, в содействии другим государям в подавлении местных революций, а с другой — в нападении на соседнюю Данию с целью «разрешить» волновавший Германию так называемый шлезвиг-голштинский вопрос. Так как этот вопрос будет играть важнейшую роль в дальнейшем развитии событий и нашей темы, нам необходимо здесь сделать отступление и познакомиться с ним.

2. Шлезвиг-голштинский вопрос

Шлезвиг и Голштиния, расположенные в южной части Ютландского полуострова, были два старинных немецких герцогства, в XV столетии перешедших к графскому дому Ольденбургскому, глава которого незадолго до этого стал и королем датским. В дальнейшем герцогства разъединялись, дробились, раздавались в лены боковым линиям, вновь объединялись, как это часто происходило в феодальные времена, и только в 1720 г. Шлезвиг целиком вернулся в состав владений датского короля, в то время как Голштиния еще некоторое время оставалась раздробленной, пока в 1773 г. герцог готторпской части ее, сын Петра III (Карла-Ульриха), Павел, он же наследник русского престола, по настоянию своей матери Екатерины II, не отказался от своих прав в пользу датского королевского дома, который таким образом объединил все герцогство под своей короной на правах личной унии.

На все эти перипетии германское общественное мнение до сих пор не обращало никакого внимания. Но во время борьбы с Наполеоном немецкое население герцогств, недовольное тяготами, которые возложило на них присоединение Дании к наполеоновской континентальной блокаде, внезапно восчувствовало свою принадлежность к германской нации. На этом основании победители на Венском конгрессе, в частности Англия, включили Голштинию в Германский союз. Одновременно (на деле это и была цель!) они этой операцией стратегически укрепили Союз в ущерб франкофильской Дании. Шлезвиг, более тесно связанный с Данией и оставленный за бортом новой комбинации, остался недоволен, требуя воссоединения с Голштинией и одинакового с нею вхождения в германскую семью. Когда же население обоих герцогств подверглось новому налоговому обложению, вызванному финан-

совой нуждой датской короны, потерявшей по постановлению тех же победителей Норвегию, которая была передана более «лояльной», бернадоттовской Швеции, то национально-фискальное недовольство приняло новые формы: умеренные националисты требовали полной самостоятельности герцогств под личной унией датского короля, а более крайние и смелые элементы захотели полного отделения герцогств от Дании и образования из них особого государства в составе Германского союза.

Революция 1830 г. во Франции и соседней Бельгии всколыхнула население герцогств еще в большей степени, и датскому королю пришлось пойти на частичную уступку в виде установления в герцогствах представительных сословных учреждений. Но это мало успокоило публику, а взятый, по наступлении реакции, датским правительством курс на централизацию королевства (тоже из национальных мотивов, но уже датских) вызвал новую волну сепаратистских стремлений. Наивысшее выражение они получили в 1846 г., когда, по требованию датского ландтага, король декретировал в Шлезвиге и Голштинии тот же порядок престолонаследия, какой имел силу в самой Дании, с некоторой лишь оговоркой относительно Голштинии. Смысл этой меры заключался в том, что в самой Дании престол переходил по обоим линиям, мужской и женской, в то время как в герцогствах он, по местному феодальному праву, мог переходить только по мужской, а так как сын и наследник короля был бездетен, то распространение датского закона на герцогства лишало последние очень удобного случая в некотором будущем мирно распститься с датской короной и обосноваться самостоятельно с собственным и общим для них герцогом. Неудивительно, что этот акт короля довел возбуждение до крайних пределов: депутаты обоих ландтагов в герцогствах скопом сложили с себя мандаты, а голштинцы обратились в Германский сейм с жалобой на датского короля, который в качестве герцога состоял его членом.

Однако Союзный сейм, венценосные члены которого сами проделывали в течение веков аналогичные династические фокусы, отнесся к делу довольно хладнокровно и удовольствовался заявлением о том, что в герцогствах старинными законами действительно предусмотрено престолонаследие лишь по мужской линии. Но такое теоретическое суждение, за которым не следовало никаких действий, уже не отвечало требованиям пробужденного общественного буржуазного мнения в самой Германии. Оба герцогства занимали исключительно выгодное географическое положение на сравнительно узкой полосе, разделяющей Балтийское и Северное моря, и

обладание ими было бы для Германии, т. е. германской буржуазии, бесценным приобретением в смысле развития северной морской торговли: через Ютландский перешеек можно было бы прорыть канал (кстати, на восточном побережье Голштинии расположена была лучшая на Балтийском море гавань Киль, которая могла быть превращена и в первоклассную морскую базу), и Германия, в частности Пруссия, непосредственная соседка, получила бы в руки одну из важнейших и стариннейших торговых артерий в Европе. Неудивительно, что прусско-германская буржуазия, по мере развития событий в герцогствах, все больше и больше воспламенялась мыслью об их отторжении от Дании и включении в германскую семью. Шлезвиг-голштинцы стали «родными» братьями по национальности, и их «вызvolение» из чужой неволи — делом национальной чести.

В свою очередь, по мере роста этих симпатий, подкрепляемых перспективой вхождения в созданный Пруссией таможенный союз, руководящие слои немецкого населения в герцогствах (земельная аристократия и купечество) становились все решительнее в требованиях и все более резки в своих выступлениях. Должно же было случиться, что как раз 20 января 1848 г. умер старый король и на престол вступил его бездетный сын Фридрих VII, не замедливший обнародовать проект новой конституции, унифицировавший все части монархии на единой политически-административной основе. А через месяц уже разразилась революция во Франции, затем революции по всей Германии. Голштинцы тоже подняли восстание, провозгласили свое отделение от Дании и учредили временное правительство во главе с неким герцогом Августенбургским, ближайшим после Фридриха родственником покойного короля по боковой мужской линии. Одновременно они обратились снова в Союзный сейм за помощью.

3. Выступление Пруссии

Вот в этом-то пункте прусский король, следуя совету своих министров, и решил приложить свои усилия, чтобы послужить «национальному» делу. Пока Сейм собирался опять обсуждать просьбу голштинцев, прусские войска без всякого объявления войны были двинуты в Голштинию им на помощь, а заодно и для освобождения Шлезвига. В какие-нибудь несколько недель задача была выполнена, но так как Дания все же не сдавалась, то прусские войска ворвались на собственную ее территорию, в Ютландскую провинцию, и взяли крепость Фредерицию.

Поведение Пруссии было чистым самоуправством и не прикрытой агрессией. Правда, германское общественное мнение рукоплескало такому энергичному способу отстаивания «национальной» идеи; сам Сейм, как только Пруссия выступила, поспешил потребовать вхождения и Шлезвига в Германский союз. Вследствие этого представитель датского короля (в его качестве герцога Голштинского) покинул Сейм, объявив свой разрыв с ним. Тем не менее, ни для одного проницательного наблюдателя прусские намерения не оставались секретом. Менее всего они были тайной для иностранных дипломатов, в частности Англии и России, которые справедливо усмотрели в проявленном Пруссией рвении к национальному делу желание водвориться на ютландском седле и стать широкими фасадами на обоих морях. А это их не устраивало: Англии было выгоднее, чтобы морской путь в Балтику находился в слабых руках маленькой Дании, чем в цепких руках Пруссии; России же не нравилась мысль об усилении Пруссии вообще. Обе державы прикрывали свои мотивы ссылками на священные и неприкосновенные постановления Венского конгресса, утвердившего границы датского государства, а Николай I еще попрекал своего шурина (он был женат на сестре Фридриха-Вильгельма IV) союзом с революцией: он-де не понимает, говорил он, намекая на подавление прусскими войсками революционных восстаний в Германии (о чем речь ниже), как можно «в одно и то же время подавлять революцию в соседних государствах и прибегать к ее услугам для доставления Пруссии преобладающего положения в Германии». И он послал эскадру к Копенгагену в знак своей солидарности с Данией и заявил, что герцогства принадлежат последней в силу международных договоров, нарушение каковых Пруссией им будет сочтено за *casus belli*! В устах самодержца всероссийского эта угроза, несмотря на родственные отношения между обоими дворами, звучала еще грознее, чем была бы угроза со стороны Австрии, и Пруссия покорилась. Впрочем, не сразу и не полностью: войска были уведены из Ютландии, но продолжали действовать в Шлезвиге, пока державы не вынудили ее, наконец, согласиться на семимесячное перемирие (в Мальмё, в Швеции, 26 августа 1848 г.) с полной очисткой обоих герцогств и признанием всех распоряжений временного правительства Августенбургского недействительными.

4. Национальное собрание и его неудачи

Первая попытка Пруссии использовать благоприятную конъюнктуру внутри Германии для своих целей, таким обра-

зом, потерпела неудачу к вящему огорчению германо-прусской буржуазии и к великому ее негодованию на вмешательство иностранных держав. Эти чувства нашли поучительное отражение в стенах и за стенами всегерманского парламента, который был вызван к жизни революцией и с 18 мая 1848 г. заседал во Франкфурте в качестве учредительного собрания. Он состоял из депутатов, выбранных населением всех государств на демократической основе — в решающем большинстве из весьма умеренных либералов, представленных профессорами, юристами и другими любителями красноречия и теоретических рассуждений. Такой состав не был случайностью, а отражал довольно точно умонастроение тогдашней германской буржуазии, поздно вышедшей на историческую арену, уже чувшей за своей спиной поступь молодого пролетариата, поэтому трусливой, дряблой, склонной искать защиты у правительств, пусть деспотических, и на худой конец даже отказаться от свобод ради прибылей. Конечно, национальный вопрос, т. е. вопрос всегерманского рынка, интересовал ее гораздо больше, чем вопрос о политических правах и свободах, и уже выбор Франкфурта как места заседания Национального собрания указывал дорогу, по которой оно пойдет в поисках своих национальных идеалов. Франкфурт на Майне был в течение веков городом, в котором происходили избрание и коронование императоров Священной римской империи, и буржуазия явно стремилась к сочетанию «революции» с монархическим легитимизмом. Действительно одним из первых актов собрания, еще до выработки конституции было молчаливое решение, что новая Германия будет империей, а не республикой, и согласно этому оно избрало «регента» как временного главу государства в лице австрийского эрцгерцога Иоганна из царствующего Габсбургского дома. Что выбор пал на члена династии, известной своей враждебностью к национальному объединению Германии, было несколько странным, но эрцгерцог имел репутацию противника старого Меттерниха и будто бы сторонника единой Германии, а его принадлежность к дому, поставлявшему в течение стольких веков носителей императорской короны, являлась даже рекомендацией, поскольку она как бы увязывала великое прошлое с предстоящим великим будущим и освящала последнее былой императорской славой. Поэтому даже Пруссия не особенно поморщилась и одобрила выбор.

Это происходило в конце июня 1848 г. К этому времени все взоры были обращены на события, происходившие в герцогствах, представители которых — не только Голштинии, но и Шлезвига — заседали в Национальном собрании и чествовались как именитники. Национальное собрание даже объя-

вило шлезвиг-голштинский вопрос национальным интересом, но когда дело дошло до голосования предложения «левой» о том, чтобы поручить регенту объявить Дании войну, то предложение было провалено большинством 21 голоса. Тем не менее заключенное в Мальмё перемирие вызвало глубочайшее возмущение, и большинством голосов — правда, небольшим — собрание храбро постановило не признавать его. Вследствие этого министерство, в свое время составленное регентом и имевшее своим главой австрийца Шмерлинга, вышло даже было в отставку; но через три дня оно вернулось к власти, так как, ко всеобщему скандалу, оказалось, что нового министерства на основе непризнания перемирия в Мальмё никак нельзя было составить. При новом голосовании большинством одного голоса собрание постановило признать условия злосчастного перемирия, дискредитировав себя в собственных глазах. «Левая», поддерживаемая франкфуртским населением, вышла на улицу, трусливое большинство собрания было объявлено врагами Германии, двое депутатов были убиты на улице, другие подверглись побоям и оскорблениям, и «порядок» был восстановлен лишь усилиями австрийских и прусских войск.

Ни отклонение, ни одобрение перемирия собранием не имело по существу никакого реального значения и лишь выявило дряблость и полную политическую несостоятельность его буржуазных заправил. Тем не менее к концу года собрание торжественно приступило к обсуждению конституции, и в первую очередь вопроса о том, как быть с многонациональной Австрией. Были голоса за то, чтобы ее совсем исключить из нового германского государства; другие были готовы допустить ее в полном составе со всеми ее народами. Наконец, был найден компромисс в виде определения, что германские государства, имеющие в своем составе не немецкие земли, входят в новую Германию при условии, что эти земли выделяются ими в особые владения на началах только личной унии. Австрия была взбешена, и ее канцлер князь Шварценберг предложил Пруссии совместно разогнать высокое собрание и самим разработать реформу Германского союза. Но Пруссия, которой, при всем ее презрении к Франкфуртскому парламенту, приятна была мысль об исключении или о государственном расчленении Австрии, не пошла на это предложение, тем более, что была занята таким важным национальным делом, как война с Данией, что требовало известного внимания даже к собранию во Франкфурте. Все же она заявила в ноте собранию, что она против его решения относительно Австрии и что вообще какая-либо конституция, выработанная собранием, не будет действительна, пока не будет

одобрена всеми государями Германии. Это заявление было публичной пощечиной учредительному собранию, которое до тех пор мнило себя носителем народного суверенитета и вершителем политических судеб Германии; но оно молча проглотило это оскорбление. Шварценберг же, человек отважный, прошедший кавалерийскую школу (он был фельдмаршал-лейтенант), приступил, также наперекор Франкфуртскому собранию, к еще более тесному сплочению австрийских земель путем лишения их всяких следов самостоятельности и автономии и к унификации всего государственного строя и администрации империи.

5. Отклонение прусским королем императорской короны

Таким образом, и в этом вопросе Национальное собрание провалилось, что не помешало ему вскоре заняться третьим — в его глазах едва ли не самым важным — вопросом, а именно: кому быть императором? О каком-нибудь мелком германском государе или иностранном принце говорить не приходилось — это было бы оскорблением «великой Германии». Но также не могло быть речи и об австрийском императоре, принципиальном противнике всякого объединения и главе многочисленных не немецких народов, с интересами и требованиями которых он не мог бы не считаться, несмотря на все шварценберговские унификации. Возводить в императоры регента Иоганна тоже не годилось уже потому, что он был незначителен как по рангу, так и по способностям, как это выяснилось. Оставался прусский король. Его репутация была уже изрядно испорчена разгоном собственного ландтага и подавлением всех «свобод» у себя в Пруссии. Но не он ли уже в первые дни революции сделал заявку на руководство национальным делом, и не он ли выступил против Дании за поправные национальные права герцогств? И собрание 27 марта 1849 г. большинством 290 голосов против 248 *воздержавшихся* избрало его императором!

Это были плачевные выборы, и уже по одному этому было неудивительно, что Фридрих-Вильгельм отклонил такую двусмысленно проголосованную честь, несмотря на все советы своих министров и самого принца прусского Вильгельма (будущего короля и императора). Но тут были и другие мотивы, более важные, и их именно выдвинул король в ответ депутации, приехавшей с предложением короны: он примет такое подношение лишь из рук своих венценосных коллег, таких же, как он, помазанников божьих, и

после того, как они одобряют также конституцию. Это было вполне по-монархически; и любопытно, что, сообщая об этом своему воспитаннику, наследнику русского престола Александру Николаевичу, наш поэт В. А. Жуковский писал: «Франкфуртские строители... требуют, чтобы король Прусский принял за корону красный якобинский колпак их фабрики; если король Прусский устоит в своем отказе, то он сласет монархию». И действительно, в письме к одному из своих друзей этот король еще более элегантно назвал предлагаемую корону «венцом, сделанным из дерьма и навоза». Однако сомнительно, чтобы и более демократически и национально настроенный монарх или другое, даже невенценосное лицо согласилось принять корону от такого слабого большинства, которое к тому же потеряло всякий престиж у народных масс, как это стало ясно для всех. Собрание, наконец, после бесконечного потока речей выработало конституцию и почтительно преподнесло ее государям на одобрение, как требовал прусский король. Нашлось 29 вторичных и третестепенных государей, которые, боясь восстаний, сочли целесообразным одобрить ее, но главные государства — Пруссия, Бавария, Саксония и Ганновер отклонили проект, а Австрия даже отозвала своих депутатов из Франкфурта. Народные же массы в негодовании на «куцый» характер конституции вышли с оружием в руках в Бадене, Пфальце, Дрездене и других местах, требуя республики и демократической конституции. Собрание не замедлило призвать на помощь тех самых деспотов, против режима которых оно еще недавно произносило громовые речи, и тут Пруссия сразу с величайшим рвением откликнулась на голос «народных» представителей: ее войска поспешили к зараженным крамолой местам и с успехом подавили смутьянов и «демагогов». Это было равносильно смертному приговору над самим Собранием: отрекшись от революции, восстановив против себя народные низы, предавшись душой и телом монархам и военному деспотизму, оно повисло в воздухе и уже в июне 1849 г. было разогнано все теми же прусскими войсками. Дальнейшие восстания были подавлены в короткий срок.

6. Пруссия создает „новый порядок“

Так бесславно свершилась судьба Национального собрания. Впоследствии, как мы увидим, этот эпизод был использован реакцией для оправдания своих методов построения германского единства; но уже и в ту пору Пруссия воспользовалась позорным крушением либеральных надежд, чтобы

попытаться разрешить национальный вопрос по-своему. В конце апреля 1849 г. прусский король, возобновляя первоначальную попытку, разослал приглашение германским государям съехаться в Берлин для обсуждения вопроса о новом устройстве Германского союза. В середине мая, однако, в Берлине оказались уполномоченные лишь от четырех важнейших государств: Австрии, Баварии, Саксонии и Ганновера. От остальных никто не приезжал: их монархи предпочли выжидать. Ожидания их не обманули. Из четырех гостей двое сейчас же скрылись: австриец в первый же день заявил, что идея предлагаемой реформы его правительству вообще не нравится, а баварец, ознакомившись в общих чертах с предлагаемой Пруссией конституцией, через пару дней тоже попрощался, заявив, что он не согласен с принципом объединения Германии под единым главой. Действительно, предложения Пруссии состояли в том, чтобы ей передать ведение внешних сношений и военных дел Германии, а для руководства другими делами учредить семичленную коллегия из других германских государей (Австрии, Баварии и пр.) при участии Пруссии и с привлечением для обсуждения предлагаемых этими государями мер совета из уполномоченных от их правительств и выборной палаты от «народа»; при этом решения последней подлежали одобрению или отклонению прусского короля. Такая «конституция» не могла понравиться даже оставшимся в Берлине представителям Саксонии и Ганновера, но они находились в большой географической, а следовательно, и военной зависимости от Пруссии и поэтому заключили с ней союз сроком на один год («Уния трех королей») и приняли «в основном» ее предложения. Однако около полтораста человек из бывших депутатов Национального собрания, умереннейшие из умеренных либералов, большей частью из малых государств, съехались в Готу и одобрили прусский проект. На них глядя и сообразуясь с тем, что Австрия, занятая своими делами не могла им притти на помощь, двадцать восемь мелких государей тоже примкнули к унии и обещали провести у себя выборы в общегерманский учредительный парламент, который на этот раз должен был собраться в тюрингенском городе Эрфурте.

Но Пруссия была уже опять занята войной с Данией: семимесячное перемирие пришло к концу еще в марте (1849), и военные действия возобновились. А кроме того, нужно было выработать детали проектируемой конституции и, между прочим, решить такие жизненные вопросы, как, например, вопрос о том, могут ли отдельные государства содержать при иностранных дворах свои дипломатические миссии рядом

с прусско-императорской, или о том, как рассаживаться будут на совете уполномоченных представители королевств, герцогств, графств и пр. Вышло так, что парламент мог собраться в Эрфурте лишь 20 марта 1850 г., когда Австрия уже развязала себе руки, подавив последний очаг революции в Италии, и под ее давлением не только Саксония и Ганновер, но и несколько других государей, как король вюртембергский и великий герцог баденский, сбежали из прусского лагеря. Спектакль получился настолько плачевным, что и без постороннего вмешательства прусская режиссура вынуждена была бы скоро опустить занавес: не разыгрывать же было торжества германского национального объединения с хором статистов из мелких государств при отсутствии главных персонажей! Но Пруссия не догадалась сделать это во-время, и ей пришлось уступить силе.

7. Позиция Австрии. Ольмюц

Эту силу мобилизовала Австрия. В ответ на собрание эрфуртского «парламента» она пригласила германских государей съехаться во Франкфурт, чтобы восстановить старый Сейм и разобраться в новом положении вещей. Приехали все главные и некоторая часть второстепенных государей, и Австрия предложила: Сейм восстанавливается, но председательство на нем отныне будет принадлежать поочередно Австрии и Пруссии. Последняя, кроме того, может остаться при своем «союзе», который, однако, должен быть ограничен государствами северной Германии и его функции не должны вторгаться в компетенцию Сейма. Это была большая уступка Пруссии со стороны доминировавшей над всей Германией Австрии и являлось отражением того изменения в соотношении сил, которое произошло в пользу Пруссии за последние два года. Во всяком случае для Пруссии открылся путь к отступлению, не особенно славный, но все же не лишенный выгод. Сам король готов был пойти по нему, но ряд советников и принц Прусский, успевший к этому времени стяжать себе прозвище «принца картечи» за кровавое подавление баденского вооруженного восстания, не соглашались на это. Военные действия против Дании, которые опять были прерваны на время и опять возобновились и шли в общем весьма вяло под угрозой вмешательства Николая I, поговаривавшего о посылке войск в Восточную Пруссию теперь (июль 1850 г.) были окончательно приостановлены, и Пруссия заключила мир, выведя свои войска и оставив Августенбургского и его армию на произвол судьбы. Прусские войска были приведены в готовность для того, чтобы отстоять силой

оружия честь и интересы Пруссии. Австрия сделала то же самое, и на полях Германии грозила разразиться междоусобная война.

Наметилось даже определенное поле сражения: это было курфюршество Гессенское (Гессен-Кассель), где верно-подданные решили подняться против деспотизма своего государя и увлекли за собой даже чиновников, судей и самих офицеров армии. Австрия и Бавария постановили помочь государю и восстановить, если потребуется, силой «законный» порядок. К всеобщему удивлению Пруссия встала на защиту народа и также двинула туда свои войска. Это странное поведение объяснялось тем простым обстоятельством, что Гессен-Кассель принадлежал, как мы уже отмечали, к государствам, которые являлись средостением между восточными и западными областями прусского королевства. О захвате его Пруссия давно уже мечтала, и сейчас она опрометью бросилась осуществлять свои замыслы, рассчитывая использовать внутренние смуты для свержения курфюрста и захвата его владений.

Она должна была очень скоро убедиться, что ее замысел неосуществим: вмешался и тут Николай I, который (в октябре 1850 г.) вызвал к себе на суд в Варшаву глав австрийского и прусского кабинетов — Шварценберга и графа Бранденбурга и резко осудил поведение Пруссии, которая-де в Гессен-Касселе, как и в Шлезвиг-Голштинии, покровительствует подданным, восставшим против своих государей, и создает собственный союз против законного Сейма в нарушение международных трактатов. Он обещал моральную поддержку Австрии в Гессен-Касселе, но приближенным он говорил: «На поле сражения, на котором сойдутся Австрия и Пруссия как противники, появлюсь и я со своей армией и стану между ними — и я посмотрю, в состоянии ли я воспрепятствовать этой немецкой склоке (*querelle d'Allemand*)». Австрия торжествовала и предъявляла Пруссии ультимативное требование увести войска из Гессен-Касселя, распустить свой союз и признать старый Союзный сейм. Пруссия покорилась, и 29 ноября 1850 г. ее представитель барон Мантейфель подписал в Ольмюце в присутствии царского «наблюдателя» барона Мейендорфа полную капитуляцию, как того требовал Шварценберг. В утешение последний обещал обсудить с Пруссией и другими немецкими государствами план новой реформы Союза, созвав для этого конференцию в Дрездене. Из совещания, которое состоялось в конце того же года, ничего, однако, не получилось, так как требование Шварценберга о вхождении в Союз Габсбургской монархии в полном ее многонациональном составе встретило сопро-

тивление не только Пруссии и других немецких государств, но и держав, подписавших Венский трактат 1815 г., — Англии, Франции и России. Восстановлены были, однако, старый Союз и его Сейм в том же виде, в каком они существовали до 1848 г., и тем дело закончилось. Остается лишь добавить что по Ольмюцкому соглашению Пруссия дала согласие на водворение «законного» порядка в Шлезвиге и Гольштинии австро-прусскими войсками от имени Союзного сейма, что и было сделано: повстанцы во главе со своим герцогом вынуждены были сложить оружие, и герцогства были благополучно возвращены в лоно датской монархии. Три попытки Пруссии «возвеличиться» аннексией дополнительного «жизненного пространства» за счет Дании, ликвидацией одного из средостений, разделявших ее владения, и установлением своей диктатуры в Германии окончились полным провалом: Австрия, блюстительница status quo, оказалась еще очень сильной.

8. Крымская война

После Ольмюца Пруссия присмирела и на долгие годы потеряла вкус ко всяким авантюрам. Она чувствовала себя слабой и униженной и могла лишь радоваться тому, что Австрия в своей мстительности не зашла дальше восстановления прежнего порядка. Не говорил ли Шварценберг, что Пруссию надобно сначала унижить, а затем уничтожить? Но Шварценберг умер в апреле 1852 г., а в следующем году разыгралась крымская эпопея, отвлекшая Австрию совсем в другую сторону и заставившая ее, напротив, искать поддержки Пруссии. Последняя теперь была довольна, что оба ее ольмюцкие противника запутались в политических и военных осложнениях и очутились в противоположных лагерях и что оба они вынуждены считаться с той позицией, которую она займет. В итоге, однако, Пруссия оказалась настолько парализованной в своих двигательных центрах Ольмюцем, что не сумела извлечь из создавшегося положения никаких выгод и сыграла такую жалкую роль, что потеряла уважение в обоих лагерях. Австрия не считала для себя возможным остаться равнодушной к новой попытке России разрешить в свою пользу злополучный восточный вопрос, в частности к занятию Россией Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии), давно уже, по стратегическим и экономическим мотивам, составлявших предмет ее, Австрии, собственных вожделений. Отход Австрии в лагерь противников России был поэтому вполне понятен, как и предвидел в свое время Шварценберг, когда он вскоре после Ольмюца,

на указание, что Австрия слишком уж задалбливается у России, заметил: «Мы еще удивим мир своей неблагодарностью». Австрия не постеснялась принять участие в первой конференции послов по обсуждению условий для устранения конфликта — конференции, которую Николай оценил как инсценировку «полевого суда» над ним и Россией, но для работы которой Австрия любезно предоставила свою столицу. Она же подсказала Англии и Франции ультиматум, адресованный России от февраля 1854 г., об очистке княжеств, обещая им свое активное содействие, если они начнут с этого именно конца. Она приняла участие и в выработке знаменитых четырех требований новым совещанием послов в Вене 9 апреля 1854 г. и предъявила 3 июня России ультимативное требование очистить княжества под угрозой присоединения своего к союзникам. Она, наконец, и в дальнейшем, в декабре, присоединилась к разработанной союзниками программе мира, которая не только уничтожала все приобретенные Россией в течение трех четвертей века политические позиции на востоке, но и сильно ущемляла ее суверенитет требованием разоружения на Черном море. При этом Австрия пригрозила России вступлением в войну, если она эту программу отклонит.

Все это было весьма «неблагородно» со стороны державы, столь благодетельствованной Россией; недаром Николай I, спросив однажды ее посла, кто были наиболее глупые короли Польши, заметил, прочитав на его лице недоумение: «Собесский и я». * Однако это «неблагородство» было все же понятно. Но как повела себя Пруссия? И она приняла участие в венском «полевом суде» над Россией и даже 20 апреля подписала пакт с Австрией об оказании ей всяческого — вплоть до вооруженного — содействия в случае нападения России на нее в ее пределах. Через несколько месяцев она распространила эти обязательства свои и на тот случай, если Австрия подвергнется нападению России в пределах даже Дунайских княжеств, а король в письме к Николаю любезно намекал на возможность присоединения и остальных государств Германского союза к Австрии в случае русско-австрийской войны. В дальнейшем, хотя Пруссия и не присоединилась к программе «мира», все же она предоставила Австрии все гарантии на случай ее войны с Россией и тайком выставила армию в сто тысяч на русской границе. Напоследок, когда Австрия вторично предъявила России ультиматум, прусский король снова столь же лю-

* Ян Собесский, как известно, освободил Вену в 1683 г. от осаждавших ее турок, а Николай I спас Австрию от венгерской революции 1849 г.; обоим Австрия отплатила «неблагодарностью».

безно «посоветовал» царю принять его, а русскому министру иностранных дел Нессельроде было сообщено, что в случае отклонения австрийского ультиматума она, Пруссия, может оказаться в печальной необходимости присоединиться к Австрии.

Несомненно, в этих трусливых действиях за спиною России большую роль играло озлобление против нее за ее покровительство Австрии и, в частности, за Ольмюц — озлобление, которое царило во многих прусских, в частности либерально-буржуазных, кругах. Один из наиболее выдающихся главарей этих кругов, прусский посланник в Лондоне, барон Бунзен горячо поддерживал усилия Англии привлечь Пруссию к участию в войне против России и прислал в Берлин грандиозный план нового устройства Европы за счет российской державы, заверяя, что он сумеет склонить к нему и английское правительство. Этот план сводился к следующему: у России отнимаются Финляндия и Аландские острова, которые передаются Швеции; Крым, Бессарабия и весь Новороссийский край вместе с Дунайскими княжествами отходят к Австрии; зато последняя отдает Ломбардию Италии (Пьемонту) и отказывается от Галиции для восстановления польского государства в пределах 1772 г.; Пруссия в этих целях тоже отказывается от своих польских владений, но зато получает Саксонию, чешские Судеты и австрийскую Силезию и становится во главе Германского союза, который из союза государств превращается в союзное государство. Эти планы по тем временам звучали фантастически, но они верно отражали мечты известных кругов прусской бюрократии и буржуазии и как бы намечали генеральный маршрут для прусско-германских исканий на долгие десятилетия вперед. Но этот план дошел до ушей царского правительства, и Николай разразился яростной угрозой напасть на Восточную Пруссию и... снять с себя и всех своих министров и офицеров прусские ордена, а самого короля исключить из списка полков, в которых он состоял шефом. Какая из этих угроз больше подействовала, осталось неизвестным, но они подействовали: король перепугался, Бунзен был отозван, сочувствовавшие ему министры (в том числе военный — Бонин, открыто говоривший о войне с Россией и внесший в ландтаг требование военных кредитов на сумму в 30 млн. талеров) были уволены, принц Вильгельм, также сочувствовавший проекту, удалился из Берлина, и король дал царю соответствующие заверения.

При всем том не эти антирусские мотивы играли решающую роль в разыгрывании «лисийего хвоста» (по выражению Щедрина), в отличие от австрийского «волчьего зуба»:

решающим моментом был тот «комплекс неполноценности» перед Австрией, которым Пруссия заболела после Ольмюца: она не могла устоять против требований Австрии, к тому же поддерживаемой западными державами, и плелась за ней, как прибитый раб. Ей и досталось рабье возмездие: на Парижский конгресс 1856 г., венчавший победу союзников, ее, пятую великую державу, не допустили, несмотря на все ее слезные просьбы, и ее подпись была лишь принята под статьей, касавшейся нейтрализации Черного моря, так как при ее участии был выработан за 15 лет до этого так называемый Лондонский протокол определивший режим проливов. Это была новая демонстрация Пруссии против России.

9. Итальянская война

Столь же жалкую роль Пруссия сыграла в следующей, австро-франко-итальянской войне 1859 г. В результате Крымской войны пострадала не одна Пруссия — еще больше пострадала Австрия, оставшаяся совершенно изолированной. «Скорее оставлю Польшу, отпущу ее на волю, чем забуду австрийскую измену!» — восклицал в ярости, по получении вторичного ультиматума от Австрии, Николай I. Он немедленно распорядился исключить Франца-Иосифа из списков русской армии, где последний состоял шефом разных полков, и запретил офицерам впредь носить австрийские ордена. С другой стороны, и союзники особенно Франция, остались недовольны нерешительностью и «вилянием» австрийского правительства во время войны, и потому-то Наполеон III, как бы продолжая старые французские традиции, постарался привлечь к участию в Крымской войне Сардинию (Пьемонт),* военная помощь которой равнялась, собственно говоря, нулю, но появление которой в стане западных держав с перспективой ее участия в будущем конгрессе мира должно было сильно ущемить Австрию, ненавистницу ее, в свою очередь ненавидимую ею и всей Италией. Еще до окончания Крымской войны Наполеон стал замышлять войну с Австрией. Мы видели, что в 1848—1849 гг. роль Франции в германских событиях, традиционно составлявших для нее такой большй интерес, была незначительна: Франция была занята своей собственной революцией и вызванными ею внутренними осложнениями. Успокоившись, выбрав себе президента

* Не лишним будет напомнить читателю, что король сардинский был в то же время герцогом Савойским и князем Пьемонтским. Итальянцы предпочитали говорить «Пьемонт», а не «Сардиния», так как Пьемонт и его столица Турин были постоянным местожительством короля и его правительства.

республики в лице Луи-Наполеона, который не замедлил через три года, в декабре 1851 г., провозгласить свое президентство пожизненным, а еще через год возложить на себя императорскую корону, Франция развернула активность и в области внешней политики. Наполеону нужно было закрепить свой престол и свою династию: войну с Россией, выросшую из спора за якобы «святые места», а по сути дела за политическое преобладание над христианскими народами Турции, он вел в угоду папе и клерикалам, на которых он опирался, и теперь задумал совершить общенациональное дело — взломать систему палисадов и бастионов, которыми победители в 1815 г. окружили Францию в виде трактатов, заперших ее в границах 1790 г. Наилучшее средство к этому, заодно дававшее удовлетворение его негоднованию на Австрию, он, бывший в молодости карбонарием, усмотрел в оказании помощи Сардинии (Пьемонту), которая, в целях своего расширения, уже в 1848—1849 гг. стала во главе национально-освободительной борьбы против австрийского владычества в северной и центральной Италии. Конечно, за это Наполеон рассчитывал получить плату — он даже конкретно наметил ее в виде уступки Франции входивших в состав сардинского королевства Савойи, прилегающей к Франции и однажды уже принадлежавшей ей, и Ниццы на Средиземноморском побережье и таким образом переступить через порог, воздвигнутый упомянутыми трактатами.

Замысел был отважный и уже созрел в уме Наполеона тогда, когда он приглашал сардинского короля принять участие в походе против России. Он и тогда уже делал намеки министру короля Кавуру, что готов «что-то сделать для его отечества». Но прежде чем сговариваться с ним, нужно было обеспечить если не помощь, то, по крайней мере, благожелательный нейтралитет держав, которые могли бы вмешаться в эту сделку, осуществляемую только при посредстве войны. На первом месте тут фигурировала Англия, которой не понравилась бы мысль ущемления Австрии, ее давнейшей опоры против России на Востоке, и расширения Франции вопреки трактатам, да еще на Средиземном море. Но, во-первых, выступление Англии в защиту австрийского владычества в Италии встретило бы резкий отпор со стороны широкого общественного мнения в самой Англии же; во-вторых, Англия только что прошла через трудную борьбу по подавлению грандиозного восстания в Индии и все еще была там сильно занята; а в-третьих, без континентального «солдата» ее помощь Австрии была бы мало солидна. «Солдата» же она могла найти только в лице Пруссии, которая,

однако, была не менее враждебно настроена против Австрии, чем против Франции. Это нужно было выяснить.

Уже во время Парижского конгресса Наполеон стал оказывать Пруссии некоторое внимание. Именно его заступничеству она была обязана тем, что была допущена к подписанию черноморских статей и таким образом, как бы «бочком», включилась в сонм великих держав. Но уже за год до этого, воспользовавшись приездом в Париж прусского уполномоченного при Союзном сейме Бисмарка в связи с открывшейся там всемирной индустриальной выставкой, Наполеон имел с ним душевный разговор, заверяя его, что он нисколько не обижен на Пруссию за ее отказ выступить совместно с западными державами против России, а напротив, ничего так сильно не желал бы, как тесного единения с нею, ибо они обе, Франция и Пруссия, стоят во главе цивилизации и друг от друга зависят. Через два года после Парижского мира, когда тот же Бисмарк приезжал в Париж в связи с третейским разбирательством одного спора между Пруссией и Швейцарией, Наполеон говорил с ним еще откровеннее: Франция-де не может мириться с унижительными для нее трактатами 1815 г., но она не думает ни о Бельгии или Нидерландах, этих исконных объектах французской дипломатии, ни о левом берегу Рейна, а думает о том, чтобы освободить Италию от австрийского ига. В этом случае, продолжал он, он надеется, что Пруссия не заступится за свою соперницу, которая мешает ее росту, а, напротив, воспользуется случаем, чтобы увеличить свой удельный вес в Германии, присоединив к себе Ганновер, разъединяющий ее восточные и западные области, и Шлезвиг-Гольштейнию, что сделает ее морской державой. Франция против этого возражать не будет. Из уст государя Франции, которая не забыла еще прусских посягательств 1815 г. и позднее, при предшественнике Наполеона III, Луи-Филиппе, грозила напасть на рейнскую границу Пруссии, это было весьма солидным предложением: Наполеон как бы начертил своему собеседнику и заранее благословлял программу действий, которую тот, действительно, осуществит с лихвой в 1866 г. Но Бисмарк не был еще министром и мог только принять это предложение к сведению и запомнить его. Вскоре затем Наполеон сделал визит прусскому королю в его столице. Однако, несмотря на приятный прием, ему оказанный, от политических разговоров с ним уклонились, вследствие чего он заключил, что Пруссия собирается действовать сообразно обстановке, какая создастся ко времени войны, и заранее ангажироваться не хочет. Это было верно, как мы сейчас увидим. Вместе с тем, однако, Наполеон

убедился, что поведение Пруссии в большой степени будет зависеть от позиции, какую займет Россия, ее ближайший сосед, а поэтому он обратился и к ней.

На парижском конгрессе Наполеон проявил и к русским внимание, оказывая им в ряде случаев помощь даже против английской союзницы. Он прямо говорил князю Орлову, что тот может свободно обращаться к нему во всякое время, когда ему потребуется его содействие. В другой раз он спросил Орлова, каково его мнение относительно того, можно ли еще считать венские трактаты действующими после стольких изменений, какие они претерпели, и прибавил со вздохом: «Бедная Италия, не может же она вечно оставаться в своем настоящем бедственном положении!» Наполеон правильно рассчитал, что его слова и ухаживания падут на благодарную почву: вщемленная и униженная Россия неожиданно обретала могущественного друга, который к тому же собирался покарать ту самую Австрию, которая так предательски обошлась с ней и отныне стала для нее самой опаснейшей державой на континенте. В 1857 г. Наполеон лично виделся с царем Александром II в Штутгарте, затем, через год, в Варшаву к царю поехал кузен императора Жером Бонапарт. Наконец, после длительных переговоров в начале марта 1859 г. был подписан между обеими державами секретный договор.

Россия обязалась по этому договору в случае войны Франции и Сардинии с Австрией занять по отношению к Франции «политическую и военную» позицию, диктуемую благожелательным нейтралитетом; и она не будет возражать против территориальных приобретений Сардинского королевства на севере Италии, а Франция за это обязуется совместно с Россией, при заключении мира, добиваться интересующих их изменений в существующих договорах (под которыми подразумевались договоры 1815 г. и Парижский 1856 г. соответственно). Договор давал гораздо меньше, чем обе стороны первоначально запрашивали друг у друга, а именно: Франция хотела, чтобы Россия выставила на галицийской границе серьезную армию, чтобы отвлечь силы Австрии от итальянского театра войны, а Россия хотела, чтобы Наполеон напрямую заангажировался добиваться отмены ненавистных черноморских статей Парижского трактата. Тем не менее договор облегчал задачу Франции, которая теперь во всяком случае была уверена, что, имея на своей стороне Россию, она может быть обеспечена в значительной степени и со стороны прусского тыла.

Еще до заключения договора с Россией Наполеон уже заключил союз с Сардинским королевством, и война началась

в конце апреля 1859 г. Пьемонт терпел неудачи за неудачами, но Франция одолевала, и уже 11 июля австрийский император Франц-Иосиф и Наполеон тайком встретились в Вилла-франке и договорились о мире, по которому Австрия уступала Наполеону (для передачи Пьемонту) Ломбардию. Это было далеко не все, что Наполеон обещал Сардинии при заключении с нею союза: он должен был доставить ей и Венецианскую область. Тем не менее Сардиния вынуждена была довольствоваться этим неполноценным подарком и за это уступить Наполеону обещанные ему по союзному договору Савойю и Ниццу. Впрочем, чего недодал Наполеон, было добавлено в другом виде самим итальянским народом, который прогнал всех государей, габсбургских и бурбонских, из средней и южной Италии, так что уже в следующих 1860 и 1861 гг. вся Италия, кроме Венеции и папских владений, была объединена под сардинской короной, которая и стала итальянской.

Что же делала в это время Пруссия? По всей Германии шел всликий спор. Одни стояли за то, чтобы Пруссия, наравне с другими германскими государствами, выступила на стороне Австрии против Наполеона и его русского друга. Это была позиция в основном второстепенных государств, которые дорожили существованием и мощью Австрии, их покровительницы. Другие, напротив, требовали выступления против Австрии в союзе с Наполеоном для того, чтобы разрешить национальный вопрос полным разгромом Австрии в прусском духе.

В Пруссии в это время правил уже не Фридрих-Вильгельм IV, тяжело заболевший психическим расстройством, а его брат, знакомый нам принц Прусский Вильгельм, в качестве регента. Потому ли, что он во время Крымской войны придерживался английской ориентации и ратовал за выступление против России, или по другой причине, но он считался в либеральных кругах Пруссии «своим человеком», и его вступление в управление государством приветствовалось как «новая эра». Как бы в подтверждение этих наивных чаяний Вильгельм уволил прежнее реакционное министерство и заменил его более либеральным. В дальнейшем, однако, по вопросу об участии Пруссии в австро-французской войне он остался в нерешительности. Разделяя целиком антипатии прусских реакционных кругов к Луи-Наполеону, как к «исчадию революции», как к узурпатору, опиравшемуся на народное голосование, и как к носителю ненавистного имени Наполеона, Вильгельм и слышать не хотел о союзе с Францией — тем более, что, будучи направлен против Австрии, такой союз был бы крайне непопулярен среди германских

монархов и еще больше подорвал бы сильно расшатанный Ольмюцем престиж Пруссии. Но и стать на сторону австрийской соперницы, нанесшей Пруссии в Ольмюце такое поражение, ему также не хотелось — разве только Австрия согласилась бы уплатить за это хорошую цену. Какую? Об этом долго думали: одни предлагали заставить Австрию признать прусскую гегемонию хотя бы на севере, как это условно предлагала сама Австрия после Ольмюца; другие готовы были ограничиться признанием за Пруссией одинаковых прав с Австрией по руководству Германским союзом и предоставлением ей на время войны главного командования войсками последнего. Во всяком случае решено было произвести мобилизацию, но мобилизация показала неподготовленность армии и в смысле кадров и в отношении материального оснащения, а тем временем, 27 мая (1859), германские государи получили циркулярную ноту от Горчакова, царского канцлера (министра иностранных дел), преподававшую им совет сидеть смирно и не выступать в защиту Австрии — в противном случае «наш государь, не будучи связан никакими обязательствами, будет руководиться в своих решениях, которые он призван будет принять, исключительно интересами своей страны и достоинством его короны». Точный смысл угрозы вряд ли был понятен адресатам, как, вероятно, и самому отправителю, который очень любил красивые «пифические» фразы. Но именно потому, что можно было истолковывать ее как угодно, германские государи предпочли послушаться «советов», и сама Пруссия не решалась двинуться с места. Так война и прошла без того, чтобы Пруссия проявила должную активность и чем-нибудь оправдала те обязательства, которые лежали на ней, как и на других государствах, в силу устава Германского союза. И Союз оказался мифом, и великодержавные притязания Пруссии на гегемонию в нем потеряли всякое значение.

10. Внутренний кризис в Пруссии

Пруссия дошла до низшего предела своего влияния, при том как раз в момент, когда пример Пьемонта, ставшего во главе итальянского национально-освободительного и объединительного движения и добившегося такого успеха, вызвал восторг в демократически настроенных массах и зависть в либеральных кругах прусского и вообще германского общественного мнения. Проснулись от летаргического сна старые либеральные говоруны из разогнанного франкфуртского Национального собрания, и по всей стране прошли собрания и демонстрации, на которых выносились резолюции с требова-

нием национального объединения. Но о Пруссии, как собира-
тельнице земли немецкой, уже мало кто говорил, а в Вюрц-
бурге состоялся даже съезд второ- и третьестепенных госуда-
рей, которые приняли постановление добиваться реформы
Союза под главенством Австрии. Принц-регент особенно
остро чувствовал унижение, которое уже дважды выпало на
долю Пруссии, и, приписывая его главным образом обнару-
женной ею военной слабости, предпринял основательную
военную реформу, рассчитанную на удлинение срока службы
как в строю, как и в запасе, при фактической ликвидации
народного ополчения (так называемого ландвера). Это при-
вело к тяжелому конфликту между ним и ландтагом, в по-
давляющем большинстве своем либеральным, который от-
казывал ему в военных кредитах. «Прогрессисты» (так на-
зывались тогда либералы) подозревали его в намерении
создать «преторианскую» армию для укрепления власти
короны и требовали ответственного министерства «доверия»
и других прав для себя. На это регент отвечал повторными
ропусками ландтага и новыми назначениями министров,
всякий раз всё более реакционных, пока дело не дошло до
такого кризиса, что Вильгельм, окончательно вступивший на
престол в 1861 г. после смерти брата, стал серьезно задумы-
вать об отречении, боясь дальнейшими мерами против ланд-
тага вызвать революцию. По сути дела, в этом не было ника-
кой опасности: вожаки оппозиции произносили отличные речи,
каждые новые выборы приносили им новые лавры и новые
мандаты, их пресса громила реакционных советников короля
и даже намекала на участь английского короля Карла I и его
министра Страффорда, погибших на эшафоте, но дальше слов
дело не шло. Даже бюджеты, исключая военные статьи,
спокойно и даже усердно вотиrowались, давая правительству
возможность на основании параграфа конституции не только
взимать старые налоги и содержать весь свой аппарат, но и
осуществлять старый военный бюджет и таким образом про-
водить помаленьку и потихоньку свою военную реформу. Но
Вильгельм был человек недалекий, в его ближайшем окру-
жении было немало людей, в том числе его жена и его сын,
которые сочувствовали либеральным реформам, в частности
ландтагу, и у него нехватало смелости ни ломать преграды,
ни отступать. В этот критический для него и для Пруссии
момент был призван к власти Бисмарк.

11. Бисмарк

Бисмарк, юнкер, владелец нескольких имений, стяжал гром-
кую репутацию своей реакционностью еще в бытность чле-
ном Соединенного ландтага в 1847 г. Он восседал на скамьях

крайней правой и неизменно отстаивал, даже против короны, самые реакционные меры. Когда один робкий либерал, в связи с тронной речью Фридриха-Вильгельма IV о пресловутом листе бумаги, осмелился напомнить о конституционных обещаниях в период национально-освободительной войны с Наполеоном, Бисмарк в тщательно составленной речи с негодованием отверг эти претензии, указывая, что народ, которого так долго били, что он вынужден был, наконец, восстать против обидчика не приобрел этим актом никаких особенных заслуг, за которые его еще нужно награждать. Даже собственные его друзья из юнкеров были сконфужены этим карикатурным изображением освободительной борьбы против Наполеона, и при приеме депутатов король демонстративно «не заметил» его. В первые дни революции 1848 г. он, как истый вандеец, явился в Берлин с вооруженной бандой своих крестьян, предлагая их услуги для подавления бунтовщиков, но не встретил сочувствия и всю жизнь не переставал сожалеть о том, что реакция сразу не расправилась с революцией на улице, а ждала, пока она не выдохлась сама до конца. Конечно, он был монархист до корней волос. Однажды он откровенно поведал тогдашнему принцу Прусскому, что он «вырос в монархических традициях своей семьи и нуждается в монархических учреждениях ради своих земных благ». Но монархист он был именно прусский, потому что, как он выразился в другой раз, «он прежде всего пруссак, и, лишь во вторую очередь немец», и когда дело шло о других монархах, то он не стеснялся поднимать против них их собственных «подданных», как мы это ниже увидим, или свергать их с престола. В 1851 г. он был назначен прусским уполномоченным в Союзном сейме, и только там он познакомился со знаменитой депешей Шварценберга конца 1850 г., где была фраза: «раньше унижить ее [Пруссию], а потом уничтожить». И Бисмарк, мечты которого до того времени не шли дальше создания равноправия Пруссии с Австрией и совместного их господства в Союзе, стал отныне врагом Габсбургской монархии. Он признавался в разговоре с одним собеседником, что он задался целью отомстить за Ольмюц и свергнуть Австрию, которая так недостойно обращалась с Пруссией и хотела бы унижить ее до положения вассала. Он-де хочет поднять Пруссию и создать для нее положение в Германии, на которое она имеет право в качестве чисто германского государства. Признания эти относятся, правда, к более позднему времени, когда Бисмарк уже был прусским премьер-министром, но они в точности выражали его мысли уже во время его пребывания во Франкфурте. Если не с ненавистью, то с презрением он относился к самому Союзу, который,

как Бисмарк много раз доказывал королю и писал своим друзьям, не мог бы и дня продержаться без Пруссии в случае иностранного нападения, в то время как последняя в аналогичном случае не получила бы никакой помощи от Союза. Он понимал, конечно, что Пруссия еще слишком слаба, чтобы в ее теперешнем состоянии предпринимать попытку низвергнуть Австрию с ее пьедестала или разбить Союз. По этой причине он всей душой стоял за провоздимую Вильгельмом реформу армии и готов был идти на всякий риск и всякие насилия над ландтагом и общественным мнением, чтобы добиться осуществления ее.

Кроме того, он считал нужным, чтобы Пруссия обеспечила себя не только нейтралитетом иностранных держав, но, если возможно, то и союзами с наиболее сильными из них для того, чтобы Австрия и Союз уже сейчас считались с ней как с реальной силой. В этой связи он не останавливался перед мыслью, которая «шокировала» все правительственные консервативные юнкерские круги и самого короля,— мыслью о союзе с бонапартовской Францией, которая в лице Луи-Наполеона делала ему неоднократно авансы и официозная пресса которой совершенно откровенно толкала Пруссию на выступление против старой антипатии Франции, габсбургской монархии, которая-де мешает росту Пруссии. Конечно, Луи-Наполеон имел при этом в виду кое-что заработать — мы ниже увидим, в каких направлениях; но Бисмарк вполне готов был и на это, понимая, что только Николай I, как он указывал, мог «по-донкихотски» оказывать неоценимые услуги своему соседу, не получая и не требуя за то никакой платы.

Для облегчения совести своих друзей и короля Бисмарк доказывал, что не один Наполеон вышел из революции: целый ряд династий в Европе, с которыми Пруссия поддерживала хорошие отношения,— династии в Швеции, Испании и Бельгии и во множестве других стран, включая и Англию, обязаны своим воцарением революции. С другой стороны, никакими революциями сам Наполеон не занимался, а ищет, как все государи, своих выгод самыми апробированными в политическом обиходе держав методами. Вообще же смешно в иностранной политике руководиться симпатиями и антипатиями; решающим фактором являются и должны являться государственные интересы. Нужно только обладать достаточной силой, чтобы их осуществлять; все остальное не имеет значения.

Таков был Бисмарк. Сами юнкера, за немногими исключениями, и сам король его не любили и даже боялись, видя в нем, как они выражались, «красного реакционера». Трудно

сказать, удалось ли бы ему переубедить эти элементы и на основе союза или сближения с Францией добиться власти. На его счастье, в 1859 г. его переместили на посланнический пост в Петербург, и там он нашел условия, которые также могли быть использованы для выхода Пруссии из изоляции, но которые для прусского юнкерства или легитимистских чувств короля были несравненно более приемлемы. Оказалось, что в правящих и общественных кругах России царит глубочайшее недовольство Австрией, которое даже перекрывает отчасти старое недоверие к Пруссии. Выяснилось, что на этой почве Пруссия может найти общий язык с русским соседом, — в особенности если при этом она еще будет подчеркивать что у нее, в противоположность Австрии, нет никаких интересов на Востоке и поэтому она сможет все свое влияние в Европе, если она увеличит его с помощью России, отдать в распоряжение последней. А кроме того (это имело особенно важное значение ввиду склонности Горчакова искать сближения с Францией!), восточный вопрос и в русско-французских отношениях составлял, как это многократно обнаруживалось в прошлом, да еще недавно в Крымской войне, нечто вроде подводного камня, очень для них опасного; в таком случае Пруссия — в особенности сильная — может оказаться весьма полезной для России, как прикрытие ее фланга, если указанные отношения потерпят крушение.

Эти мысли созревали в уме Бисмарка уже в первые месяцы его пребывания в Петербурге, где он сразу увидел, что на этой базе возможно соглашение, которое будет чрезвычайно выгодным для Пруссии в ее борьбе за господствующее место в Германии. Однако, когда он весной 1860 г., будучи приглашен регентом сделать (выражаясь по-современному) доклад о международном положении на государственном совещании (дело шло о его кандидатуре на пост министра иностранных дел, которую усердно выдвигали его друзья и поклонники, среди них особенно старался военный министр Роон), откровенно высказал свои взгляды на отношения к Австрии и России, то они встретили крайнее неодобрение со стороны Вильгельма. Мысль о борьбе, вплоть до войны, с Австрией за супрематию и о сотрудничестве на этот предмет с иностранной державой, Россией, показалась королю и безнравственной и опасной. Министром был назначен другой, менее авантюрный кандидат, а Бисмарк вернулся на свой пост в Петербург, где он в течение дальнейших двух лет сумел до такой степени внушить царю и Горчакову доверие к себе и своим намерениям, что от него не

скрывали никаких самых интимных планов и пожеланий и давали читать донесения послов и директивы им.

Это близкое знакомство с русскими настроениями и вожделениями еще больше укрепляло его веру в возможность и важность тесных отношений с Россией для разрешения будущих задач Пруссии и соответственно ослабляло его прежнее тяготение к интимности с Францией, хотя отталкивать ее он, конечно, не намеревался. В мае 1862 г. он был переведен в Париж по причинам, которые остались неизвестными. Наполеон сейчас же возобновил свои авансы, предлагая установить между обеими державами самый тесный контакт и взаимно консультироваться по всем внешнеполитическим вопросам, и для вящего его поощрения сообщил Бисмарку по секрету, что перепуганная его назначением Вена уже сделала ему, Наполеону, такие предложения, что даже посол австрийский при передаче их не скрыл своего ужаса. Бисмарк тем не менее даже не передавал предложений Наполеона в Берлин, а ограничился сообщением о необыкновенном демарше Австрии, как ярком примере ее стараний утвердить свое превосходство над Пруссией хотя бы ценой передачи Франции левого берега Рейна или Венеции. Это был лишь один из методов, при помощи которых Бисмарк старался и в дальнейшем воспитывать Вильгельма в духе своей политики; и вместе с тем это отражало взятый им отныне курс на разговоры с Наполеоном без особых обязательств с своей стороны. Впрочем, Бисмарк не долго оставался на новом посту. Отчаявшись в возможности преодолеть оппозицию ландтага по военному вопросу, но отнюдь не разделяя внешнеполитических взглядов и намерений «бешеного юнкера» (другая кличка), Вильгельм уступил настоянию Роона и решил скрепя сердце пойти на последний и самый опасный эксперимент, призвав к власти Бисмарка. 19 сентября 1862 г., по получении телеграммы от Роона, что «промедление смерти подобно», Бисмарк примчался в Берлин. На пути, во Франкфурте, он был встречен своим другом, в тот же день принят кронпринцем и королем, и 23 сентября состоялось его назначение на пост министра иностранных дел и временно исполняющего обязанности председателя совета министров. Окончательное утверждение его министром-президентом состоялось 8 октября.

Глава III

1. Бисмарк и оппозиция

История, как известно, делается людьми, но, как часто забывают, она же их и отбирает в качестве действующих

лиц. Нельзя не признать, что выбор Бисмарка в условиях, когда предательство трусливой буржуазии открыло широко двери для прусско-юнкерского решения национального вопроса (объединения без свободы), был весьма удачен. Встреченный насмешками со стороны либералов и пророчествами со стороны широкого общественного мнения насчет того, что он больше двух-трех месяцев не продержится на посту, на котором поскользнулись более гибкие его предшественники, этот «бешеный юнкер» пробыл у власти двадцать восемь лет, успев за этот срок преобразовать не только Пруссию, но и всю Германию.

Уже первое его выступление произвело «фурор». 29 сентября он предстал впервые перед ландтагом, а на следующий день, в бюджетной комиссии по обсуждению злополучного военного законопроекта, он произнес знаменитые слова: «Пруссия носит слишком тяжелое вооружение для своего маленького тела, но это вооружение должно чему-то служить. Не на либерализм Пруссии взирает Германия, а на ее мощь. Бавария, Вюртемберг и Баден могут присягать либерализму, на основании этого им все же никто не станет присваивать роли Пруссии. Пруссия должна собрать свои силы для благоприятного момента, какой уже не раз был упущен. Созданные Венским трактатом границы Пруссии не благоприятны для ее тела. Не речами, не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — это было ошибкой 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью». В этих словах заключалась целая программа действий, которую Бисмарк намечал в своей внутренней, т. е. германской, и внешней политике, но либералы этого не поняли. До их сознания дошла лишь последняя фраза, содержащая критику их словесных методов борьбы, и они разразились негодованием и протестами. Через несколько дней ландтаг, по обыкновению отклонивший военные статьи бюджета, был распущен «на каникулы», а следующая сессия, открывшаяся в начале следующего года, тоже была вскоре закрыта. В дальнейшем ландтаг прерывал свои сессии или совсем распускался, но новые выборы лишь усиливали ряды оппозиции, и конфликт возобновлялся. Так дело продолжалось вплоть до 1866 г. В продолжение этих долгих лет ландтаг, голосуя попрежнему за все прочие статьи бюджета, содержавшие очень полезные для буржуазии экономические мероприятия, продолжал давать Бисмарку возможность взимать новые и старые налоги, манипулировать по-своему отдельными ассигновками, заключать займы и продолжать строить новую армию согласно прежней практике короля и плану Роона. Напрасно Лассаль убеждал оппозицию объявить полный бойкот правительству, отклонять бюд-

жет целиком, даже уйти из ландтага; либералы не слушали его, а так как за бойкотом, в случае его неудачи, не предвиделось самим Лассалем никаких революционных мер, то Бисмарк преспокойно продолжал игнорировать своих противников, проявляя «толстокожесть», которой мог бы позавидовать, по выражению его поклонников, любой носорог. Сам король также перестал пугаться после того, как Бисмарк убедил его призывом к офицерской чести: отступать не дело монархов, и благороднее сложить голову на плахе, чем поднимать белый флаг. Один только кронпринц Фридрих остался непримиримым. Когда в связи с новым перерывом сессии в начале 1863 г. Бисмарк издал свирепый закон о печати, кронпринц в публичной речи заявил о своем несогласии с ним и с политическим курсом министерства вообще и отказался впредь участвовать в его заседаниях. За это он едва не попался заключением в крепость и лишением прав престолонаследия.

2. Польский вопрос

Уверенный в своем внутривнутриполитическом тыле, Бисмарк главное внимание обратил на внешнеполитические дела. Уже в декабре 1862 года, по поводу одного незначительного столкновения с Австрией, он говорил ее посланнику Кароли: «Наши отношения должны стать лучшими или худшими, чем сейчас. Я готов совместно попытаться улучшить их, но если это не удастся из-за вашего нежелания, то в случае войны Австрии с какой-нибудь державой союз Пруссии с последней не исключен». В другой раз он самому министру иностранных дел Рехбергу повторил эту угрозу, говоря, что Пруссия станет на сторону врагов его страны, если последняя не перенесет своего политического центра из Вены в Будапешт и не предоставит Пруссии свободы действий в Германии. Надо полагать, что в Вене тогда не особенно испугались этой угрозы из уст «бешеного юнкера». Бисмарк, однако, уже предпринял шаги, чтобы придать ей реальное значение. Из разговора, который он имел с Наполеоном при вручении отзывных грамот (для этого он поехал в Париж немедленно после закрытия сессии ландтага, в начале ноября 1862 г.), он мог убедиться, что может попрежнему рассчитывать на его благожелательный нейтралитет в случае территориального расширения Пруссии. Правда, Наполеон на этот раз намекал, что он, быть может, не откажется от «небольшого исправления границы», например, от получения обратно Саарского угольного бассейна, который с 1794 по 1814 гг. принадлежал Франции, а по Венскому трактату 1815 г. перешел к Пруссии. Это было уже некоторое отступление от бескорыстного предложения

1859 г., явно подсказанное удачным опытом с Кавуром, который не поколебался купить поддержку Наполеона передачей ему частей собственной сардинской территории. Но тогда речь шла о военном союзе, а сейчас лишь о нейтралитете: война в интересах Пруссии даже против нелюбимой Австрии была бы крайне непопулярна во Франции, а к тому же предпринятая как раз тогда Наполеоном большая колониальная авантюра в далекой Мексике уже грозила поглотить большие материальные и людские средства. Понятно, что Бисмарку предложенная Наполеоном плата показалась слишком высокой, и сам Наполеон не настаивал на ней, когда Бисмарк объяснил, что именно на эту уступку его король не пойдет. Как раз в это время был возобновлен существовавший между Францией и прусским таможенным союзом выгодный для Франции торговый договор, и вопрос о компенсациях был оставлен открытым.

С Россией устроилось еще лучше. В конце 1862 г. в Польше вспыхнуло давно назревавшее восстание, и по инициативе Англии, заинтересованной в нарушении все еще продолжавшихся после 1859 г. дружеских отношений между Россией и Францией, последняя вместе с нею забросала царское правительство нотами протеста и чуть ли не угрозами. Впрочем, сам Наполеон впоследствии объяснял, что он не мог иначе действовать из внимания к сильному полонофильскому настроению широких общественных, в частности, конечно, католически-клерикальных кругов Франции. Но и Австрия, из внимания к собственным полякам, на которых ее правительство опиралось в противовес другим славянским народам монархии, в частности украинскому, сочла нужным вмешаться и на предложение Горчакова совместно с нею и с Пруссией обсудить положение их польских подданных ответила отказом. Мало того, она приняла участие в трех нотах-протестах западных держав и сама сформулировала шесть условий, на которых мир с Польшей должен был быть восстановлен царским правительством. Эти условия включали амнистию повстанцам, восстановление сейма, упраздненного в 1831 г., создание собственной польской администрации, свободу вероисповедания и пр. Царское правительство оказалось лицом к лицу с возрожденной «крымской» коалицией, и царь обратился к прусскому королю с предложением заключить союз, так как он-де решил воевать. Но Бисмарк еще не был готов идти так далеко в деле доказательства своей дружбы, и царское предложение было отклонено с той мотивировкой, что географическое положение Пруссии осуждает ее, в случае войны, на то, чтобы стать основным театром войны, в то время как Россия останется в стороне,

на «более длинном плече рычага», как он выразился. Вместо этого он выставил армию вдоль польской границы, чтобы зараза не проникла и в польские провинции Пруссии и чтобы не дать, как он объяснял царскому правительству, повстанцам возможности спасаться бегством на прусскую территорию. А в апреле 1863 г. он заключил с Россией, или, вернее, почти навязал ей, конвенцию (так называемую петербургскую или альвенслебенскую), по которой, наоборот, переход границы разрешался армиям обеих сторон, т. е. фактически (так как восстание происходило на русской территории) прусской, в случае если та или другая сторона не сможет справиться с поляками собственными силами.

Этот демонстративный акт солидаризации с царем вызвал бурю негодования в либеральных и демократических кругах Пруссии и Германии, а также у правительств обеих западных держав. В свое время, в 1830 г., когда по аналогичному случаю Пруссия проявила желание стать на сторону царского правительства, тогдашний министр иностранных дел Англии лорд Пальмерстон пригрозил ей, что Англия ничем ей не поможет, если Франция из-за этого нападет на ее рейнские области. Сейчас угрозы не шли так далеко: выступление Наполеона с проектом созыва европейского конгресса для обсуждения польского, а заодно и «других» вопросов, даже охладило пыл Англии, справедливо усмотревшей в этом проекте желание своего французского партнера поставить в порядок дня и свои вопросы,— например, вопрос о расширении Франции за пределы трактата 1815 г. Все же и Англия заявила, что она не примирится с позицией, занятой Пруссией, если не будет аннулирована конвенция, а нажим Наполеона был еще энергичнее. Бисмарк очутился в трудном положении, но само царское правительство, совершенно не нуждавшееся в помощи Пруссии для расправы с повстанцами и усматривавшее в навязанной ему статье о переходе границы скорее унижение, объявило ее аннулированной, и Бисмарк счастливо проскользнул между Сциллой и Харибдой. Выступление западных держав окончилось ничем: они пошумели и замолкли, когда Горчаков, наконец, решился дать им отважный отпор, а Бисмарк предстал перед царской Россией как ее единственный друг, который может стать и, действительно, стал между нею и ее врагами. Дружба России этим актом была закреплена, и отныне у Бисмарка открылся у царя политический текущий счет для производства нужных ему операций. Нужно оговориться, что не одно желание приобрести симпатии царского правительства руководило Бисмарком: тут была и собственная его, подлинно зоологическая ненависть к полякам, и боязнь его (как он впоследствии сам

объяснял), как бы не взяла в России верх партия (к которой принадлежал и Горчаков) политических реформ для Польши — в дальнейшем, и для самой России. Все же основным результатом было то, что отныне благоволение и доверие к к нему русского двора — в особенности самого царя — стало почти безгранично.

3. Франкфуртский съезд

Неожиданно быстрый успех Бисмарка в привлечении России на сторону Пруссии не замедлил, как Бисмарк и ожидал, оказать впечатление в Германии. Первой, конечно, откликнулась Австрия, которой недавние угрозы прусского министра перестали казаться простым дипломатическим блефом. Уже через несколько месяцев, в августе того же 1863 г., к Вильгельму, лечившемуся на водах в австрийском курорте Гастейне, неожиданно приехал Франц-Иосиф и поведал ему, что рассылает германским государям приглашение на съезд через две недели во Франкфурте, чтобы обсудить новый проект «реформы» Германского союза. Последний, — объяснял император, — потерял всякое значение, он перестал быть союзом, а стал простым сожителем, и его необходимо капитально перестроить. В частности, нужно, чтобы сами государи, а не их уполномоченные, взяли в руки дела Союза, для чего и должна быть создана постоянная руководящая директория из государей Австрии, Пруссии, некоторых других королевств и одного герцогства и должны созываться периодические съезды всех государей, входящих в Союз. А кроме того, для удовлетворения требований «народа» должен быть создан общегерманский парламент в виде постоянной делегации от всех местных ландтагов с совещательным голосом. Франц-Иосиф при этом добавил: Пруссия должна прекратить свое враждебное отношение к Союзу и его членам и принять участие в предлагаемом съезде — в противном случае обойдутся и без нее.

Не трудно было догадаться, что проект «реформы» Союза был придуман Австрией нарочито для того, чтобы связать руки Пруссии, явно стремившейся создать для себя независимое положение. Однако отчасти устрешенный этим твердым тоном, отчасти удовлетворенный тем, что в новом Союзе Пруссии предполагалось уделить место, равное занимаемому Австрией (далее такого равноправия честолюбие Вильгельма, воспитание которого Бисмарком только началось, еще не шло), Вильгельм дал принципиальное согласие на участие в съезде, выдвинув лишь пожелание, чтобы проект был передан на предварительное обсуждение министров, и

выразив сожаление по поводу краткости предоставленного приглашением срока. Но когда об этом узнал Бисмарк, то он пришел в неопишемую ярость: формальное равенство с Австрией, которое к тому же, на практике свелось бы к укреплению ее господства, так как она всегда могла рассчитывать на поддержку в директории, по крайней мере, трех других государей, его уже несколько не удовлетворяло; не удовлетворял также и проектируемый парламент, так как он уже носился с бонапартистским проектом создания парламента на основе всеобщего избирательного права (о чем ниже). Главное же, он не хотел связывать себе руки партнерством с Австрией или Союзом, после того как он приобрел дружбу с Россией и мог рассчитывать на благосклонность Наполеона, о чем он откровенно писал в многочисленных записках королю. Между обоими, королем и министром, произошла настоящая драма. «Я буквально в поте лица отговаривал короля,—писал Бисмарк жене,—он лежал на кровати в конвульсивных рыданиях, а я, когда мне удалось вырвать письмо с окончательным отказом, был так слаб, что едва держался на ногах». По его яростному настоянию, поддержанному всем министерством, которое он мобилизовал и которое грозило коллективной отставкой, король отказался ехать во Франкфурт, и, вопреки ожиданиям Франца-Иосифа, съехавшиеся государи обусловили свое принципиальное согласие на реформу оговоркой, что это согласие теряет силу, если Пруссия не присоединится к ним. Удельный вес Пруссии явственно возрос, и это был второй успех Бисмарка.

Франкфуртский съезд был своего рода Ольмюцем для Австрии, и Рехберг тогда же сказал, что если на то уж пошло, чтобы искать дружбы Пруссии, как того, повидимому, хотели другие государи, то дорога из Вены в Берлин не длиннее, чем из других столиц. Вновь обострившийся через несколько месяцев шлезвиг-голштинский вопрос дал Австрии возможность на практике осуществить эту роковую для нее и блистательную для Пруссии мысль.

4. Возрождение шлезвиг-голштинского вопроса

После восстановления мира с Данией в 1849 г. державы, заинтересованные в ее целостности — Англия, Россия, Франция и Швеция, а также Австрия, не забывшая прусских выступлений 1849 г., подписали совместно с Данией в Лондоне в августе 1850 г. протокол, предусматривавший издание датским королем закона о престолонаследии, единого для всех его владений, с оговоркой в пользу Голштинии, как герцогства, занимающего особое положение и входящего в Гер-

манский союз. Пруссия протокола не подписала под предлогом, что он устраняет ее протекже, герцога Августенбургского, но последний за два с половиной миллиона талеров сам отказался от притязаний на герцогства, и державы могли теперь новым протоколом от мая 1852 г. торжественно признать право на престол герцогств единственно за принцем Христианом Глюксбургским, датским наследником по женской линии. При этом особые права были вновь подтверждены за Голштинией. На этот раз протокол был подписан и Пруссией, но Германский сейм отказался его признать, так как он не содержал никаких изъятий для Шлезвига.

В связи с последним пунктом новый и более сильный кризис разразился в 1863 г. Опираясь на протокол 1852 г., король Дании, по рекомендации вновь образованного либерально-национального кабинета, издал «патент», окончательно включавший Шлезвиг и связанное с ним маленькое герцогство Лауенбург в общую датскую конституцию, а парламент через несколько месяцев принял соответствующий закон. В Германии опять вспыхнуло сильное возбуждение, а тут, как на грех, через два дня (15 ноября 1863 г.) король Фридрих VII вздумал умереть. На престол, конечно, вступил назначенный наследник принц Глюксбургский под именем Христиана IX. Но одновременно, как было подготовлено заранее, и сын герцога Августенбургского — принц Августенбургский объявил себя герцогом Шлезвига и Голштинии под именем Фридриха VIII, заявив, что он никогда не признавал за своим отцом права отказываться за него от престола и что лондонский протокол 1852 г. для него не обязателен, так как он Германским сеймом не подписывался. Сейм, конечно, тотчас же признал Фридриха VIII законным государем герцогств и поручил Саксонии и Ганноверу в качестве своих мандатариев (уполномоченных) послать войска для занятия Голштинии. Это был вызов не только Дании, но и всей Европе — акт беспрецедентного в анналах Германского сейма действия.

Бисмарк немедленно реагировал: нельзя было давать герцогствам ускользнуть из прусских рук. На заседании прусского совета министров под председательством короля (в ноябре) он откровенно заявил, что намерен «радикально» решить шлезвиг-голштинский вопрос, заставив Данию отказаться от обоих герцогств, но он отнюдь не предполагает образовывать из них новое государство под короной принца Августенбургского в составе Германского союза, а хочет прямо присоединить их к Пруссии, хотя бы для этого пришлось воевать с Австрией и всем Германским союзом. Присутствующие были поражены: им после горького опыта

1849 г., после Ольмюца и после подписания ими протокола 1852 г. такое решение и во сне не снилось. Король решил про себя, что Бисмарк выпил за завтраком лишнего, кронпринц поднял руки к небу, считая, что он сошел с ума, а остальные в смущении молчали.

Но Бисмарк был в полном уме и говорил вполне трезво. Прусское решение вопроса о герцогствах — так называемого «датского вопроса» — входило, как мы видели уже в начале настоящего очерка, в его планы с первых же моментов его министерской карьеры. Все же позиция короля и его приближенных требовала осторожности: можно было, чего доброго, получить отставку. Отношение иностранных держав, гарантировавших целостность датской монархии и признавших права Глюксбурга, тоже не было таково, чтобы можно было рискнуть на прямое повторение процедуры 1849 г. Нужно было действовать «скрытно», «в перебежку», от этапа к этапу, и Бисмарк решил, что наилучшей маскировкой будет... сотрудничество Австрии, которую никто, ни прусский король, ни Союз, ни иностранные державы не заподозрят в коварных замыслах. Это был смелый и оригинальный план, шедший в разрез с основной установкой Бисмарка на свержение Австрии с высоты её положения и отводивший его политику далеко в сторону. Но Бисмарку нужно было получить герцогства, и он готов был идти на «жертву». Его план увенчался блестящим успехом. Австрийский коллега Бисмарка Рехберг, который уже сам, как мы видели, искал дороги в Берлин, чтобы наказать малых государей, дал уговорить себя без труда, что требования германской общественности и второстепенных государств о выделении обоих герцогств целиком из состава законных владений датского короля и признание ими Августенбургского являются нарушением международных трактатов и сильно отдают революционным духом; что по этому пути им обоим, представителям монархизма и консерватизма, идти не пристало и что лучше-де будет, если они возьмут урегулирование этого важного национального шлезвиг-голштинского вопроса на себя. Может быть, Рехбергу эта аргументация не так уж импонировала; быть может, он и сознавал, что отход от Союза и общественности чреват для Австрии опасными последствиями. Но он боялся предоставить Пруссии действовать одной, он не забыл своего унижения во Франкфурте, и он дал свое согласие на план Бисмарка. В результате выработанного плана оба заговорщика внесли в Союзный сейм предложение признать права Христиана IX на герцогства и лишь потребовать от него аннулирования «аннексии» Шлезвига; в случае же его отказа — занять последний «под залог». Предложение было

явно неприемлемо для Сейма, который не мог пойти ни на отказ от Августенбургского, ни на признание протокола 1852 г. и Сейм отклонил его. Тогда заговорщики без церемоний уже от себя послали двухдневный ультиматум Дании, требуя отмены «присоединения» Шлезвига, а когда Дания, опираясь на протокол 1852 г., отвергла это требование, австро-пруссские войска вступили в Голштинию, а 1 февраля 1864 г. вторглись в Шлезвиг.

5. Датская война. Позиция держав

Так началась небольшая война, приведшая к серьезным историческим последствиям. Она явилась как бы вступлением к последнему и решающему акту драмы, закончившейся победоносной войной Пруссии против ее старой австрийской соперницы. Вся Германия пришла в сильнейшее возбуждение при виде такого самоуправства и беззакония со стороны двух держав, членов Германского союза, и Сейм принял резкую резолюцию, в которой осудил их действия. Прусский ландтаг, с своей стороны, огромным большинством отказал правительству в кредитах. Заговорщики, конечно, это предвидели и в ответ на эти демонстрации заявили, что не они, а Германский сейм, игнорировавший справедливые требования шлезвигских «братьев», предал национальное дело, что сами они ищут не политических выгод для себя, а лишь средств заставить упорствующую Данию отказаться от своих узурпаторских мероприятий; что поэтому занятие Шлезвига является лишь материальным залогом до того времени, как Дания даст германской нации нужное удовлетворение, и что, наконец, Пруссия и Австрия, подписавшие лондонский протокол, не имеют права от него отказываться. Эти аргументы они повторяли и державам, также взволнованным. На карту была поставлена не только целостность Дании, ими гарантированная, но и судьба самого Германского союза, который был бесцеремонно отстранен его главными членами. Англия с таким положением не могла мириться. Еще недавно, когда саксонские и ганноверские войска вторглись лишь в Голштинию, английский премьер-министр Пальмерстон сделал России и Франции предложение повторить, в защиту Дании, военную демонстрацию 1849 г. Но с 1849 г. времена изменились: прошел обидевший Россию польский эпизод, и Россия отклонила предложение. Со своей стороны, Наполеон высказал, как обычно, предпочтение созыву европейской конференции для решения не только спорного вопроса о герцогствах, но и других вопросов, связанных с трактатами 1815 г. Для Англии это было чересчур много, и Пальмерстону пришлось

отступить и даже согласиться на прямо противоположное предложение Горчакова, а именно: послать комиссаров в Данию с целью уговорить ее не оказывать сопротивления «законным» действиям уполномоченных Союза и не доводить конфликта до «крайностей». Дания послушалась и, действительно, без боя очистила Голштинию.

Это было, как мы говорим, еще недавно. А теперь, в связи с вступлением австро-прусских войск в самый Шлезвиг, на который Германия не имела никаких прав, Пальмерстон вновь выдвинул проект вооруженного вмешательства, обратившись с запросом к Наполеону, поддержит ли он такое выступление. Так как в прошлый раз Пальмерстон без всяких оговорок отверг мысль Наполеона о конференции, то последний теперь отплатил ему тем же, заявляя, что он рассматривает шлезвиг-голштинский вопрос в свете неизменно им отстаиваемого национального принципа и что, во всяком случае, он воевать с Германией менее всего склонен, в особенности без соответствующих гарантий (это было понято как намек на левый берег Рейна). Горчаков же решительно стал на позиции, которые Бисмарк усердно и искусно обосновывал перед ним в бесчисленных нотах и беседах с русским посланником Убри. Нельзя, говорил Горчаков, никоим образом потворствовать проискам «немецкой революционной партии» и подпаавшему под ее влияние Сейму; нельзя допускать к власти принца Августенбургского, их ставленника, покушающегося на законные права датского монарха. С другой стороны, Бисмарк, как он, Горчаков, уверен, преисполнен самого умеренного образа мыслей и руководится в своих действиях решимостью охранять существующий с 1815 г. порядок вещей. Так говорил Горчаков англичанам. Австрийского же посла он заверял, что Россия всецело стоит на стороне обеих держав и что если, например, Швеция, поддерживавшая Данию, вздумает оказать последней активную помощь, то Россия двинет корпус на ее границу. В беседе с прусским посланником он еще высказал ту мысль, что вооруженное сопротивление Дании предпринятой против нее Пруссией и Австрией законной «экзекуции» до известной степени освободит эти державы от их обязательств по Лондонскому протоколу 1852 г.

Это была щедрая плата со стороны России за «услугу» по польскому вопросу, и Пальмерстон должен был и на этот раз отступить; против него высказалось большинство его собственного кабинета, даже сама королева Виктория, не говоря уже о лидерах оппозиции. В итоге австро-прусские войска, безнаказанно захватив Шлезвиг, в середине февраля вторглись в собственно датскую территорию, в Ютландскую

провинцию, и Дания сама обратилась к державам-гарантам ее целостности за помощью, напоминая им о лондонских протоколах. Следуя совету Горчакова, английский кабинет в лице министра иностранных дел Джона Рассла (Росселя) разослал 23 февраля приглашение заинтересованным правительствам собраться на конференцию в Лондоне.

6. Лондонская конференция

Не так скоро дал ответ Германский сейм и не так скоро ответила Дания. Зато Пруссия и Австрия дали согласие в очень скором времени, наперед условившись о совместной программе действий: в первую очередь, требовать объединения обоих герцогств на основе личной унии с датской короной; во вторую очередь, так как Дания на первое требование не пойдет из-за Шлезвига, предложить отторжение герцогств и образование из них единого государства в составе Германского союза под короной Августенбургского; а в третью очередь, так как державы на одобрение кандидатуры Августенбургского не пойдут, предложить отторжение герцогств без решения вопроса об их будущем устройстве. При этом обе державы условились о совместном заявлении, под сказанном, как мы видели, Горчаковым, что сопротивление Дании кладет конец их обязательствам по Лондонскому протоколу и создает новое право, право войны.

Это была по существу издевательская программа, рассчитанная в конечном итоге на расчленение датской монахии, вопреки прежним международным договорам и, в частности, определенно заявленной Горчаковым позиции России. Он заявил через Убри еще в середине февраля, что Россия, будучи заинтересована в Балтийском море, не допустит расчленения Дании, которое, сверх того, может привести к созданию большого скандинавского государства, неприемлемого для России: «Наши интересы,— сказал Горчаков,— безусловно противны такой комбинации, и я должен Вам заявить, что мы воспротивимся ей всеми нашими силами».

И все же на конференции, которая собралась лишь 20 апреля, после того как прусские войска штурмом взяли основные датские укрепления (линию Дюппель) и открыли дорогу на Копенгаген, австро-прусская программа была почти полностью разыграна, точно по нотам. Изложение этой комедии завело бы нас слишком далеко. Достаточно сказать, что заговорщики вносили одно за другим свои предложения, которые всякий раз встречались протестами и выражениями ужаса со стороны высокого собрания, но

дальше этого дело не шло. За это время Бисмарк провел большую агитацию в Петербурге, указывая, что вопрос о герцогствах, ввиду настроений в Германии, надо решить радикально, что без такого радикального решения в Германии может вспыхнуть революция, что и честь прусской армии требует, чтобы решение не было половинчатым, что этим затронут и престиж прусского короля и т. п. Дело не обошлось и без угроз: простое возвращение к довоенному положению совершенно-де немыслимо; скорее и он, Бисмарк, и сам король уйдут с политической арены, чем согласятся на это; а если они уйдут, то на прусский престол воссядет либеральный и англофильски настроенный кронпринц, его, Бисмарка собственное место займет тоже какой-нибудь либерал, и в центре Европы опять подымутся революционные силы. Горчаков и сам царь пробовали отбиваться, указывая, что и у России есть козыри в виде голштино-готторпских прав, которые были некогда уступлены датскому королю, но которые могут быть вновь предъявлены, если король будет устранен из герцогств, и переданы ближайшему родственнику его, принцу Ольденбургскому, родственнику также и царя. Но все было напрасно: царь и его правительство склонились перед настойчивостью Бисмарка, довольствуясь лишь предостережением «не доводить дела до крайности». Что же касается других держав, то Англия рассудила, что в конце концов Киль, расположенный на Балтийском побережье, будет угрожать не ей, а России; Наполеон же прямо горячо поздравил прусского короля со взятием Дюпелля и заранее одобрил присоединение обоих герцогств к Пруссии. Дело окончилось тем, что, по предложению Англии, принят был проект о том, чтобы Голштиния, немецкая часть Шлезвига, а заодно и маленький Лауенбург были отняты у Дании и переданы Германии. С этим напоследок согласилась и сама Дания, видя себя покинутой всеми державами, на которые она возлагала все надежды. Нужно было только решить вопрос, где провести пограничную черту в Шлезвиге, и на нем неудачливая конференция окончательно провалилась: Австрия и Пруссия требовали линию подальше на север; Дания соглашалась на линию больше на юг; бонапартовский уполномоченный предлагал опросить само население по округам; Англия предпочитала третейское решение какого-нибудь нейтрального государя. По всем этим деталям не удалось притти ни к какому решению, а тем временем срок заключенного в начале конференции перемирия пришел к концу, военные действия возобновились, а конференция при взаимных пререканиях, австро-прусских и датских, разошлась, постыдно умыв руки.

Дело было закончено австро-прусскими штыками. Разбитые в дальнейших боях, вытесненные из последних укреплений, защищавших столицу, датчане попросили мира. 2 августа были подписаны прелиминарии, а окончательный мир был подписан в Вене 30 октября 1864 г. Дания уступила все три герцогства, включая несколько округов на севере Шлезвиг-Гольштейна, населенных кровными датчанами, обоим победителям и заранее дала согласие на любое устройство их, какое последним заблагорассудится им дать. Покамест победители совместно и полноправно водворились в герцогствах на основе партнерства. Много лет спустя, когда на обоих морях, Балтийском и Северном, соединенных Кильским каналом, появился могучий германский военный флот, опиравшийся соответственно на Киль и Вильгельмсгафен, Россия и Англия не скрывали своего горького раскаяния в попустительстве, которое они проявили в 1864 г. в отношении прусской агрессии, но уже было поздно.

7. Переговоры с Австрией об уступке герцогств

Однако то, чего Бисмарк добился, было лишь половиной дела. Теперь нужно было избавиться от Австрии, а заодно и от Союза, чтобы дать вопросу об устройстве то решение, которое Бисмарк наметил с самого начала. Согласно версии, принятой прусскими историками, Бисмарк готов был дать Австрии крупную денежную компенсацию за уступку герцогств Пруссии, но Австрия, несмотря на свои очень запутанные финансовые дела, отказалась — не потому, правда, что считала такую сделку изменой национальному делу, а потому, что считала ее для себя недостойной. Согласно же автору известных мемуаров графу Бейсту, в те времена еще состоявшему министром Саксонии, а впоследствии занявшему пост австрийского канцлера, сам Бисмарк поведал ему о другом, гораздо более соблазнительном предложении, которое он делал Австрии в случае ее согласия передать герцогства Пруссии: не более и не менее как оказать ей вооруженную помощь для отвоевания обратно Ломбардии, которую Австрия вынуждена была в 1859 г. уступить Италии. Даже Бейсту, хорошо знавшему моральную «толстокожесть» Бисмарка, этот рассказ показался невероятным, но он был подтвержден документами, хранящимися в австрийских архивах. Несомненно, эти документы относились к тому, о чем Бисмарк несколько приглушенно свидетельствует сам в своих воспоминаниях. Он рассказывает, что на свидании в августе 1864 г. обоих государей, в присутствии их министров, в Шёнбрунне, резиденции австрийского императора, он,

Бисмарк, очень настойчиво предлагал последнему союз между обеими державами на предмет совместного осуществления их интересов при условии уступки герцогств Пруссии. Он доказывал, что «выгодные результаты дружбы между обоими великими германскими государствами не исчерпываются голштинским вопросом, и хотя они сейчас географически весьма отдалены от сферы австрийских интересов, они могут в другом случае оказаться гораздо ближе. Поэтому было бы полезно для Австрии поступать великодушно и предупредительно по отношению к Пруссии в данный момент». Бисмарк заверяет, что Франц-Иосиф явно склонялся к его аргументации, но дело испортил Вильгельм, который на поставленный ему императором в упор вопрос, действительно ли он так уж хочет получить эти герцогства, в простоте душевной ответил, что он никаких прав, а потому и никаких притязаний на герцогства не имеет. Очевидно, король еще не успел пройти до конца того воспитательного курса, которому он подвергался в руках своего министра, и огорошенный Бисмарк поспешил оборвать беседу.

Таким образом, Австрия имела вполне законное основание отвергать домогательства Пруссии, и, действительно, она их отвергла. Но в таком случае ей ничего другого не оставалось, как вернуться к выдвигавшемуся ею и Пруссией на лондонской конференции плану создания нового государства под Августенбургской короной. Такой шаг казался ей тем более приемлемым, что он мирил ее не только с Союзом, который она так легкомысленно покинула под прусскую диктовку, но и со всем общественным мнением Германии и даже, в частности, Пруссии. В соответствии с этим Австрия сделала резкий поворот к позиции Сейма. Рехберг должен был уйти в отставку, и на его место был назначен военный человек, Менздорф, который впоследствии, после катастрофы 1866 г., оправдывался перед одним из своих друзей: «Никто не чувствует ответственности за все это острее, чем я сам, но что прикажете делать? Я в политике ничего не понимаю, я это говорил и императору не раз, но я был генералом-откавалерии, мой верховный командующий приказал мне взять министерский пост, и я, желал я или нет, обязан был подчиниться». Фактически не он, а придворная камарилья стала с того момента руководить внешней политикой Австрии.

В свою очередь, однако, и Бисмарк, еще раз убедившись в неблагоприятных настроениях своего государя, не допуская мысли о присоединении герцогств, повернулся в ту же сторону: если нельзя рассчитывать на открытую аннексию герцогств, то нельзя ли осуществить ее скрытно? Еще

во время лондонской конференции он предлагал Августенбургскому признать его «права», если он заключит с Пруссией военную конвенцию, которая передаст ей в руки армию и вообще военное управление в герцогствах, включая содержание гарнизонов в городах, военного флота в гаванях и т. д. Принц отклонил такую далеко идущую конвенцию, и на этом разговоры окончились. Теперь Бисмарк заговорил на эту тему с самой Австрией: он-де не возражает против передачи герцогств принцу Августенбургскому или любому другому претенденту, но Пруссия, непосредственно примыкающая к герцогствам, обязана озаботиться, чтобы они не стали ее врагами или не послужили трамплином для иностранных противников; для этого ей необходимо получить соответствующие гарантии в виде тесной увязки их военной организации с прусской, включения их военно-морских сил в прусскую систему, единообразной организации торгового судоходства, прорытия канала между обоими морями и содержания его Пруссией, вхождения герцогств в таможенный союз, верховного наблюдения Пруссии над почтой и телеграфом и т. д. Выходило, что Бисмарк был готов идти на создание единого «независимого» герцогства при условии, что оно будет зависимо от Пруссии и во всех существенных своих основах, кроме названия, станет ее протекторатом. Австрия могла ответить на это только указанием, что, согласно статутам Германского союза, его членами могут быть лишь суверенные германские государства и что поэтому ни она, ни Сейм не дадут согласия на предлагаемый Пруссией режим для герцогств.

На эту тему между обоими правительствами шли многочисленные разговоры и длинная нотная переписка, которые одновременно переплетались со столь же нескончаемыми жалобами Бисмарка на то, что, пользуясь совместной с Пруссией временной властью в герцогствах, австрийские представители, гражданские и военные, на местах потворствуют и даже поощряют агитацию среди местного населения в пользу августенбургской кандидатуры и не принимают никаких мер к подавлению антипруссских элементов разного рода. Эти жалобы, несомненно, рассчитаны были на «воспитание» короля в должных, т. е. антиавстрийских настроениях и в сознании, что герцогства не могут и не должны существовать независимо от Пруссии. Для подкрепления своих тезисов Бисмарк, в подражание процедуре, некогда придуманной французским королем Людовиком XIV для обоснования своих прав на оставшиеся еще в пределах Германии части Эльзаса, засадил комиссию юристов (двух бывших министров юстиции, восемь судей разных инстанций и четырех

университетских профессоров) за изучение и решение вопроса о притязаниях тех или других претендентов и правах самих победителей в войне с Данией. Комиссия отлично справилась с работой. Она признала законность прежних прав датского короля на герцогства, а стало быть, законность передачи им в результате проигранной войны своих прав победителям, каковые и являются отныне законными владельцами оных герцогств, и устранила все другие притязания, августенбургские, ольденбургские и даже бранденбургские, как ни на чем не основанные. Это заключение вызвало большой спор, и профессора 16 юридических факультетов выпустили манифест, разоблачая невежество и недобросовестность своих коллег и доказывая полную законность притязаний... принца Августенбургского. Обе юридические экспертизы стоили одна другой. Сам Бисмарк высказался однажды французскому министру Валевскому, что «в политических дискуссиях много говорится о праве, но в действиях решают, в последнем счете, лишь интересы каждой из спорящих сторон, и дипломатическая ловкость заключается в том, чтобы представить собственные интересы как бы совпадающими с правом или подкрепить их юридическими аргументами». Прусский ландтаг, вновь выбранный и собравшийся еще в середине января (1865), после длительных прений в течение трех месяцев, тоже пришел к тому же выводу, что и вторая комиссия. Отклонив военный законопроект и проект создания военноморского флота, вычеркнув все расходы по реорганизации армии, отказав в индемнитете (снятии ответственности) по уже произведенным в связи с ней самовольным расходам, он принял торжественную резолюцию, провозглашавшую право на самоопределение обоих герцогств и законность кандидатуры Августенбургского. Это была яркая демонстрация солидарности с Сеймом, Австрией и самим королем, но Бисмарк не смутился и хладнокровно ответил: «Никакими резолюциями, никакими прокламациями, никакими односторонними выступлениями Пруссия не даст себя вытеснить из герцогств». Это было отповедью и по адресу Союзного сейма, который в эти дни (апрель 1865 г.) одобрил предложение, внесенное Саксонией и Баварией, о безоговорочном праве вступления Августенбургского на престол Голштинии. Однако протест Пруссии делал эту скромную декларацию недействительной, так как статуты Союза требовали в подобных случаях единогласия. Не довольствуясь этой легкой победой, прусское правительство через свое морское министерство издало распоряжение в форме королевского указа о переводе прусской военно-морской станции из Данцига в голштинскую гавань

Киль в знак того, что Пруссии никакого дела нет ни до Августенбургского, ни до Союзного Сейма.

8. Переговоры с Италией

Идя на такие шаги, грозившие создать полный разрыв с Сеймом и Австрией, Бисмарк имел свои расчеты. В феврале (1865) прусский посланник в Париже Гольц сообщил ему, что Наполеон так благосклонно относится к Пруссии, что готов будет заключить с ней союз против Австрии. Очевидно, Наполеон, опасаясь, что за один лишь нейтралитет он ничего не получит, решил дублировать старую сделку с Кавуром, предложив Бисмарку военный союз. Он имел в виду, в случае совместной с Пруссией войны против Австрии, заплатить свой долг Италии заполучением для нее Венеции, а самому получить куртаж от Пруссии в виде каких-нибудь территориальных приращений. Но Бисмарк отклонил эту мысль. Пока нет разрыва с Австрией,— отвечал он Гольцу,— заключение такого союза было бы опасно, так как Наполеон мог бы использовать его для того, чтобы, доведя о нем до сведения Австрии, добиться от нее уступки недоданной Италии Венецианской области и в то же время дискредитировать Пруссию в глазах всего мира, если она откажет ему в компенсациях с другой стороны, заключать союз с Наполеоном после разрыва с Австрией то же будет невыгодно, так как Наполеон поставит тогда тяжелые условия; удобный момент для заключения союза наступит поэтому тогда, когда разрыв наметится, а сейчас нужно не отклонять, но и не принимать.

Несомненно, что, давая такие тактические установки, Бисмарк вспоминал, как Наполеон в 1862 г., когда принимал у него верительные грамоты, совершил нескромность, поведая ему о тайне австрийского предложения. Но не это было главным мотивом его отказа от союза в данный момент; главное было то, что предложение Наполеона навело его на мысль самому прошантажировать Австрию тем способом, какой, по его мнению, собирался употребить его французский друг. В Италии произошла смена кабинета по случаю заключения в сентябре 1864 г. неудачного договора с Францией, сводившегося к отказу Италии от притязаний на Рим. Новый кабинет возглавил видный генерал Ламармора, основной политической программой которого было довершение объединения Италии именно присоединением Рима, а также, конечно, Венеции. Как раз по этому поводу Наполеон, желая загладить неприятное впечатление, которое произвел в Италии сентябрьский договор, и стал думать о каком-нибудь способе ком-

пенсировать ее возвращением Венеции. Но Бисмарк его предупредил и уполномочил своего посланника во Флоренции, тогдашней столице новой Италии, позондировать у Ламармора, не пойдет ли он на военный союз с Пруссией против Австрии? Нельзя не удивляться эластичности его совести, если вспомнить, что еще недавно он предлагал союз Австрии на предмет обратного завоевания Ломбардии у Италии, но таков уж был этот корифей прусской дипломатии.

Нам неизвестно, знал ли Ламармора об этих переговорах Бисмарка с Австрией или нет, но он был крайне удивлен этим неожиданным предложением и правильно заподозрил, что Бисмарк вовсе не собирается воевать, а хочет лишь использовать предлагаемый союз как средство давления на Австрию и таким образом добиться у нее желательных для Пруссии уступок. Поэтому он ответил согласием, но при условии, что первой начнет войну Италия, а Пруссия будет обязана выступить вслед за ней. Это как раз не устраивало Бисмарка, и он предложил обратное: прежде выступает Пруссия, а Италия уже последует за ней. Он мотивировал такой порядок тем, что король еще «психологически» не готов к войне и что его нужно еще подготовить к этому. Ламармора тогда предложил назначить хотя бы срок, в течение которого Пруссия обязуется выступить, но и на это Бисмарк не пошел, и переговоры оборвались. Ясно, что как и в первом случае — в переговорах о французском союзе, так и во втором — в переговорах об итальянском союзе, Бисмарк больше хотел на этом этапе заручиться возможностью угрожать Австрии войной, чем действительно ее вести, и Ламармора угадал его намерение.

9. Отступление

Причина, почему Бисмарк все же искал еще мирного разрешения спора с Австрией, заключалась не только в том, что король действительно еще не был доведен его воспитанием до сознания необходимости воевать. Развязывать войну по такому явно грабительскому поводу, как приобретение герцогств, было бы вообще неудобно и объединило бы против Пруссии не только всю Германию, но, пожалуй, и Европу. Особенно не был Бисмарк уверен в позиции России, где в тот момент, как докладывал только что назначенный новый прусский военнополномоченный при царе, Швейниц, царил заметный холодок: «Россия..., — вспоминает он в своем дневнике, — не была благоприятно настроена в отношении нашей аннексионистской политики и приобретения Кильской гавани, и намерение привести к войне с Австрией начало казаться

царю Александру серьезным и беспокоить его». Царская дипломатия, которая поддерживала Пруссию на начальных стадиях шлезвиг-голштинского спора и действительно верила тогда в бескорыстие и «умеренность» ее, теперь, после лондонской конференции и в особенности после Венского мира, когда Пруссия стала проявлять намерения другого порядка, шедшие в разрез с интересами России на Балтике, стала явно менять фронт. Правда, у России, которая тогда вступила на путь внутренних реформ, еще не было ни армии, ни достаточных дипломатических средств воздействия, ввиду ее натянутых отношений с западными державами после польского эпизода. Опасаться, таким образом, какого-либо активного вмешательства с ее стороны у Бисмарка не было основания, но ее нейтралитет в случае конфликта с Австрией был бы все же недружественным, и отношения между обеими державами сложились бы в будущем неблагоприятно.

Сам король Вильгельм также еще колебался. На совете министров в мае 1865 г. он, соглашаясь с тем, что Пруссия должна получить «компенсацию» за свои жертвы в войне, все же спрашивал: нужно ли искать ее в аннексии обоих герцогств и не лучше ли будет искать компромисса с Августенбургским? Хотя Бисмарк убедительно доказывал, что этот компромисс абсолютно неприемлем для держав, что Россия в свое время даже грозила выдвинуть кандидатуру Ольденбурга, если Австрия будет настаивать на кандидатуре Августенбургского, и что война с Австрией рано или поздно неизбежна ввиду неуклонного стремления Австрии держать Пруссию в подчинении, что в этой войне как Россия, так и Франция останутся нейтральными, Вильгельм все же не принял решения, а оставил вопрос открытым. Стоит отметить, что на этом заседании совета кронпринц Фридрих попрежнему настаивал на мирном разрешении спора с Австрией путем заключения какого-нибудь компромиссного соглашения с Августенбургским и протестовал против возможности «братоубийственной» войны. На это Бисмарк, который только что вел переговоры с Италией, вскоре возобновит их и заключит с ней союз, возразил, доказывая, что война не будет носить «братоубийственного» характера, так как Австрия всегда искала союза с иностранными державами, в частности с Францией, и сейчас готова будет заключить такой союз, если Франция пойдет на это.

Между тем в самой Австрии внутреннее положение было настолько осложнено финансовыми трудностями и затруднениями с венграми, что и там правительство и сам император с тревогой взирали на развивающийся конфликт, и когда под диктовку Бисмарка Вильгельм в июне обратился с пись-

мом к Францу-Иосифу с указанием на необходимость выдворить из герцогств пребывавшего там Августенбургского, который-де оскорбляет достоинство государя своими притязаниями, то одновременно с предложением все же признать эти притязания австрийское правительство попросило прислать в Гастейн или Карлсбад доверенное лицо для переговоров. Король и Бисмарк решили сами поехать в июле в Гастейн.

10. Гастейнская конвенция

Речь шла для Бисмарка о перемирии, чтобы выгадать время для дипломатической подготовки короля и России к желательным выводам. На всякий случай он перед отъездом запрашивал главный штаб, в состоянии ли будет Пруссия выставить против Австрии в четырехнедельный срок 180 тыс. человек, каковое число в указанный срок Австрии, по имевшимся сведениям, сможет мобилизовать на прусской границе. Он также поручил одному из своих министров запросить крупную железнодорожную компанию в западной Пруссии, не сможет ли она мобилизовать для правительства 20 млн. талеров в случае войны. На оба запроса он получил вполне удовлетворительный ответ: Пруссия сможет выставить против Австрии еще большую армию в еще более короткий срок, чем Австрия, а что до финансирования войны, то деньги на это имеются, и если, как можно надеяться, железнодорожная компания даст 20 млн. талеров, то у правительства будет 60 млн., которых вполне достаточно будет для покрытия расходов по мобилизации и ведению войны в течение одного года без всяких займов или дополнительных налогов.

По дороге в Гастейн, в старинном городе Регенсбурге, местопребывании Имперского сейма после Тридцатилетней войны вплоть до ликвидации империи в 1806 г., состоялся новый совет министров под председательством короля. Было решено отклонить на предстоящем свидании всякие разговоры с Австрией о будущем герцогств, пока не будет восстановлена полностью законная власть победителей, а когда это будет сделано, то изъяснить готовность обсудить русскую кандидатуру Ольденбургского, но не Августенбургского, пока он продолжает пребывать на своих «узурпаторских» позициях. В случае, если Австрия отклонит эти предложения, то дать командующему прусскими войсками в герцогствах генералу Мантейфелю приказ действовать по-военному против агитаторов и узурпаторов, а австрийскому правительству сообщить сейчас, что такие меры уже принимаются против

пруссских подданных, занимающихся в герцогствах агитацией в пользу Августенбургской кандидатуры.

Это была серьезная угроза, и, несомненно, она заставила Австрию искать, по возможности, какого-нибудь компромисса. Австрия послала в Гастейн своего посланника в Баварии графа Бломе с инструкциями: в первую очередь хлопотать за Августенбургского — это для очистки совести, а во вторую очередь, так как это не пройдет, предложить раздел администрации по герцогствам при сохранении над ними совместного и нераздельного суверенитета обоих партнеров. Конечно, пункт об Августенбургском был прусской стороной решительно отвергнут, а на раздел администрации она согласилась при условии, что Пруссия получит под собственную и исключительную администрацию Шлезвиг, а в Голштинии будут ограждены «некоторые» ее права. В Вене заколебались: там была партия, которая требовала войны, но император в конце концов пошел на мировую при условии сохранения совместного суверенитета. Австрия сдала Августенбургского, и 14 августа (1865) была подписана приобретающая историческую известность так называемая гастейнская конвенция, по которой, при сохранении суверенных прав обеих держав, Пруссия получила в управление Шлезвиг, Австрия — Голштинию, а Лауенбург был уступлен Пруссии за два с половиной миллиона талеров; Киль был объявлен союзно-германской гаванью, но с «временным» прусским военным и полицейским управлением; шлезвигская крепость Рендсбург была также объявлена союзно-германской крепостью со смешанным австро-прусским гарнизоном под ежегодно сменяющимся командованием, и, наконец, Пруссия получила право провести североморской канал через Голштинию и построить там железные дороги и телеграф.

11. Протесты держав

Так Пруссия и Австрия, оторвав у Дании три герцогства под национально-германским флагом, распорядились их судьбами по своему усмотрению как собственники, не считаясь ни с Союзом, ни с местным населением. Сам Бисмарк был поражен своей победой и, по подписании конвенции, тут же заметил, что он никогда не думал, что найдет таких австрийских дипломатов, которые ему подпишут такую бумагу. За это он был возведен своим королем в графское звание, а Австрия могла поставить себе в пассив еще один «Ольмюц» после Франкфуртского съезда.

Конечно, негодование в Германии при виде такой сделки

было столь же велико, сколь и бессильно, но и иностранные державы пробовали высказать свое бессильное негодование. Французское правительство, которое рассчитывало заработать на прусско-австрийской ссоре, в циркулярной депеше осудило Гастейнскую конвенцию как акт произвола и насилия над местным населением, и в этом же духе высказался в суровых словах аналогичной депешы лорд Джон Рассл, который на этот раз имел на своей стороне королеву, сторонницу кандидатуры Августенбургского. Бисмарк считал нужным сам в сентябре посетить Наполеона. Последний находился в Биаррице, и Бисмарк имел с ним две беседы. Согласно отчету Бисмарка, разговоры там протекали к полному его удовлетворению. Наполеон дезавуировал своего министра Друэн де Люиса, разославшего циркулярную депешу, объяснив, что его министр был обеспокоен на счет возможных секретных статей в Гастейнской конвенции, содержащих гарантию неприкосновенности Венеции. В остальном Наполеон выражал полное удовлетворение по поводу успеха прусской дипломатии. Но Бисмарк проездом через Париж имел уже раньше разговор с французскими министрами и узнал, что циркулярная депеша была утверждена императором; последний поэтому говорил неправду, отрицая свою причастность к ней. Но это как раз указывало на то, что Наполеон уже раскаивался в своей поспешности. Трусливый и нерешительный по натуре, Наполеон, натолкнувшись на сильные затруднения в связи с вышеупомянутой мексиканской экспедицией, уже впадал в то состояние морального маразма, когда человек боится идти на большие дела и, подчиняясь толчкам со стороны своего окружения, в ближайшую же минуту уклоняется от решительных действий и прибегает для видимости и в целях самообмана к заведомо недействительным средствам. Это уже тогда было понятно Бисмарку, и на этом строилась в дальнейшем вся его тактика по отношению к обанкротившемуся авантюристу. Он поведаль императору, что рассчитывает получить от Австрии Голштинию за денежную компенсацию, и заверял, что удовлетворенная Пруссия будет искать дружбы с Францией, в то время как неудовлетворенная Пруссия будет искать союзницы против нее. Этот удивительный аргумент как будто весьма успокоил Наполеона, который-де даже не заикался на этот раз о компенсациях. Из других источников, однако, следует, что Наполеон все же говорил о необходимости компенсаций для Франции, которая-де своим нейтралитетом оказала Пруссии такие услуги, но заверял, что он не собирается искать их в немецких или прусских землях, а требует их... в Бельгии. Сам Бисмарк упоминает, что французский поверенный в делах в Берлине в это время под-

нимал вопрос о компенсациях для Франции, в случае территориального приращения Пруссии, за счет областей, население которых говорит по-французски, что сводилось к той же Бельгии, если также и не к Люксембургу. Во всяком случае, Бисмарк никакими обязательствами не связался, хотя, может быть, и не оспаривал притязаний своего собеседника, и тем дело окончилось. Враждебная депеша не имела никаких последствий.

Примерно так же окончилось дело с английским протестом. В либеральных кругах давно царилась сильная неприязнь к Австрии в связи с ее реакционным поведением в Венгрии и Италии. В консервативных кругах такой неприязни не было, а, напротив, преобладало даже стремление поддерживать Австрию как соперницу России на Балканах. Все же и им Пруссия была еще милее, как глава таможенного союза, открывшего германские рынки для английских товаров и вызвавшая в Англию хлеб из своих восточных провинций. Сам Пальмерстон не разделял взглядов Джона Рассла, своего министра иностранных дел, и писал ему: как ни бесчестно было ограбление Дании, но раз это уже сделано, лучше, чтобы герцогства укрепили Пруссию, чем образовали новое незначительное государство, которое лишь увеличит слабость Германии. В интересах-де Англии желательно, чтобы Германия, в частности Пруссия, стала сильной, для того чтобы она была «в состоянии держать в узде обе эти честолюбивые и склочные державы, Францию и Россию, которые на нас давят на западе и на востоке». Дальнейших последствий английский демарш так и не имел. Оставалась одна Россия, но, кроме неприятных бесед с посланником и военнуполномоченным, ни царь, ни Горчаков ничего не предпринимали. Заявление последнего, что Россия не допустит отторжения герцогств или присоединения их к Пруссии, так и осталось холостым выстрелом.

12. Возобновление австро-прусской ссоры

Как сказано выше, для Бисмарка Гастейнская конвенция была не более, как перемирие, которое давало ему возможность придумать новые меры к обеспечению нейтралитета иностранных держав и завершить политическое воспитание короля. Вряд ли и Австрия могла тешиться мыслью, что конвенция явится окончательным решением вопроса или хотя бы длительной комбинацией на срок, необходимый ей для приведения в порядок своих внутренних дел и приискания новых способов преодоления прусских притязаний. Но Австрия в своей беспомощности и вечных колебаниях ничего так и не

придумала и только выжидала событий. Бисмарк же сразу понял, что иностранного вмешательства ему нечего опасаться, а из отличия, которое ему преподнес король, он правильно заключил, что и с этой стороны все обстоит благополучно: отведав от шлезвигского плода, король, как Бисмарк впоследствии цинично писал, «вошел тогда во вкус аннексий» и отныне готов был идти с ним на дальнейшие эксперименты в этой области. Бисмарк и начал действовать почти на следующий день после подписания драгоценного гостейнского документа. В свое время, почти в самом начале шлезвиг-голштинского кризиса, в конце 1863 г., он писал в Париж Гольцу, который предупреждал против интимностей с Австрией, что и он не доверяет последней, но «я нахожу целесообразным, чтобы Австрия была в данное время заодно с нами; настанет ли когда-нибудь час разлуки и кто ее вызовет, покажет будущее». Это будущее сейчас и пришло. По мнению Бисмарка, час разлуки наступил, и именно он должен ее вызвать.

Предлоги к этому, так сказать, сами напрашивались. У себя в Шлезвиге прусская администрация прошлась железной метлой, выкидывая из пределов герцогства или засаживая в тюрьмы все «августенбургские» элементы, закрывая подозрительные газеты, запрещая или разгоняя неугодные политические общества и собрания, поощряя или инсценируя собственными средствами прусско-патриотические выступления, манифестации, прокламации и т. п. Напротив, Австрия в управляемой ею Голштинии давала антипрусским элементам свободу действий, и сам опальный принц продолжал пребывать на ее территории. Жалобы в письменном и устном виде продолжали сыпаться из Берлина на голову Вены, которая обвинялась в интригах против Пруссии, в сообщничестве и союзе с демократами и «революционерами», в нарушении всех монархических принципов и в создании таких условий в своем герцогстве, которые обесценивают его даже как объект для возможных компенсаций. Берлин требовал объяснений по поводу такого поведения, угрожая, что если Австрия не примет надлежащих мер к прекращению антипрусской агитации, то Пруссия сохранит за собой «свободу действий» — зловещая фраза, принятая в дипломатическом обиходе как скрытое объявление войны. Но Австрия нотой от 7 февраля 1866 г. отклонила вмешательство Пруссии в ее администрацию, и 28 февраля на прусском совете король сказал: Австрия еще раз показала, что она хочет держать Пруссию под своей пятой; такое состояние должно быть прекращено даже ценой войны. Бисмарк мог только поздравить себя с успехом своего воспитания и заявил, что австрийская нота означает фактический разрыв. По его мнению, война с

Австрией является отныне неизбежной, и лучше, чтобы она состоялась сейчас, чем позже, так как международная обстановка именно сейчас весьма благоприятна. Присутствовавшие военные (в том числе Мольтке) и Гольц поддержали Бисмарка, но министр финансов все же предпочитал мирные способы разрешения конфликта с Австрией; против войны высказался также генерал Мантейфель, а особенно решительно выступил, по обыкновению, кронпринц. В конце концов король решил, что герцогства стоят войны, но не следует торопиться, а лучше выждать, как будет далее поступать Австрия.

А Австрия, после обсуждения вопроса на коронном совете, на котором присутствовал и будущий главнокомандующий северной армией (против Пруссии) Бенедек, 10 марта секретно обратилась к ряду германских государств с предложением поставить шлезвиг-голштинский вопрос на обсуждение Союзного сейма и привести в боевую готовность определенную часть союзных корпусов на случай, если Пруссия доведет дело до открытого разрыва. Со своей стороны, и Пруссия обратилась 24 марта к германским государствам с нотой, в которой заявляла, что ввиду военных приготовлений со стороны Австрии она, Пруссия, тоже вынуждена принять предварительные меры предосторожности чисто оборонительного характера, и запрашивала, в какой мере Пруссия может рассчитывать на поддержку данных государств в случае, если она подвергнется нападению со стороны Австрии или вынуждена будет ее угрозами сама начать войну. В связи с этим нота многозначительно намекала на то, что, поскольку судьбы Пруссии и Германии настолько неразрывно связаны, что крушение Пруссии будет означать и крушение Германии и, наоборот, слабость Германии может привести к падению Пруссии и тем уготовить себе участь Польши, Германский союз должен быть подвергнут реорганизации с целью его укрепления и что на эту тему прусское правительство оставляет за собой право в дальнейшем еще поговорить.

13. Итальянский козырь и союз

Мы сейчас увидим, какие это были разговоры. В промежутке произошли весьма важные события. Ламармора, увидев в Гастейнской конвенции, которая как будто разрешила спорный шлезвиг-голштинский вопрос, подтверждение своих подозрений, что Бисмарк, заведя с ним речь о союзе, имел в виду лишь использовать эти разговоры для шантажа Австрии, решил попробовать договориться с последней сам. Предложение, которое он сделал Вене через посредника,

заклучалось в том, чтобы Австрия продала Венецию за миллиард лир, и Италия еще примет на себя часть австрийского государственного долга. Предложение было сделано не без ведома Наполеона, который готов был содействовать сделке, предложив Австрии компенсировать себя с его помощью за потерю Венеции... Дунайскими княжествами (объединенными с 1861 г. под именем Румынии). Это был старый проект Наполеона еще со времени Парижского мира, когда он предлагал Австрии уступить Италии Ломбардию и взамен присоединить к своим владениям оба княжества. Сейчас он носился с этим проектом, чтобы получить для Италии Венецианскую область, и в беседах с Бисмарком в Биаррице в сентябре 1865 г. он даже пробовал позондировать его позицию на этот счет. Но Бисмарк прямо заявил, что Пруссия в данном вопросе не заинтересована непосредственно, но, дорожа доверием России, он не хотел бы поддерживать такое крупное изменение существующего положения на Балканах в пользу Австрии. Это заявление, между прочим, будучи доведено до сведения петербургского кабинета, произвело в русских правящих сферах очень выгодное для Бисмарка впечатление и в значительной мере определило их позицию во время австро-прусского кризиса.

Наполеон, однако, еще не отказывался от своего проекта, и в Вене много и долго обсуждали предложение Ламармора. В конце концов оно было отклонено,— между прочим, на том основании, что если бы Австрия ушла из Италии, то участь папы была бы весьма плачевной!

Для Бисмарка итало-австрийские разговоры не остались тайной, а мысль, что из его рук может ускользнуть венецианский козырь, которым можно купить сотрудничество Италии, внушала ему даже тревогу. Сам Мольтке считал, что без помощи Италии, которая во всяком случае отвлечет на юг значительную часть австрийских сил, борьба с Австрией, на чью сторону станут, без сомнения, и средние германские государства, будет большим риском. Бисмарк поэтому поспешил перехватить итальянскую инициативу и предложить Ламармору возобновить прерванные переговоры о союзе. На этот раз предложение было принято с большой охотой. 14 марта начались переговоры в Берлине между Бисмарком и приехавшим итальянским уполномоченным генералом Говоне, а 8 апреля союзный договор уже был подписан. В основу его был положен принцип, выдвинутый Бисмарком во время первых переговоров: войну начинает Пруссия, Италия немедленно следует за ней, а поскольку Италия не может связывать себе руки навеки в ожидании, когда Пруссия вздумает воевать, то договор предусматривал срок в три

месяца, в течение которых война должна быть начата. Это была уступка со стороны Бисмарка: ему самому нужен был срок, чтобы найти приличный и выгодный для Пруссии предлог к войне, так как, по его же признанию, затевать войну из-за Голштинии (Шлезвиг он уже считал законной собственностью Пруссии!) было бы крайне непопулярно даже в Пруссии и вызвало бы вооруженное сопротивление всего союза, членом которого это герцогство состояло. Он-де должен придумать другой повод, и он не скрыл от Говоне своего намерения создать его на почве «демократическо́й» реорганизации союза, что привлечет на его сторону либеральное общественное мнение. Такая демагогия весьма понравилась итальянскому партнеру, так как она действительно обеспечивала войну, в то время как спор по поводу Голштинии еще содержал элемент возможного нового компромисса с Австрией. Вдобавок Бисмарк еще обещал дать Италии 30 млн. талеров на военные расходы.

Глава IV

1. «Реформа» Германского союза

Бисмарк говорил: «Я веду иностранную политику, как я раньше ходил стрелять вальдшнепов: я не раньше ступаю вперед ногей, чем удостоверюсь, что кочка, на которую я собираюсь поставить ногу, достаточно крепка, чтобы выдержать мою тяжесть». Бисмарк считал, что итальянский союз представлял надежную «кочку», и хотя он имел в своем распоряжении целых три месяца, он уже на другой день после подписания итальянского договора, 9 апреля, внес через прусского посланника в Союзный сейм законопроект о созыве национального собрания, избранного на основе всеобщего и прямого избирательного права (но не тайного голосования!), для обсуждения реформы Союза на следующих основах: создание постоянно действующего всеобщего германского парламента; единое общегерманское управление железными дорогами и средствами связи; свобода передвижения по всему Союзу; общегерманское гражданство; таможенное и торговое общегерманское законодательство; общегерманская консульская служба за границей; общегерманская охрана германского судоходства и морского флага: создание германского военно-морского флота и береговых баз и гаваней; объединение сухопутных военных сил и т. д. В объяснительной депеше Бисмарк доказывал, что в случае большого кризиса Союз в его настоящем виде подвержен

величайшей опасности со стороны революции и что в целях предотвращения последней необходимо, чтобы сами правительства провели означенные реформы, которые явятся, таким образом, гарантией для монархического принципа. Однако об организации правительственной власти, о доле, которую Пруссия намечает в ней для себя и оставляет для других, в самом предложении не было сказано ни слова кроме того, что об этом прусский король еще будет договариваться с другими монархами. Мы впоследствии увидим, о чем он, после победы над Австрией, с ними «договорится»; пока же в объяснительной записке Бисмарк их успокаивал, говоря, что хотя реформы вызовут со стороны германских государей некоторые жертвы, эти жертвы не будут чрезмерно тяжкими и падут в одинаковой степени и на прусского короля, который вовсе не имеет в виду урезать суверенитет других государей, а хочет быть лишь равным среди равных, и прочее в этом духе.

Это выступление Пруссии было явно скопировано с бонапартистского образца — «монархия на основе народного правия». Оно, несомненно, вдохновлено было тогдашней агитацией Лассаля в пользу всеобщего избирательного права (о его интимных советах Бисмарку сломить при помощи этой реформы либерально-буржуазную оппозицию и зато присоединить Шлезвиг-Голштинию к Пруссии никто тогда еще не знал) и демагогически увязывало эту меру с «революционными» лозунгами 1848 г., о чем местами говорилось даже в самой депеше. Превыше всего оно было определено рассчитано на создание острейшего конфликта с Австрией и другими венценосными ревнителями «независимости» германских государств. Неудивительно, что это выступление оказало потрясающее действие как в самой Германии, так и за границей. Мы имеем интересное свидетельство знакомого нам генерала Швейница, который как раз в это время находился в Берлине. «Я узнал об этом, — пишет он в своем дневнике, — утром в министерстве и испытывал желание закрыть себе голову и посыпать ее пеплом». При выходе из министерства он встретил мало знакомого ему редактора: «мы обменялись с ним лишь немногими словами, как это делают обычно соболезнующие при похоронах». Правда, проект реформы щадил государей, оставляя их на троне и в обладании суверенных прав не меньших, чем те, которые присваивались прусскому королю. Это много значило. Еще до того Бисмарк в беседе с одним знакомым резко протестовал против злобных наветов его противников, приписывавших ему намерение подражать сардинскому королю, который, не колеблясь, бросил свою корону в общеитальянский

тигль, где уже расплавлялись короны других итальянских государей, чтобы оттуда вытащить единую итальянскую. Бисмарк действительно не имел в виду создавать единую империю; в интересах прусского партикуляризма он хотел создать лишь федеративную империю. Но ликвидировать полную независимость государей, поставить во главе их прусского короля с прусским милитаризмом, а в особенности — создать общегерманский парламент, да еще на основе «революционного» избирательного права, т. е. признания в какой-то степени народных прав, — все это казалось истым пруссакам и уж, конечно, главам различных династий совершенной катастрофой, чуть ли не светопреставлением. Даже в Англии, где, впрочем, избирательное право подавалось народу чайными ложечками через промежутки в десятки лет (и стало всеобщим лишь в 1918 г.), бисмарковский проект казался прыжком в революцию и вызвал настоящий переполох. О том, что он «откроет дверь революции», писал Бисмарку еще в 1863 г., когда стали впервые известны намерения Бисмарка на этот счет, Джон Рассл, сам в свое время (1832) проводивший куцую реформу избирательного права. Теперь Бисмарк усиленно убеждал английский кабинет не пугаться этого прыжка, потому что «прямые выборы и всеобщее избирательное право являются лучшей гарантией консерватизма»; народные массы «заинтересованы в сохранении монархического строя», в то время как косвенные выборы на ограниченной основе лишь «мешают контакту между ними и высшей властью». Эти сентенции были целиком списаны с бонапартовского букваря и базировались на французском опыте, успехи которого обуславливались наличием огромной массы мелких крестьян-собственников и экономической отсталостью городов. Бисмарк не учел быстро развивающейся промышленности Германии и роста пролетариата; уже через 15 лет они свели на-нет его расчеты. В германском парламенте появилась социалистическая партия, против которой Бисмарк вынужден был выступить с исключительными законами, а под конец своей карьеры задумал было даже государственный переворот с возвращением к состоянию до 1866 г.

Больше всего, как можно было ожидать, возмущение овладело правящими кругами России. Отчасти способствовало этому состоявшееся около этого времени покушение Каракозова на царя. В выступлении Бисмарка были усмотрены измена монархическому принципу и соглашательство с революцией, и царь и Горчаков закидали прусское правительство, самого короля, прусского посланника и военно-уполномоченного упреками и протестами. В ответ им указы-

вали, что Германия и, в частности, Пруссия не могут оставаться в своем прежнем положении, что необходимо поэтому удовлетворить справедливые, разделяемые также консерваторами требования общественного мнения и этим лишить революцию ее самого опасного средства — агитации. Реформа-де неизбежна, и лучше, чтобы она состоялась под руководством консервативного и энергичного прусского правительства, чем чтобы ее проводили революционные элементы. Не отсутствовал и аргумент о консервативных настроениях народных масс, выявлению которых препятствует система косвенных выборов, и о том, что против использования реформы неблагонадежными субъектами лучшими средствами являлись и продолжают являться прусские полиция и армия. К сильному страху царских сфер перед такой «революционной» мерой, как образование «народного парламента», присоединялось еще и сильнейшее их беспокойство за участь отдельных государей, многие из коих состояли в тесном родстве с царским домом. «Сферы» боялись, что здесь, как в Италии, «разнуздание» демократии приведет, несмотря на уверения Бисмарка, к низложению или поглощению многих из этих династий; и главы последних и члены их семейств стекались в Петербург в поисках заступничества у своего могущественного родственника. Но и тут их встречали с прусской стороны заверениями, что положение мелких государей в новой и крепкой Германии будет несравненно лучше, чем было до сих пор, поскольку они будут ограждены со стороны революции, и их имущество будет полностью обеспечено. Вдобавок царю и его министрам доказывали, что для их турецких и польских интересов сильная Пруссия будет гораздо выгоднее, чем сильная Австрия.

2. Спор о разоружении и о компетенции Сейма

Пока происходили эти препирательства, борьба в Германии шла своим порядком. Еще до внесения Бисмарком его «революционного» проекта Бавария, в предвидении его, выразила готовность поставить в порядок дня Сейма обсуждение реформы Союза и теперь потребовала, чтобы на время обсуждения столь важного вопроса оба противника обязались не нападать друг на друга. Обе стороны согласились, Австрия с большой, Пруссия с малой охотой, и Австрия предложила одновременно приостановить вооружения вообще и даже совсем разоружиться. Но Бисмарк, дав согласие на разоружение, потребовал, чтобы Австрия первая дала приказ о демобилизации, на что Австрия ответила, что она разоружится против Пруссии на северных фронтах,

но не против Италии на юге. Бисмарк отклонил это ограничение, и на этом переговоры о разоружении оборвались. Тогда Австрия приступила к главному вопросу, предложив передать герцогства, приобретенные обеими державами по Венскому миру, тому претенденту, за которым Сейм признает преобладающие права на престолонаследие. Это было равносильно отказу от созданного еще Рехбергом и косвенно подтвержденного Гастейнской конвенцией соглашения с Пруссией об изъятии вопроса о герцогствах из ведения Сейма и самостоятельном решении его обеими державами. Бисмарк ловко воспользовался этим промахом Австрии и ответил решительным отказом: он-де не признает компетенции Сейма в этом вопросе, решенном войной; без соответствующих компенсаций и гарантий Пруссия со своей частью суверенитета вообще расставаться не намерена, а если Австрия хочет отказать от своей, то она должна испросить согласия Пруссии. Разрыв казался неминуемым, но в этот момент вмешался Наполеон.

3. Вмешательство Наполеона

Подписав союзный договор с Пруссией, Ламармора не замедлил довести об этом до сведения Наполеона. Для Наполеона наступила решающая минута. Дело явно шло к развязке, и не использовать австро-прусского спора для расширения Франции было бы промахом, которого Наполеону во Франции не простили бы и который, может быть, стоил бы ему трона. До сих пор он больше намеревался, чем предлагал; еще недавно, в начале марта, получив предложение от короля Вильгельма уточнить условия, на каких он согласится предоставить Пруссии свободу действий против Австрии и мелких государств, Наполеон отделивался общими фразами насчет своего общественного мнения, заинтересованного не то в Бельгии, не то в прирейнских землях. Сейчас, несмотря на осложнения, все еще продолжавшиеся и даже усилившиеся в Мексике, Наполеон, собравшись с духом, решил «действовать». Получив сведения об итало-прусском союзе, он, следуя испытанному, так хорошо удавшемуся Бисмарку методу «перекупки», тотчас же сообщил об этом в Вену, которая, как полагается, сразу перепугалась и, возвращаясь к позиции, которую она только что отвергла, изъявила готовность расстаться с Венецией, если Италия останется нейтральной в будущей войне ее с Пруссией, а она сама, в результате победы, вернет себе Силезию, некогда захваченную у нее Пруссией. При этом Италия еще уплатит за приобретение Венеции приличную сумму денег, которая

пойдет на укрепление новой южной австрийской границы: это-де не унижит достоинства Австрии! Но оказалось, что передача Венеции Италии даже вне зависимости от силезской компенсации не устраивала Ламармора: он-де не хочет дискредитировать себя нарушением только что подписанного договора с Пруссией; у него нет уверенности, что Австрия, оставшись победительницей, не заберет обратно своего подарка; да и самый подарок, полученный без борьбы, путем шантажа, не будет иметь ценности в глазах итальянского общественного мнения и даже может дорого обойтись правительству.

Неудача в этом направлении и жалкое поведение Австрии, то спесивой, то трусливой и всегда неповоротливой и опаздывающей, заставили Наполеона, не менее жалкого и беспомощного в своих исканиях, вновь обратиться в Берлин. Знакомый нам уже Друэн де Люис, его министр иностранных дел, будучи человеком более решительным и практическим в делах дипломатических, чем его господин, к тому же наученный бесплодностью прежних платонических переговоров с Пруссией, предлагал для начала бесед с нею выставить армию на восточной границе, которая своим присутствием очень поможет их успеху. На это, однако, Наполеон не решился. Попрежнему полагаясь на свою «дипломатию», он объяснял Пруссии: поскольку речь идет о существенных изменениях в политическом устройстве и политической географии Германии, скрепленных международными актами Венского конгресса, необходимо созвать конгресс для рассмотрения этих и других вопросов. В связи с этим он предлагает Пруссии союз и план совместных действий на конгрессе с целью добиться передачи Венеции — Италии и Шлезвиг-Гольштинии — Пруссии. Если конгресс почему-либо не состоится, а это вероятно, то Пруссия по истечении десяти дней после подписания с Францией союзного договора начнет войну с Австрией, а Франция последует за нею, выставив против Австрии армию в 300 тыс. человек. Мир будет совместно заключен на следующих условиях: Венеция переходит к Италии, а Пруссия берет себе германские земли по своему выбору с населением в 7—8 млн. и «реформирует» Союз по своему вкусу; Франция же берет немецкие территории между Мозелем и Рейном (однако без Кобленца и Майнца), т. е. получает кусок рейнской Пруссии, рейнскую Баварию и многое другое.

Это было столь же грандиозное, сколь, после переговоров с Австрией, и беспринципное предложение. Но зная уже хорошо Наполеона, Бисмарк не ответил ему ни да, ни нет, а указывая, что реализация такого плана потребует много

времени и усилий, чтобы склонить к нему короля, лукаво вопрошал: не лучше ли будет для Франции взять валлонскую часть Бельгии или французские кантоны Швейцарии, которые ей легче будет переварить? Он предлагал также приехать в Париж и лично поговорить обо всем этом с Наполеоном. Так излагал это знаменитое дело сам Бисмарк впоследствии, утверждая, что, направляя внимание Наполеона на Бельгию, он имел в виду лишь затянуть переговоры, зная наперед, что такое предложение будет для Наполеона неприемлемым ввиду опасности столкновения его с Англией. Но дело обстояло иначе. Действительно, затягивая по возможности окончательную сделку, Бисмарк в общем соглашался отдать Наполеону требуемые им территориальные компенсации между Мозелем и Рейном: Пфальц, Ольденбург и даже часть рейнской Пруссии, включая части округов Кобленца и Трира, которые расположены на правом берегу Мозеля. Этот интересный факт, сильно компрометирующий национального героя, каким Бисмарка стали изображать прусские патриоты после 1866 г., а еще больше после 1870 и 1871 гг. и продолжают изображать и поныне, стал известен в 1873 г., когда Ламармора выпустил в свет свои воспоминания о переговорах с прусским министром накануне австро-прусской войны и напечатал в них доклад Говоне от 3 июля 1866 г., содержавший беседу Говоне с Бисмарком. Бисмарк говорил своему собеседнику о готовности идти на предложенную Наполеоном сделку, мотивируя эту готовность в приведенных нами выше словах, что «он прежде всего пруссак, и лишь во вторую очередь немец». Бисмарк в 1873 г. яростно отрицал в рейхстаге, когда там зашла речь об этих разоблачениях, что он когда-либо говорил подобное Говоне, и официальный орган прусского правительства заявил, что произведенное в итальянских архивах обследование не обнаружило никаких следов существования такого доклада, который, стало быть, был просто сфабрикован итальянцами. Но этому никто не поверил: Ламармора не принадлежал к типу фальсификаторов, каким был сам Бисмарк; и в записях Гогенлоэ в его дневнике (он был тогда баварским премьер-министром, а впоследствии канцлером Германской империи, вторым преемником Бисмарка) мы находим подтверждение инкриминируемого Бисмарку факта с объяснением, что король Вильгельм был решительно против предполагаемой уступки.

4. Бисмарк и Наполеон в погоне за Австрией

Вероятно, по этой причине сделка не состоялась, и Бисмарк стал искать выхода из дилеммы, поставленной ему На-

полеоном, в новой попытке договориться с... Австрией! С неменьшим цинизмом, чем Наполеон, он в мае (1866) предложил ей просто раздел Германии на две половины: северную — с Пруссией во главе и южную — во главе с Австрией, и создание «тесного» союза между обеими частями со взаимной гарантией их территориальной целостности на предмет совместной войны с Францией и завоевания... Эльзаса! При этом он готов был уступить Австрии Страсбург, оставляя за Пруссией лишь право присоединить принадлежавший Гессену Майнц. Чтобы еще больше расположить Австрию к этому плану, он соглашался на устройство Шлезвиг-Гольштейнии в виде самостоятельного германского государства во главе с каким-нибудь прусским принцем и уплату Австрии крупной суммы в качестве отступного. Наконец, в компенсацию за потерю Киля Австрия должна была получить право содержать гарнизоны в Раштатте, старой союзной крепости в Баварии, и в Гогенцоллерне, в Швабии, колыбели прусского царствующего дома. Таков был на деле национально-германский и королевско-прусский патриотизм Бисмарка, о котором так много говорили и продолжают говорить в Германии!

Но в это время Наполеон, который все еще не получал окончательного ответа на свое предложение, со своей стороны повернулся опять к той же Австрии, предложив ей новый вариант своего предыдущего плана. Франция сохраняет полный нейтралитет в грядущей борьбе Австрии с Пруссией и сделает все, от нее зависящее, чтобы и Италию заставить не воевать. За это Австрия предоставит Италии Венецию, откажется от объединения Германии под единой гегемонией одного какого-нибудь государства (т. е. не только Пруссии, но и Австрии) и без согласия Франции не будет производить никаких территориальных изменений, которые могут нарушить европейское равновесие. Со своей стороны Наполеон заставит Италию уважать светские владения папы (пункт, как мы видели, очень чувствительный для ханжески-клерикальных Габсбургов) и предоставит итальянскому народу «свободу действий», если дело дойдет там до «реакции против итальянского единства». В объяснение последней фразы следует заметить, что, выступая в 1859 г. совместно с Сардинией — Пьемонтом за отвоевание северной Италии у Австрии, Наполеон, в согласии с широко распространенным мнением в своей стране, несколько не имел в виду создание полностью объединенной Италии, которая могла бы в будущем явиться соперницей на Средиземном море. В его планы входило образование четырех отдельных государств, включая расширенный до Адриатики Пьемонт, под главенством папы, о чем он и договорился заблаговременно с Кавуром. Но на-

родные массы Италии, как мы знаем, решили иначе, и за бортом объединенного итальянского королевства остались лишь Венеция и папский Рим, к овладению которыми и были сейчас направлены итальянские стремления. Но Наполеон, будучи готов помочь возвращению Венеции в итальянскую семью, освободив ее от австрийского владычества, не только не хотел сдавать папского Рима, но еще мечтал осуществить свой первоначальный план федеративного устройства Италии восстановлением на тронах изгнанных королей, и в этом заключался смысл приведенной статьи предложенного им Австрии договора. Это был вопиющий акт вероломства по отношению к его итальянскому протектору, придававший дополнительный колорит бесстыдству его предложения в целом. Впрочем, в этом отношении оно мало чем уступало предложению, которое той же Австрии делал Бисмарк почти в то же время.

5. Приглашение держав на конференцию

Австрия очутилась в положении невесты, получившей предложение сразу от двух кавалеров. После длительных размышлений она решила в пользу французского претендента: как ни заманчиво было предложение Бисмарка, оно не внушало ей доверия, и в этом она была права. Сам Бисмарк впоследствии признавался, что он не рассматривал предложенное им тогда «устройство» Германии, как длительное, и сомневался, «не потребуются ли в дальнейшем вооруженной борьбы между Австрией и Пруссией, чтобы дать Германии окончательное устройство». Однако широкий аванс Бисмарка показался Австрии знаменательным, и это сказалось на дальнейшем развитии событий в самой Германии. В то время как Бисмарк, не будучи уверен в позиции Франции и затягивая свой окончательный ответ на предложение Наполеона, несколько замедлил темпы своей агрессии, Австрия, напротив, становилась все более и более непримиримой. На ее сторону явно становилось большинство второстепенных государств, и уже в начале мая последние стали принимать военные меры, призывая в армии запасных и усиленно вооружая их. Пруссия, конечно, тоже принимала свои меры, но они еще не были завершены, и Бисмарк в начале мая сделал новую попытку отсрочить конфликт, предложив Австрии обсудить совместно оба стоявших в порядке дня вопроса: шлезвиг-голштинский и реформу Союза. Но на это Менздорф через две недели ответил, что принимает предложение при условии, что предполагаемое совместное обсуждение обоих вопросов будет происходить там, куда сам Бисмарк внес вопрос

о реформе, а именно в Сейме. Так как Пруссия уже раньше, ссылаясь на прежнюю договоренность, отказалась обсуждать вопрос о герцогствах на Сейме и даже не ответила на новое предложение, то Австрия через неделю, 1 июня, сама вновь поставила этот вопрос в Сейме, заявив, что ее старания добиться у Пруссии согласия на решение его Сеймом закончились неудачей и что сама она заранее присоединяется к решению последнего, каковым бы оно ни было. Одновременно она сообщила, что созывает голштинский ландтаг, чтобы выслушать мнение самого населения вверенного ей герцогства.

Это был вызывающий акт. Дело в том, что за три дня до этого, 28 мая, три нейтральных державы — Франция, Англия и Россия — предложили спорящим сторонам — Пруссии, Австрии, Италии и Сейму — свои посреднические услуги, приглашая их на совещание по вопросам, их разделяющим, с целью урегулировать споры дипломатическим путем. Но из этого дружественного приглашения ничего не получилось: Пруссия и Италия приняли его, но Австрия, уже уверенная в Наполеоне, обусловила свое согласие оговоркой (в духе предполагаемого с Францией договора), что из обсуждений конференции будут исключены вопросы территориальных приращений в пользу какой-либо державы, и выразила желание, чтобы на совещание был приглашен и папа римский!

6. Разрыв

С такой оговоркой, разрушавшей всякую возможность взаимных компенсаций, державы не могли идти на совещание, и, по инициативе Наполеона, рассчитывавшего заработать на всеобщей дележке, они уже 4 июня отказались от своего предложения. Впоследствии Австрия оправдывалась, говоря, что она имела в виду одну сторону компенсации какой-нибудь одной державы, а несколько не исключала возможности вознаграждения нескольких или всех держав. Если бы это действительно было ее намерением, то она плохо его сформулировала. Но это не было ее намерением: она не хотела посредничества и была готова идти до конца. Сами державы, если бы они серьезно относились к своему плану, не сразу бросили бы его, а попытались бы еще уломать капризную клиентку. Знаменательно и то, что в день, когда Австрия дала свой двусмысленный ответ на приглашение она внесла в Сейм вышеприведенное предложение; это показывало, что она готова идти на разрыв, не считаясь даже с впечатлением, которое этот акт окажет на нейтральные правительства. Действительно, он был воспринят последни-

ми как акт прямой агрессии, и Бисмарк мог этому только порадоваться.

Однако он не воспользовался этой ошибкой своей противницы: война по шлезвиг-голштинскому вопросу все еще казалась ему невыгодной с точки зрения внутригерманского общественного мнения, да и нарушение обещания, данного им по этому пункту Италии, могло стать опасным. Он ограничился тем, что сообщил австрийскому правительству, что поскольку внесение Австрией спорного вопроса о герцогствах в Сейм и созыв ею голштинского ландтага без предварительного согласования с Пруссией являются нарушением Гастейнской конвенции и возвращают обе державы к положению, существовавшему до ее заключения, то Пруссия для фактического восстановления последнего вынуждена отдать распоряжение своему командующему войсками в Шлезвиге вступить в Голштинию и тем утвердить прусское право на совместное управление герцогством. Через три дня, 7 июня, генерал Мантейфель со своими войсками действительно вступил в Голштинию. В ответ Австрия могла бы ввести свои войска в Шлезвиг и, таким образом, действительно восстановить прежний кондоминиум, но она на это не решилась, а только отвела свои войска на юг Голштинии, к Альтоне. Тогда Бисмарк пустил в ход свой основной козырь. 10 июня он разослал непосредственно союзным германским правительствам проект реформы Союза, мотивируя свой акт тем, что сделанное им 9 апреля предложение Сейму о созыве общегерманского парламента для обсуждения новой конституции осталось без ответа, и предлагал им теперь обсудить его проект отдельно от Сейма. А в проекте, который повторял прежний набросок, самым главным и новым было то, что членами Союза должны были оставаться все прежние государства, кроме Австрии, которая из него исключается.

Это был прямой вызов, и Австрия приняла его. Уже накануне она парафировала договор, предложенный ею Наполеоном, а на следующий день, 11 июня, внесла в Сейм предложение мобилизовать союзные войска против Пруссии, которая своим вторжением в Голштинию вступила на путь самопомощи вместо того, чтобы внести спор на рассмотрение Сейма, и новым своим односторонним актом, нотой к союзным государям, нарушила определенную статью устава Союза. 12 июня ее войска покинули Голштинию, чтобы через Ганновер вернуться на родину. В тот же день она скрепила подписью договор с Францией, и одновременно ее посланник в Берлине Кароли заявил прусскому министру о разрыве сношений.

Длинными, обходными путями, осторожно пробиваясь

от позиции к позиции и используя ошибки и глупость противника, Бисмарк через длинную цепь интриг (в которых он сам впоследствии усматривал венец своей дипломатии) добился, наконец, своей цели, сумев вместе с тем так устроить, что войну объявил не он, а Австрия. Остальное уже развернулось в силу собственной инерции. В тот же день, 12 июня, Бисмарк в записке королю и министрам обосновал действия Австрии как объявление войны и набросал порядок собственных военных действий: немедленный захват герцогства Нассау, давно уже составлявшего предмет вожделений Пруссии ввиду его расположения на ее географических и стратегических путях; предложение нейтралитета Ганноверу и Гессен-Касселю, также расположенным на этих путях, с тем, чтобы, в несомненном случае их отказа, ликвидировать и их, и т. д. Ко всему этому, указывал Бисмарк, прусская армия вполне готова, будучи расположена на границах этих государств, и без того слабых в военном отношении. 14 июня на Сейме произошло голосование по австрийскому предложению мобилизовать союзную армию против Пруссии. Голосование по группам¹ дало большинство девяти голосов против шести: за предложение голосовали все четыре королевства — Бавария, Саксония, Вюртемберг и Ганновер, также курфюршество Гессенское (Гессен-Кассель), великое герцогство Гессен-Дармштадт и др.; против предложения голосовали только Саксен-Веймар, Саксен-Кобург-Гота, Баден, Люксембург, все вольные города, кроме Франкфурта, и др. После голосования прусский уполномоченный Савиньи заявил, что доверие Пруссии к Союзу глубоко потрясено, так как объявление Сеймом войны одному из своих членов является нарушением устава Союза (как будто объявление Пруссией и Австрией войны королю Дании не было таковым!), и отныне Пруссия разрывает с Союзом и сохраняет за собой «свободу действий». На другой же день, 15 июня, Пруссия обратилась к Саксонии, Ганноверу и курфюршеству Гессенскому с предложением союза на основе «невооруженного» нейтралитета и полной гарантии их суверенитета с дальнейшим их участием в новом германском союзе и, получив отказ, 16 июня ввела свои войска на их территории.

Так началась война, предопределенная всем предыдущим ходом истории обеих держав и Германии в целом и искусно подготовленная Бисмарком. За три месяца до начала ее, в апреле, генерал Швейниц, ценные свидетельства которого мы уже не раз приводили, был, как упоминалось, в Берлине и впоследствии вспоминал, что все были «согласны между собой, что война против Австрии не будет популярна. Либе-

¹ См. о порядке голосования на Сейме стр. 8.

ралы не хотели ее, потому что опасались, что военный успех укрепит господство Бисмарка, консерваторы все еще не отказывались от надежды на соглашение, а в армии и, в частности, среди офицеров гвардии отсутствовало какое бы то ни было желание вести такую войну». Прусский ландтаг, который опять был созван в середине января 1866 г., не дал себя обмануть демагогическим проектом Бисмарка о созыве всегерманского парламента на основе всеобщего избирательного права и назвал его «мошенничеством». Когда 7 мая на Бисмарка совершено было покушение (в него стрелял один студент), то ландтаг ни единым словом не выразил ему своего соболезнования, и многие жены и дочери депутатов, когда покушавшийся в тюрьме покончил с собой, приезжали оказать ему посмертные почести. Бисмарк опять не добился кредитов, и один из депутатов (Якоби) произнес фразу: «этому министерству ни единого гроша, ни единого солдата», которая стала лозунгом всех оппозиций в ландтаге и в рейхстаге в течение почти всего дальнейшего полустолетия. 19 мая ландтаг был распущен, и еще 7 июня вожди либеральной партии обнародовали манифест, в котором клеймили политику Бисмарка, объявляя аннексию Шлезвига и Голштинии насилием над волей народа. Война прекратила все манифестации.

7. Война

Описание военных действий не входит в нашу задачу. Достаточно отметить лишь некоторые основные моменты их. Все главные государства Германии, включая Баден, который еще 14 июня не голосовал за австрийское предложение, стали на сторону Австрии; свою солидарность с Пруссией заявили лишь несколько мелких государств северной Германии и три северных вольных города. Военное значение последних равно было нулю. Но и значение других второстепенных государств, которые выступили на стороне Австрии, было не намного больше. Самое, например, крупное из них, Бавария, еще до войны обещало Саксонии, опасавшейся, как в 1756 г., подвергнуться в числе самых первых нападению Пруссии и не обладавшей к тому же после ампутации 1815 г. хорошо защищенной границей, немедленно двинуть ей на помощь с юга корпус в 100 тыс. человек, как только пруссаки появятся на ее северной границе. Но когда критический момент наступил, то Бавария с трудом наскребла 30—40 тысяч, причём оказалось, что у пушек нехватало лафетов, у кавалерии — лошадей, у пехоты — обмундирования. Фактически война на севере исчерпалась одним сражением при Ланген-

зальце близ Эрфурта, в Тюрингии (27 июня), с ганноверскими войсками, которые шли на соединение с южными армиями. Бой был упорный; один момент казалось даже, что пруссаки будут опрокинуты, но все же ганноверцы, в конце концов, были разбиты и капитулировали, а их король, слепой Георг V, бежал в Австрию. Гессен-Кассель был занят еще легче, и сам курфюрст попал в плен. Саксония не сделала даже попытки сопротивления. Ее армия (23 тыс. человек) отошла в прилегающую Богемию к австрийцам, и столица Дрезден была взята без боя.

Одновременно шли бои уже и на юге. Там силы тоже были неравны: против 238 тыс. австрийцев стояли 291 тыс. пруссаков; другая часть австрийских сил (около 74 тыс.) была сосредоточена против Италии, на южной границе. Еще хуже обстояло у австрийцев с руководством. Во главе северной армии (против пруссаков) был поставлен Бенедек, отличившийся в итальянском походе 1859 г. генерал, который в последние годы командовал военными округами в Италии и не имел представления о северном театре войны, где военное командование находилось в руках эрцгерцога Альбрехта. Назначение Бенедека на место последнего, который был переброшен в Италию, мотивировалось тем — для австрийцев характерным — соображением, что война против пруссаков все же была сопряжена с риском, и для престижа императорской династии было бы крайне неудобно, если бы в случае неудачи во главе армии находился эрцгерцог. Сам Бенедек, сознавая свою некомпетентность, всячески отбивался руками и ногами от предложенного ему перемещения на север, но вынужден был, как солдат, подчиниться приказу. И тем не менее австрийцы были так уверены в победе, что штаб Бенедека вез с собой готовые литографированные прокламации к прусскому населению для того момента, когда австрийская армия вступит на прусскую территорию. Австрийцы, несомненно, рассчитывали на таланты своих генералов и на скорую победу над итальянцами, которая даст им возможность перебросить южную армию на север; они также учитывали, что в датской войне пруссаки не особенно отличились, и приписывали уклончивую тактику Бисмарка на последнем этапе дипломатической борьбы сознанию своей военной слабости. По этим причинам австрийцы вообще склонны были отнестись к войне как к почетной дуэли, которую можно будет по-рыцарски прекратить после первого же скрещения шпаг.

Наивные расчеты австрийцев были скоро опрокинуты. С почти математической точностью три прусских армии, согласно расчетам Мольтке, между 26 и 29 июня, преодолевая сопротивление противника в ряде боев в австрийской Силе-

зии и на территории Чехии, сконцентрировались в начале июля в районе деревни Садова и 3 июля дали австрийцам генеральное сражение. Уже за два дня до этого, потеряв около 40 тыс. человек в упомянутых боях, бедный Бенедек, предвидя свою гибель, телеграфировал императору, что положение катастрофично и что нужно добиться мира. Но, повидимому, император считал, что настоящего скрещения шпак еще не произошло, и Бенедек вступил 3 июля в решающий бой, несмотря на свое скверное настроение. Австрийские солдаты оказались лучше своего генерала и сражались превосходно. Однако на стороне их противников было не только численное превосходство, но и лучшая школа, более решительное руководство и отличное вооружение в виде заряжающегося с казенной части так называемого игольчатого ружья, которое показало свои преимущества еще во время датской войны (без того, чтобы австрийцы это учли!) и теперь производило страшные опустошения в австрийских рядах. И все же дело носило такой характер, что пруссаки еще два дня пребывали в сомнении, действительно ли они победили, и только на третий день, когда они убедились, что Бенедек отступил, что он потерял до 18 тыс. человек убитыми и ранеными и сдал им до 24 тыс. пленных (пруссские потери составили всего около 9 200 человек, в том числе убитыми 1 935), они пришли к убеждению, что сражение (Мольтке сразу заметил королю: «и поход»!) ими выиграно. Телеграфируя домой о победе, прусская ставка после долгих обсуждений решила назвать ее сражением при Кёниггреце, хотя данный укрепленный пункт ничего общего с боем не имел, будучи расположен в стороне. Но это звучало приятнее для королевско-патриотического слуха, и под этим именем бой вошел в прусско-германскую историю. Для иностранных историков он остался сражением при Садове, что и было верно.

Австрия обладала еще немалыми ресурсами, чтобы продолжать борьбу. В Италии она еще 24 июня нанесла жестокое поражение итальянской армии, насчитывавшей 220 тыс. человек под командой знакомого нам генерала Ламармора, который ушел с министерского поста, чтобы взять на себя руководство военными операциями; месяц спустя ее флот одержал блестящую победу над итальянским флотом при Лиссе. Несомненно, Австрия могла мобилизовать еще новые армии, располагая населением вдвое большим, нежели Пруссия. Для этого нужно было заключить мир с Италией, и уже в ночь после Садовы Франц-Иосиф телеграфировал своему другу и союзнику Наполеону, предлагая ему получить Венецию для Италии и взять на себя посредничество по заключению мира

с ней. Конечно, он рассчитывал, что это будет не просто передачей просьбы о мире, а активным вмешательством, поддерживаемым всем авторитетом сильной Франции. С своей стороны, Наполеон воспринял австрийскую просьбу как желанный повод оказать услугу не только австрийской союзнице, но и самому себе.

8. Новое вмешательство Наполеона

В ночь на 5 июля в прусскую главную квартиру в Йинчине (Чехия) прибыла от Наполеона телеграмма королю Вильгельму об уступке ему Францем-Иосифом Венеции с просьбой быть посредником в мирных переговорах с Италией. Наполеон вовсе не был уполномочен Австрией сделать такое сообщение, но он хотел намекнуть пруссакам, что Австрия, заключив мир с Италией, сможет перебросить освободившиеся таким образом на юге силы на север и что им, пруссакам, придется, вероятно, столкнуться с новыми затруднениями. Поэтому, выходя за пределы своей миссии еще дальше, он многозначительно прибавил, что большие события, вызванные прусским оружием, заставляют его отойти от позиции полного воздержания, которую он до сих пор занимал, и надеется, что, блестяще оправдав честь прусского оружия, король согласится дать противнику перемирие для переговоров о заключении почетного мира.

Фраза об отходе от позиции полного воздержания встревожила короля. Вильгельм, уже вошедший, по упомянутому выражению Бисмарка, во вкус аннексий, питал широкие планы. Конечно, Германский союз должен быть реорганизован под прусской эгидой, но, кроме того, не только Шлезвиг и Гольштиния, но и австрийская Силезия, Судеты (северная часть Чехии), восточная Фрисландия (ганноверская), некоторые части Саксонии, баварские города Ансбах и Байрейт — всё это должно быть присоединено к Пруссии; к ним вскоре были присоединены в списке аннексий также Ганновер и Гессен-Кассель, где первоначально король хотел лишь сменить враждебных носителей корон. Можно было опасаться, что Наполеон не допустит ампутации своей австрийской союзницы вообще и согласится на другие аннексии Пруссией лишь при условии территориальных компенсаций для Франции. Выступление Наполеона создавало поэтому большое осложнение, и Вильгельм в отчаянии говорил, что он откажется скорее от престола, чем от намеченных им широких аннексий.

На первых порах Наполеону был отправлен ответ, что Пруссия принимает его посредничество и готова обсудить условия перемирия, а затем ему дополнительно сообщили, что

будущий мир должен обеспечить свободное развитие германской национальной «идеи», для чего первым условием является устранение того давления, которое оказывало до сих пор на Германию «чужеродное» тело Австрии, а вторым условием — сплочение и усиление Пруссии в ее «естественной» сфере влияния на севере в виде уничтожения чересполосицы между ее частями и руководства остальными там расположенными государствами на основе союза с ними.

Дав этот ответ, пруссаки продолжали продвигаться дальше на юг и почти достигли ворот Вены. Главная квартира была переведена в замок, принадлежавший злополучному Менздорфу в Никольсбурге, примерно в 18 км от австрийской столицы, и туда в ночь на 12 июля прибыл наполеоновский посланник Бенедетти, чтобы посредничать между обеими сторонами: посредничество между Австрией и Италией превращено было Наполеоном в посредничество между Австрией и Пруссией. Как и можно было ожидать, Наполеон под давлением своих советников решительно высказался как против всеобъемлющих аннексий, так и против утверждения прусской диктатуры над всей Германией. Посланник в Париже Гольц вынес даже впечатление из разговора с ним, что если Пруссия будет настаивать на своих требованиях, то возможно объявление Францией войны. Действительно, Друэн де Люис требовал мобилизации армии и присоединения к Австрии, если Пруссия не умерит своих аппетитов и не даст Франции компенсаций.

Наполеон сам выдвинул программу мира: Австрия признает роспуск старого Союза и отказывается от участия в новом, но последний строится Пруссией лишь в пределах к северу от реки Майна и над этими северными государствами Пруссия получает военное командование. Государства же южнее реки Майна образуют собственный союз, и оба союза вступают тогда в тесное соглашение. Пруссия получает, конечно, давно желанные герцогства, кроме северных округов Шлезвига с датским большинством населения, где должен быть проведен опрос населения. Само собою разумеется, что никаких аннексий за счет Австрии не допускается — Австрия лишается только Венеции.

9. Никольсбургский предварительный мир

Это был вполне приемлемый план, совпадавший с тем, какой предлагался месяц тому назад самим Бисмарком Австрии, и даже более выгодный для Пруссии, чем тот. Но для прусского короля это была горькая пилюля, и Бисмарк решил заставить его проглотить ее, чтобы предупредить более актив-

ное вмешательство «посредника». 20 июля было заключено перемирие на пять дней, 21-го военные действия прекратились, а уже 22-го приехал в прусскую ставку знакомый нам Кароли, чтобы договориться о мире. Как и можно было ожидать после выступления Наполеона, Австрия не уступала ни клочка своей территории. От судетской части Чехии, как и от австрийской Силезии, сам Бисмарк отказывался, так как они были населены славянами, чехами и поляками. Это слишком мало соответствовало бы «национальной идее», в качестве поборников которой он и его король позировали перед немецким народом и иностранными державами, да и доставило бы тогда слишком много хлопот, как Бисмарк впоследствии признавал. Но австрийцы, поддерживаемые Наполеоном, отвергли мысль и об аннексии Пруссией Саксонии, этого, как мы уже знаем, старинного предмета прусских вожделений, представлявшего удобнейший трамплин для будущего нападения на Австрию. Между, с одной стороны, королем, который не мог помириться с потерей облюбованной добычи и утверждал, что эта потеря угрожает самому престолу его, и военными, которым страстно хотелось пойти на Вену и в ее стенах продиктовать побежденному неприятелю условия мира, и Бисмарком, с другой стороны, который серьезно боялся вооруженного выступления Наполеона и даже готов был откупиться от него уступкою Франции Саарбрюкена, части баварского Пфальца, а в придачу еще и Люксембурга,— возникла тяжелая борьба, напоминавшая сцены 1863 г., когда созывался Францем-Иосифом съезд германских государей во Франкфурте. Бисмарк, который в свое время сам мечтал «въехать верхом в Вену» и считал, как он тогда говорил своим друзьям, что «это был бы для него лучший день его жизни», теперь упорно сопротивлялся подобным планам, указывая королю на опасность, которая грозила со стороны Франции, на холерную эпидемию, которая опустошала ряды прусской армии и унесла уже почти шесть с половиной тысяч человек (в то время как за весь поход армия потеряла едва четыре с половиной тысячи убитыми), и на необходимость не наносить Австрии такой раны, которая оставит в ее памяти тяжелые следы и помешает столь необходимому в будущем сближению с ней. Все эти доводы долго разбивались о сопротивление короля, так что, в конце концов, оба перестали не только разговаривать, но и встречаться друг с другом и заперлись, точно поссорившиеся школьники, в своих комнатах. Бисмарк впоследствии рассказывал, будто он подумывал даже о самоубийстве. Положение было спасено вмешательством кронпринца, который принял сторону Бисмарка и вырвал у своего отца письменное согласие на его требования. 26 июля на ос-

нове наполеоновских предложений, согласованных в Париже с Гольцем, были подписаны в Никольсбурге прелиминарии.

Стоит отметить одну деталь. Приняв немедленно, как мы видели, посредничество Наполеона и будучи даже готов его щедро оплатить, Бисмарк в то же время торопился, не прибегая к дальнейшим военным действиям, оказать нажим на Австрию с тем, чтобы сделать ее сговорчивой. С этой целью он, монархист, враг революции, который только что заверял своего короля в необходимости пощадить Австрию, для того, чтобы со временем сделать ее своим другом, предписал военному командованию обратиться к чешскому и венгерскому народам с призывом... восстать против своего короля, императора австрийского. Текст выпущенных и расклеенных на улицах оккупированных городов Чехии и опубликованных в газетах прокламаций дошел до нас и читается с интересом в свете более поздних событий. Так, прокламация к чехам содержит обращение к населению «исполненного славой королевства Богемии», заверяющее его «в полном уважении» оккупантов к «историческим и национальным принципам» страны, в намерении не противодействовать его «справедливым стремлениям к самостоятельности и свободному национальному развитию» и, наконец, в том, что прусская победа даст ему, как и венгерскому народу, возможность «осуществить свои национальные права». Призыв этот, как и аналогичный к венграм, отклика не нашел; лишь старый венгерский революционер генерал Клапка, эмигрировавший во Францию, собрал в Силезии «венгерский легион» из тысячи-другой венгерских военнопленных, но он никакой военной роли не сыграл. Прокламации же остались памятником бисмарковской неразборчивости в средствах и вызвали особенно сильное негодование в царских кругах России,— негодование, заставившее Бисмарка прекратить опасную игру в революцию и поскорее пойти на соглашение с Австрией.

10. Позиция и вмешательство России

Прусская победа под Садовой вызвала горячую поздравительную телеграмму царя, который, будучи внуком «патриотической» прусской королевы Луизы и ненавистником предательской Австрии, не мог не восчувствовать гордости и радости по поводу такого громкого успеха прусского оружия. Но уже в самой телеграмме была фраза, которая сильно расстроила короля; в ней содержалась просьба о пощаде «побежденному». Впоследствии русская сторона объясняла, что телеграф неправильно передал последнее слово. Оно должно было гласить «побежденным», под каковыми подразумевалась-де не

Австрия, а другие германские государства или, скорее, государи, принимавшие ее сторону: то были состоявшие в родстве с царским домом великий герцог Гессен-Дармштадтский, отец царицы, и король Вюртембергский, женатый на сестре царя. Царица даже собственноручно написала письмо королю, «припадая к его стопам» и прося пощадить ее отца. Король поспешил успокоить своего племянника обещанием, что означенные государи не будут сильно затронуты. Но это не успокоило царского правительства. Ему уже известно было, что победители собираются аннексировать Нассау, Ганновер и курфюршество Гессенское, а также, конечно, и оба герцогства — Шлезвиг и Голштинию, превращая, таким образом, Пруссии в сильную державу. Царю все еще претила мысль о создании парламента и о введении всеобщего избирательного права, и не менее возмущался он и союзом с итальянским королем, узурпировавшим, с помощью Гарибальди и народных масс, короны других итальянских государей. Наконец, царское правительство негодовало по поводу призывов к чехам и венграм восстать против своего законного государя (хотя этот государь был нелюбим и в самой России), каковые призывы, сверх того, нашли, как указывал сам царь в беседе с прусским военнуполномоченным, неприятные отклики и в Польше, где заговорили и о своих национальных правах.

В итоге 27 июля, в самый день, когда король Вильгельм ратифицировал прелиминарные условия мира, в Никольсбург прибыла телеграмма от заместителя Бисмарка в Берлине — Вертера с извещением, что русский посланник Убри официально сообщил о решении его правительства созвать европейский конгресс и что это предложение одновременно посылается в Париж и Лондон! Телеграмма с аналогичным содержанием получилась затем и прямо из Петербурга от прусского посланника, который передавал и мотивировку русского правительства: вопросы-де, возникшие в результате войны, имеют всеевропейское значение и должны быть рассмотрены совокупно европейскими державами, а не одними лишь воюющими сторонами; нельзя же допустить, чтобы последние одни, без участия Европы, изменили положение вещей, созданное Европой в 1815 г.!

Это был совершенно неожиданный сюрприз, который усугубился еще тем, что на следующий день, 28 июля, получилась телеграмма от посланника в Париже Гольца о том, что накануне Наполеон доверительно спросил его, не сможет ли Франция, при окончательном урегулировании вопроса о Германском союзе получить маленькую компенсацию в виде уступки ей, например, Ландау (союзная крепость на франко-баварской границе) и Люксембурга (тоже союзная крепость).

Обе эти крепости нужны-де Франции для обороны, а для Германии они вовсе не нужны; между тем общественное мнение во Франции сильно возбуждено и грозит свергнуть династию, если Франция выйдет из настоящего кризиса с пустыми руками. Так, осложнения, которые Бисмарк считал уже оконченными, теперь, повидимому, еще только начинались, и плод победы, предмет четырехлетних стараний его, грозил выпасть из его рук.

Положение стало критическим. Отвечая на телеграмму Вертера, Бисмарк выразил было согласие на конгресс при условии, что предварительно будут утверждены основы, обеспечивающие Пруссии необходимые гарантии и приобретения, но, получив дальнейшие донесения из Петербурга, он поручил Швейницу лично передать царю, что король не может отказаться от плодов своих побед под страхом революции в Германии и что в случае серьезного вмешательства со стороны России против нее будут разнужданы все национальные силы Германии, а также силы соседних стран (т. е. Польши и Венгрии). Это был совершенно новый тон, свидетельствовавший о новом самосознании. Все же, по совету Швейница, который предложил прислать в Петербург какое-нибудь прославленное лицо для умиротворения царя, Бисмарк отправил туда генерала Мантейфеля, прежде командовавшего, как читатель вспомнит, прусской армией в Шлезвиге, а в данной войне командовавшего армией, разбившей войска Вюртемберга и Баварии. Но одновременно Бисмарк дал отпор и Наполесну, который, как он узнал, еще в середине июля предлагал царю взять на себя совместно с ним «вооруженное посредничество» между Пруссией и Австрией, а сейчас, наверное, ухватился за царское предложение о созыве конгресса. Бисмарк поручил Гольцу передать, что согласие Наполеона на русское предложение вызовет у него большое изумление и что если Наполеон вздумает уклониться от своей прежней программы, то Пруссия «поднимет перчатку», заключит новый союз с Италией «с более далеко идущими целями» (намек на Савойю и Ниццу!) и не остановится более на линии Майна. При этом Бисмарк переслал Гольцу для прочтения в назидание Наполеону копию своей директивы Швейницу.

Тем временем Мантейфель прибыл в Петербург. Он привез письмо от короля, в котором последний, заимствуя демагогические аргументы Бисмарка, ссылаясь на общественное мнение Пруссии, которое-де требует аннексий и игнорирование которого создало бы величайшую опасность для престола и династии. Более скабрёзные доводы приводил Мантейфель, по директивам Бисмарка, в устных беседах, указывая на вред существования маленьких и немощных династий для монархи-

ческого престижа, но тут же подчеркивая, что родственники царя все же будут пощажены. А для вящего воздействия на царя, который особенно остро ощущал ущемление суверенитета России известными статьями Парижского мира о нейтрализации Черного моря, Мантейфель прозрачно намекнул, что Пруссия не станет чинить препятствий, если Россия захочет отказаться от этих статей. На это Горчаков, также осуждавший ликвидацию законных династий, уклончиво заметил, что Россия не замышляет отмены черноморских статей — они-де сами когда-нибудь отпадут, и тогда он надеется, что Пруссия поможет их похоронить.

Царь все же не мог переварить насильственного подавления ряда династий и повторял, что этим актом совершается не утверждение монархического принципа, а унижение его. Он также опять и опять критиковал итальянский союз и осуждал созыв парламента, на что Бисмарк резко отвечал через Мантейфеля же выражением своего неудовольствия и угрозами не только взять обратно уступки, обещанные Дармштадту и Вюртембергу, но и провозгласить всегерманскую конституцию, некогда выработанную франкфуртским Национальным собранием: «Если уж быть революции, то лучше мы ее возглавим, нежели станем ее жертвами». Было еще одно письмо Вильгельма царю, в котором он повторял аргумент об ущемлении престижа монархии бедными родственниками и обещал, что он столь же мало склонится перед чрезмерными требованиями германского рейхстага, как он склонялся перед требованиями прусского ландтага. В конце концов царь сдался, говоря, что если его доводы не в состоянии убедить короля, то он все же не присоединится к его врагам.

На этом разногласия с царским правительством закончились, и Швейниц, восхваляя царя за его лояльность, в своем дневнике мог записать: «Он [царь] на время забыл, что наши победы опрокинули многое из того, что Александр I и Николай I закрепляли и, прежде всего, влияние России среди германских союзных держав». Русское предложение о конгрессе было отклонено Англией, за ней охотно последовал немного утраченный угрозой Бисмарка Наполеон, и русское правительственное сообщение от 20 августа (ст. ст.), констатируя этот грустный факт, прибавило: «Мнение России, ее права, как великой державы, остаются обеспеченными за нею: она свободна в своих действиях, и руководством для нее служат одни лишь национальные интересы России». Эти цветистые фразы, прикрывавшие отступление и, несомненно, принадлежавшие красноречивому перу Горчакова, не обманули Бисмарка.

11. Новые требования Наполеона

Наполеон не мог так стоически взирать на создавшееся положение. Неожиданно быстрый ход войны и столь же неожиданно скорое принятие Бисмарком выдвинутых им основ будущего мира застигли его врасплох и в то же время взволновали не только бонапартовскую, но и вообще патриотическую Францию, которая не могла понять, как это император и его правительство могли допустить такое ошеломляющее усиление и расширение Пруссии и даже содействовать этому, не приняв мер к обеспечению собственной безопасности на границе. Решительный ответ Бисмарка на его робкий намек Гольцу еще больше ущемлял его престиж в глазах ближайшего его окружения, и дальнейшее ущемление последовало со стороны самого короля Вильгельма, который в тронной речи при открытии ландтага 5 августа 1866 г. (о чем ниже) ни единым словом не обмолвился о французском нейтралитете и посредничестве. На этот «афронт» Наполеон через некоторое время (в феврале 1867 г.), также в тронной речи при открытии сессии Законодательного корпуса, выразив одобрение «естественным стремлениям» Германии к национальному объединению, колко ответил, что одного слова его было достаточно, чтобы остановить победоносную прусскую армию перед самыми воротами Вены. Эти слова вызвали у слушателей шумные аплодисменты. В Пруссии же разыгралась газетная буря, и сам Бисмарк многозначительно заметил Бенедетти, что император правильно сказал, что «его вмешательство остановило нас под стенами самой Вены». В последующем Бисмарк не забудет этого, а тем временем (возвращаясь к началу августа 1866 г.) Наполеон поручил Бенедетти сделать «энергичную» попытку заставить своего прусского контрагента пойти на соглашение, пока еще не подписан окончательный мир. 5 августа, в самый день, когда Наполеону был нанесен «афронт», Бенедетти вручил Бисмарку письменный проект секретного договора: Франция хочет получить границы 1814 г., т. е. те более благоприятные границы, которые были первоначально установлены державами-победительницами (до возвращения Наполеона I с о. Эльбы) и совпадали с границами Франции в 1792 г. Это означало передачу Франции столь важного для развивающейся металлургической промышленности Франции и служившего еще на Венском конгрессе предметом ожесточенной, хотя и безуспешной, борьбы со стороны Талейрана Саарского угольного бассейна. Далее, Франция хочет получить Пфальц с находящейся там крепостью Шпейер, некогда местопребывание имперского суда, и рейнскую часть Гессен-Дармштадта (включая крепость Майнц).

Наконец, Наполеон предлагает прекратить связь Люксембурга с Германским союзом и вывести прусский гарнизон из его столицы-крепости того же имени. Вкратце эта программа требовала передачи Франции основных союзных крепостей, расположенных по ее восточной границе.

Программа была внушительная. Ее главный недостаток заключался в том, что она запоздала и была предъявлена тогда, когда война уже закончилась, когда благоволение России было обеспечено, и Бисмарк поэтому был уже гораздо менее склонен идти навстречу пожеланиям Наполеона. Бисмарк и дал решительный отказ: он немецких земель уступать не намерен — это-де будет политическим банкротством Пруссии, и если Франция продолжит свои настояния, то он не только мобилизует всю германскую «нацию», но и немедленно заключит мир с Австрией на любых условиях, предоставив ей всю южную Германию, признает старый Союз и с соединенной немецкой армией в 800 тыс. человек двинется на Францию и отнимет у нее Эльзас: «Обе наши армии готовы, Ваша не готова,— подумайте о последствиях». Так говорил Бисмарк Бенедетти и советовал ему отправиться в Париж и лично доложить его ответ императору.

Что в этих угрозах содержался изрядный элемент блефа, не подлежало сомнению. Австрия не пошла бы ни на каких условиях на сговор с Пруссией, которой она не доверяла и против которой она имела бы на своей стороне Францию, а вслед за нею потянулись бы на ту же сторону и остальные германские государства. Пруссия же, оставшись одна, не отважилась бы на единоборство с Францией, слышавшей тогда, (впрочем, ошибочно) даже в прусских военных кругах очень сильной державой. Сам Бисмарк в этом разговоре не мог скрыть своих опасений, восклицая: «Зачем вы хотите нас заставить делать такие прыжки? Разве нельзя найти другие средства вас удовлетворить?» Намек был ясен: это было повторение старого предложения компенсировать себя за счет Люксембурга и Бельгии; и Наполеон ухватился за него, как за спасательный круг. Он даже дал отставку слишком настойчивому Друэн де Люису и поручил Бенедетти, который действительно съездил в Париж, предложить Бисмарку, если уж никак нельзя получить немецких земель, согласиться на передачу Франции Люксембурга и Бельгии и поддержать эту уступку, в случае необходимости, силою оружия. Это условие явно имело в виду возможное противодействие со стороны Англии, которая в течение веков вела борьбу против французских попыток овладеть Бельгией и не допустила бы захвата Люксембурга, этого преддверия Бельгии, защищенного двойным запором в виде его вхождения в Германский союз

и династической связи с голландской короной. Для Бисмарка такое условие было совершенно неприемлемым, но, не желая отталкивать Наполеона, он стал тянуть с ответом, ссылаясь на трудность проблемы, требующей-де внимательного изучения.

Впоследствии, в 1870 г., когда Бисмарк начал войну с Францией, он опубликовал историю этих переговоров вместе с факсимиле письма Бенедетти, содержавшего предложения относительно Бельгии, с тем, чтобы обеспечить сочувствие Англии. В ответ Бенедетти, в книге о своей миссии в Берлине, изданной годом позже, старался отрицать, что он или его правительство делали подобные скабрзные предложения, и утверждал, что его письмо представляет не что иное, как набросок собственного предложения Бисмарка, который он, Бенедетти, записал под его диктовку. Ту же версию повторил Эмиль Оливье, председатель совета министров при Наполеоне III (1870) в своей многотомной истории последних лет Второй империи на основании архивных документов французского министерства. Версия эта звучит очень натянуто и мало вероятна, хотя известно, что, например, проект договора Италии с Пруссией 1866 г. был хотя и написан рукою Барраля, итальянского посланника в Берлине, участника переговоров Говоне с Бисмарком, но написан под диктовку Бисмарка. Возможно, что последний любил подобную практику, дававшую ему в руки документ, который он при случае мог использовать для компрометации своего партнера. Во всяком случае не подлежит сомнению, что если на этот раз предложение относительно Бельгии было написано Бенедетти, то оно было лишь повторением тех предложений, которые, как мы видели, дважды до этого делал ему сам Бисмарк.

12. Соглашения с германскими государствами и Пражский мир с Австрией

Как бы то ни было, Бисмарк, делая вид, что предложение Наполеона в принципе приемлемо, все же не давал окончательного ответа, и переговоры затянулись до осени. И в этом случае Бисмарку нужно было выгадать время, чтобы урегулировать отношения с южными государствами, все еще продолжавшими военные действия, и заключить окончательный мир с Австрией. Собственно и с итальянской союзницей расчет формально еще не был произведен. Италия отказалась принять австрийское предложение мира и еще хотела драться, чтобы восстановить свой военный престиж и заполучить, если можно, южный Тироль и Триест. Никольсбургские preliminarii мира, подписанные, вопреки союзному договору,

без ее ведома и согласия, ее поэтому не устраивали. Она имела и дополнительное право негодовать на поведение Пруссии еще и потому, что незадолго до начала военных действий сама Пруссия настаивала в официальной ноте на том, чтобы их совместные военные действия, раз начавшись, уже не прекращались, пока обе армии не встретятся в самом «сердце» Австрии, т. е. в Вене. Но прусские союзники не обратили внимания на ее протесты и вождедения, и под предлогом, что итальянцы не согласовали своих военных операций с прусским генеральным штабом, который давал им другие задания, им было заявлено, что Пруссия свою войну окончила, Италия получила свою Венецию, и если они, итальянцы, еще хотят драться, то они это могут делать одни. На этом дело и окончилось. При посредничестве французского представителя итало-австрийские прелиминарии мира были подписаны 10 августа, а окончательный мир 3 октября.

С германскими государствами дело было несколько сложнее. С ними еще после Садовы продолжались бои вплоть до начала августа; все их армии были разбиты. Франкфурт тоже пробовал было сопротивляться, но должен был капитулировать под угрозой бомбардировки, и на него возложена была контрибуция в 25 млн. талеров; один из бургомистров с горя повесился, а заседавший там в продолжение полустолетия Союзный сейм сбежал в Аугсбург, где бесславно скончался. В конце концов все эти злополучные союзники Австрии, покинутые ею, исключая Баден, обратились к Наполеону за мировым посредничеством, но на этот раз Бисмарк отказался от такого рискованного модуса и заставил своих противников договариваться с ним непосредственно. Для этого у него были особые мотивы. С Ганновером, с Нассау и курфюршеством Гессенским, а также с Франкфуртом разговоры были очень коротки: поскольку они, как выше указывалось, лежали между прусскими владениями на востоке и западе, они были попросту аннексированы и монархам предложено было удалиться с престолов и получить взамен приличную сумму денег. Нассау и Гессен на это пошли и получили по несколько миллионов талеров, но король Георг ганноверский отказался, и его объявили пиззложенным. Его королевство было объявлено прусским владением, и предложенные ему 16 млн. талеров были обращены в особый фонд, который Бисмарк впоследствии расходовал на подкуп прессы и содержание преданных ему журналистов. Фонд и был прозван «рептильным» фондом, с легкой руки самого его основателя, который первоначально предназначал его для преследования в их «норах» ганноверских патриотов, прозванных им «рептилиями» (пресмыкающимися). Но с другими противниками у Бисмарка были

разговоры посерьезнее. Напугав их раньше угрозами больших ампутаций и крупных контрибуций, он познакомил их с требованиями Наполеона относительно их рейнских земель и, переменив тон, свел свои требования до минимальных размеров, предложив им взамен заключить с Пруссией секретный оборонительный и наступательный союз против Франции. Обрадованные противники пошли на эту сделку, отделившись лишь небольшими территориальными уступками и легкими контрибуциями, и между 13 августа и 21 октября соответствующие военные конвенции сроком на 5 лет были подписаны с Вюртембергом, Баварией, Баденом, Гессен-Дармштадтом, а также с Саксонией, которая явилась позже всех, так как Бисмарк не хотел и разговаривать со своим старым другом Бейстом, ее уполномоченным и бывшим премьер-министром, втянувшим своего короля в войну на стороне Австрии.

Вот ради этих дел, которые должны были укрепить его позиции в споре с Наполеоном, Бисмарк и затягивал переговоры с последним, а 23 августа он в Праге подписал и с Австрией окончательный мир. В согласии с Никольсбургскими прелиминарными Австрия уходила из Германского союза, предоставляла Пруссии право создавать новый Союз к северу от реки Майна, уступала ей оба герцогства, Шлезвиг и Голштинию, давала право произвести нужные ей аннексии и отказывалась от Венеции. Кроме того, Австрия уплачивала небольшую контрибуцию. Пруссия выиграла историческую тяжбу с Австрией и стала главенствующей державой в Германии.

Нужно отметить два момента. Признание Шлезвига за Пруссией сопровождалось в Пражском трактате оговоркой, что население северных округов будет опрошено, желает ли оно перейти к Пруссии или оставаться под датской короной. Там же, в связи с ограничением будущего Союза под прусской эгидой рекой Майном, было оговорено, что государства, южнее этой линии, остаются независимыми и суверенными и образуют между собой союз. Первая оговорка осталась мертвой буквой: никакого опроса упомянутых округов Шлезвига никогда не последовало, и сама оговорка была задним числом формально снята из Пражского договора в 1878 г. в виде платы за оказанные Бисмарком Австрии услуги на Берлинском конгрессе. Вторая оговорка была нарушена еще до подписания Пражского мира заключением военных союзов с южными государствами и представляла заведомый обман со стороны Бисмарка по отношению к австрийскому контрагенту, когда он подписывал с ним договор в Праге. Это стало известно уже в следующем году, когда Бисмарк, для устрашения Наполеона, опубликовал факт наличия этих союзов.

Так, до конца Бисмарк обманом и интригами добивался своей цели, проявляя в этой области столько же таланта, сколько и умения пользоваться обстоятельствами.

13. Капитуляция прусской буржуазии

Тем временем важные события происходили в самой Пруссии. В своем дневнике, касаясь своих стараний оправдать перед русским двором позицию своего правительства, Швейниц записывал: «Я очутился в конфликте между моими политическими убеждениями и служебными обязанностями. В глубине души моей я осуждаю политику Бисмарка и средства, которыми он пользовался, хотя я и видел, что положение Пруссии должно быть приведено в соответствие с реальными соотношениями сил в Германии и что некоторые национальные пожелания были обоснованы». Однако война началась, и Швейниц прибавляет: «Но теперь дьявольская ловкость Бисмарка довела дело до того, что нам, старым консерваторам [«потсдамцам»], не оставалось никакого выбора: на карте стояли честь и существование Пруссии». Не одни консерваторы так рассуждали. В день битвы при Садове, 3 июля, происходили новые выборы в прусский ландтаг, и вместо прежних 38 консерваторов в новой палате оказалось их 123; зато число либеральных («прогрессистских») мандатов упало с 143 до 83, а мандатов левого центра — с 110 до 65. Это было полное поражение прусского либерализма, и Энгельс в одной из своих работ правильно отметил, что «не только Австрия была разбита на богемских полях сражений, но и германская буржуазия».

Действительно, дух оппозиции сразу испарился. Буржуазия получила если не полное, то почти полное объединение национального рынка, и хотя она при этом окончательно потеряла политическую свободу, она была упоена достигнутым успехом. Многие из вождей либерализма сейчас стали выступать с прусско-патриотическими речами, а иные прямо перешли в бисмарковский лагерь. Уже в октябре 1866 г. образовалась «национал-либеральная» партия во главе с прежними вождями либералов-прогрессистов (Ласкер, Унру, историк и железнодорожный туз Зибель и др.), которая с развевающимися знаменами перешла в лагерь правительства по вопросам внешней политики, сохраняя в «лояльной» форме оппозицию в вопросах внутренней политики; вместе с большинством консерваторов, тоже образовавших особую партию, отрекшуюся от старых «потсдамских» традиций, национал-либералы на десяток лет составили парламентскую опору для самодержавия Бисмарка.

Бисмарк воспользовался этим, чтобы протянуть палате руку примирения: он заставил короля согласиться на испрошение индемнитета (снятия ответственности) по незаконному израсходованию налоговых средств на армию в течение четырех лет, и ландтаг 2 октября предоставил его большинством 230 против 76 голосов. Ландтагу предложен был также законопроект об аннексиях. Еще нашлись ораторы, которые отважились напомнить собранию историю с захватом Шлезвига и Голштинии, напомнить о том, как Бисмарк вначале будто бы искал лишь охраны национальных прав населения под датской короной, как он потом выдвигал кандидатуру Августенбургского, как затем он бросил Августенбургского и, отстранив Германский союз, поделил с Австрией управление отторженными областями, точно они были собственностью Пруссии и Австрии, как он потом устранил Австрию вводом прусских войск в Голштинию и т. д. Другие почтительно возражали против ликвидации не зависимых государств в самой Германии и, в частности, такого крупного и старинного, как Ганновер. Им всем Бисмарк вразумительно отвечал: «Сейчас речь идет об интересах Пруссии, и в этих случаях я не признаю никакого права». Он говорил и о праве «германской нации существовать, дышать и объединяться», а заодно и о «долге Пруссии создать для этой германской нации необходимый базис существования». В результате законопроект, санкционирующий все аннексии, прошел всеми голосами против 11 воздержавшихся. Пруссия стала государством с территорией в 347 100 кв. км и населением в 24 миллиона.

14. Оформление нового Союза

Одновременно шла работа по организации нового Союза под прусской гегемонией. Уже 4 августа 1866 г. Пруссия обратилась к правительствам северной Германии с приглашением вступить в новый Союз на основе ее предложений от 10 апреля. Это «приглашение» было равносильно приказу: теперь уже некому было заступаться за германских государей ни внутри Германии, ни за пределами ее. С кисло-сладкой улыбкой предложение было принято, и всего лишь через две недели, 18 августа, союзный договор был подписан шестнадцатью государствами, включая три вольных города; 21 августа к нему присоединились еще два других, через некоторое время еще трое. Договор состоял всего из шести статей. В основу его был положен старый проект Пруссии об основах конституции, детали которой еще имели быть выработаны, а затем обсуждены и утверждены учредительным пар-

ламентом, созданным на основе всеобщего избирательного права (без тайного голосования). Лишь одна, четвертая, статья уже сейчас гласила определенно, не дожидаясь выработки конституции: «Войска союзников состоят под верховным командованием короля прусского. Руководство во время войны будет урегулировано особыми соглашениями». 15 декабря 1866 г. уполномоченные от правительств, съехавшись в Берлин, приступили к обсуждению предложенного Пруссией проекта конституции. Менее чем через два месяца конституция была готова и принята союзными правительствами. Она создавала должность президента, Союзный совет и парламент (союзный рейхстаг). Президент получал обычные в конституционном государстве формальные права по утверждению или отклонению законов, принятых законодательными органами, или распоряжений, издаваемых министрами, по объявлению войны или заключению мира, по представительству за границей и т. д. Само собой разумеется, что на деле все это делалось президентом с ведома и согласия министров, которые своими подписями покрывают его ответственность. Союзный совет составлялся из министров и уполномоченных всех союзных государств, и ему присваивались функции не то общесоюзного министерства, не то второй палаты, так как важнейшие законопроекты и мероприятия либо исходили от него, либо им санкционировались до поступления на рассмотрение рейхстага или приведения в исполнение. Решения в нём принимались по большинству голосов, причём последние распределялись соответственно численности государств: одни имели больше, другие меньше голосов, а всего голосов было 43. Наконец, рейхстаг составлялся из депутатов, избираемых на основе всеобщего и прямого избирательного права сроком на три года. Он обсуждал и утверждал законы, имел право законодательной инициативы, и новые налоги могли быть взимаемы лишь с его согласия. Но это все было формальностью. На деле рейхстаг имел еще менее власти, чем прусский ландтаг: министерство не было перед ним ответственно, диет (платы) депутаты не получали, а главное, никакое его постановление не имело силы, если оно не утверждалось Союзным Советом, т. е. венчанными и невенчанными главами государств. А сверх того, особым параграфом конституция предусматривала за правительством право в особо важных случаях издавать законы, минуя все законодательные инстанции и создавая, таким образом, неприкрытую диктатуру исполнительной власти. Другими словами, союзная конституция по существу была лишь ухудшенным изданием прусской и, при всех своих формальных признаках конституционализма, остав-

ляла за правительством всю фактическую власть, а народным представителям — лишь видимость ее, еще более бледную, чем прусская. Это был, как выразился В. Либкнехт в одном из своих первых выступлений в рейхстаге 1867 г., лишь «фиговый листок деспотизма».

15. Прусская гегемония в Союзе

В конституции нового Союза была одна важная особенность. Президентом Союза назначался навсегда прусский король. Вошедший во вкус великодержавности, кронпринц очень возражал против скромного демократического звания президента, которым награждался его отец и которое предстояло носить ему самому, и хотел, чтобы глава Союза титуловался королем Германии или императором. Но Бисмарк этому воспротивился, не желая слишком ущемлять гордость других государей, которым он обещал, что в союзе германских государей король прусский будет лишь первым среди равных. На деле, конечно, президент по своему положению ничем не отличался от того, каким был бы император. Союзное министерство возглавлялось союзным канцлером, назначаемым президентом, и этим канцлером был никто иной, как председатель прусского совета министров — в данном случае Бисмарк. Он один был ответствен перед королем и не мог быть смещен никакими голосованиями рейхстага. Остальные министры были подчинены ему, являясь фактически директорами департаментов. В Союзном совете Пруссия имела 17 голосов (Саксония, например, имела 4). Это не составляло, правда, и половины всего числа голосов, но какое значение имели голоса каких-нибудь княжеств Липпе или Рейссов, или даже герцогств Мекленбургских, вся территория которых не превышала несколько сот и, самое большое, нескольких тысяч квадратных километров и население составляло сто-двести тысяч человек, по сравнению с голосом огромной, по германскому масштабу, Пруссии. Голоса эти безропотно отдавались Пруссии, а кто проявлял дух самостоятельности, платился за это тем или иным способом. В свое время, когда Пруссия сделала государям свое предложение вступить в создаваемый ею Союз, один из Рейссов вздумал «поломаться». В его владения вступили несколько рот прусских солдат, и согласие было моментально дано. После образования Союза такая процедура была бы очень зазорна, но Пруссия располагала тысячами средств, чтобы навязать свою волю. Наиболее богатая, самая сильная и обширная держава, с населением, которое вчетверо превышало население остальной части северной Германии, Пруссия за-

давала решающий тон в Союзном совете даже при меньшинстве своих голосов.

Что же касается рейхстага, то при всеобщей подаче голосов огромное преобладание Пруссии в численности населения давало ей соответствующее преобладание в числе избираемых ею депутатов. Они составляли значительно больше половины всего состава рейхстага. Таким образом, власть в Союзе фактически принадлежала Пруссии, и самый Союз с его учреждениями явился лишь прикрытием его безусловной, почти неограниченной гегемонии.

Уже тогда можно было предвидеть, что, располагая силами почти 30-миллионного населения севера Германии, будучи сама организована как первоклассная военная держава, руководимая юнкером такого решительного характера, каким был Бисмарк, Пруссия недолго останется главою одного только севера Германии. Что пред нею значили три оставшиеся за пределами нового Союза южные государства — Бавария, Вюртемберг и Баден, вместе с частью Гессен-Дармштадта (северная его часть вошла в Союз), насчитывавшие вместе около восьми миллионов, заключившие с ней уже военный союз, экономически также зависящие в большой степени от Пруссии, будучи членами Таможенного союза, и лишенные всякой опоры для своей самостоятельности, кроме статьи Пражского договора, проведеншей границу прусского Союза по реке Майну? «Линия Майна,—говорил на одном из первых заседаний вновь избранного 12 февраля 1867 г. и собравшегося 24 февраля учредительного рейхстага Микель, ганноверский депутат из бывшей «пятой (прусской) колонны» в ликвидированном королевстве и бывший революционер 1848 г.,—линия Майна не более, как призрак... Разве не было тридцати и более линий Майна в прошлом? Это лишь полустанок, где мы набираем уголь и воду и переводим дух с тем, чтобы двинуться дальше». Сам Бисмарк, который еще скрывал заключенные им договоры с южными государствами, говорил тогда же: «Что касается объединения южной и северной Германии, то я считаю его определенно обеспеченным по всем вопросам, касающимся ограждения германской земли». Он заключил свою речь знаменитым призывом: «Конституируемся как можно скорее, тогда мы сможем разрешить и этот вопрос... Нужно лишь усадить Германию в седло — она уже поедет сама».

И Германия, усаженная Бисмарком в им же уготованное ей седло, действительно поехала — куда? На это дает ответ вся последующая история Германии и ближайшим образом франко-прусская война 1870—1871 гг. Пока что учредительный парламент, в котором было 297 депутатов, из них 211

консерваторов (обоих лагерей) и национал-либералов и 52 депутата, составлявших оппозицию (либерал-прогрессисты, представители только что аннексированных государств, поляки, датчане и один социал-демократ — Бебель), большинством 230 голосов против 53 (при 14 отсутствовавших) одобрил (16 апреля 1867 г.) конституцию Северогерманского союза, и 1 июля конституция формально вступила в силу. Так был заложен фундамент «национального» объединения Германии, скрепленный гегемонией наиболее милитаристской, хищнической и реакционной германской державы, с потерей и тех жалких остатков свободы, которые еще тлели в остальных государствах. Как Бебель тогда выразился в своей первой речи, Северогерманский союз был «лишь Велико-Пруссией, окруженной вассальными государствами, и правители этих государств — ничем иным, как генерал-губернаторами прусского короля». Это было огромным поражением для всей Германии. Метод «железа и крови» отныне станет и для нее методом, с помощью которого она будет искать разрешения основных своих политических и «национальных» задач.

Часть вторая

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

Полная драматизма, насыщенная большими сражениями и политическими превратностями судьбы, приведшая к политическим последствиям первостепенной важности, семимесячная франко-прусская война 1870—1871 гг. оставила после себя глубокие следы не только в писанных анналах истории, но и в народной памяти. В истории Франции, да и Европы в целом, она имела вполне самостоятельное значение; в истории же Пруссии и Германии она явилась завершением дела, начатого Бисмарком в 1862 г., последним этапом в насильственном процессе, им задуманном и успешно проведенном: подчинении всей Германии диктатуре Пруссии под видом национального объединения. Отсюда законность и целесообразность трактовки ее на данном месте, в тесной связи с предыдущим изложением истории ее предшественницы — войны австро-прусской.

1. Связь между двумя войнами

Сам автор последней не иначе рассматривал эту новую войну, как продолжение войны 1866 г. Сейчас после Садовы, как он объясняет в своих знаменитых «Мыслях и воспоминаниях», Бисмарк «не сомневался, что то, что было завоевано в этом походе, нам придется защищать в дальнейших войнах, подобно тому, как Фридриху Великому пришлось защищать достижения первых двух Силезских войн в более жарком огне Семилетней войны». И Бисмарк уточняет: «Что французская война последует за австрийской, коренилось в самой логике истории даже в том случае, если бы мы могли уплатить императору Наполеону те мелкие расходы, которые он от нас ожидал в виде награды за свой нейтралитет». Это как будто звучит убедительно. Пруссия в своем победном шествии была остановлена Наполеоном у реки Майна; не требовала ли «логика истории», т. е. необходимость национального объединения Германии, ликвидации этого барьера? И возможно ли это было иначе, как насильственным устранением бонапартовского вето, т. е. победоносной войной с Францией?

Так Бисмарк мог аргументировать перед лицом мира, которому неизвестна была закулисная история отношений между Бисмарком и Наполеоном. Независимо от того, действительно ли Семилетняя война была оборонительной, а не начата была Фридрихом для завоевания Саксонии, мы, уже посвященные в тайны дипломатической кухни Бисмарка и его противника, не можем иначе рассматривать довод Бисмарка о неизбежности второй, оборонительной войны против Франции, как новую попытку ввести мир в заблуждение. Наполеон, который никогда не шел дальше беспомощных и скорее формальных, чем серьезных усилий получить компенсацию за свой нейтралитет, который уволил своего министра, пытавшегося придать этим усилиям некий материальный вес, и который самый размер требуемых или скорее просимых компенсаций постепенно довел до ничтожной формальности в виде очистки пруссаками ликвидируемой крепости,—этот злополучный человек был так далек от воинственных планов, что готов был бы сам платить «компенсацию», если бы его оставили в покое. Фактически бонапартовская Франция стояла в 1867—1870 гг. на грани революции, как это Бисмарк хорошо знал, и бонапартовское вето вместе с самим Бонапартом исчезло бы без всякой войны, если бы Бисмарк хотел немного подождать.

Далее. Что если бы южные государства, по примеру южных и средних государств Италии в 1860—1861 гг., сами провозгласили свое объединение с Северогерманским союзом, пошел бы Наполеон III воевать с ними или с Пруссией? В отношении Пьемонта и Италии он не посмел этого сделать, несмотря на то, что имел на своей стороне писанный договор с Кавуром, ограничивавший приобретения Пьемонта лишь северной Италией, и несмотря на то, что своим безучастием он восстанавливал против себя как могущественную клерикальную партию, на которую он опирался, так и все патриотические элементы, сопротивлявшиеся созданию единой Италии, новой соперницы на Средиземном море. Очень мало вероятно, что Наполеон повел бы себя иначе, если бы, волею ли народов или государей, три южные государства присоединились к Северогерманскому союзу: он натолкнулся бы на единодушный отпор всей Германии, на огромный взрыв национального чувства, а это были силы, которые в свое время сломали Наполеона I. «Наполеон Маленький» это отлично знал, и дело объединения севера и юга Германии обошлось бы Бисмарку не намного дороже, чем Гастейнская конвенция.

«Логика истории», диктовавшая войну с Францией, была другая: сами южные государства, народы и государи, не хо-

тели подставлять шею под прусское ярмо, и именно для того, чтобы загнать их под это ярмо, нужна была «национально-оборонительная» война. Косвенно это признавал сам Бисмарк. «Я был убежден,— проговаривается он в своих мемуарах,— что пропасть, которую различные династические и фамильные влияния и различные уклады жизни вырыли в ходе истории между югом и севером нашего отечества, не могла быть устранена более действенным способом, чем совместной национальной войной против соседа, который в течение веков являлся против нас агрессором». Более того, эту войну нужно было повести как можно скорее, пока «порыв к нашему национальному развитию, созданный в 1866 году, пока германское национальное чувство к югу от Майна, вызванное нашими военными успехами 1866 года и выразившееся в готовности южных государств вступить в союз, не остыли опять». Действительно, эффект прусских побед быстро испарялся на юге. «Антипрусское течение в южной Германии,— писал незадолго до войны 1870 г. английский дипломат из Германии,— сейчас сильнее, чем когда-либо, на моей памяти, после 1866 г., и причиной этому — вопрос о милитаризме». В Вюртемберге и Бадене оппозиция в ландтагах уже в начале 1869 г. громко нападала на своих монархов за военные конвенции, которые они заключили с Пруссией, а в Баварии она большинством 77 голосов против 62 даже провела вотум недоверия пруссофильскому кабинету Гогенлоэ и заставила его в начале 1870 г. выйти в отставку. Бисмарк серьезно опасался, что южногерманские государства могут в критический момент отказаться от своих обязательств по конвенциям, и грозил Баварии, в случае чего, поделить ее между Австрией и Северогерманским союзом. Между тем пятилетний срок конвенций истекал в 1871 г., и поэтому надо было действительно торопиться пока они еще действовали. Вот в этом именно заключалась «логика истории», а не в угрозе французской агрессии или каких-либо других обстоятельствах, не подлежащих контролю Бисмарка. Напротив, если такие обстоятельства существовали, то они диктовали совершенно другую «логику истории»: они диктовали скорее разъединение, чем объединение южных католических и полугосударств с севером, где доминировала протестантская Пруссия. Бисмарк не раз указывал даже на определенные «расовые отличия» баварцев и других южан по сравнению с пруссаками и не стеснялся язвительно называть баварцев «средним типом между австрийцем и человеком». Пресловутая логика существовала исключительно в голове Бисмарка, который, как читатель вспомнит, еще в 1864 г. готов был воевать в союзе с Австрией против Франции с

целью отнять у нее Эльзас, а сейчас определенно решил воевать с западной соседкой, подобно тому, как он восемью годами раньше решил воевать с Австрией, для того чтобы распространить власть Пруссии на юг от реки Майн и таким образом установить ее гегемонию над всей Германией. Как и тогда, задача сводилась лишь к созданию, как он говорил в приведенном выше (стр. 6) письме, «повода» в условиях «благоприятной» международной и внутренней обстановки.

2. Обстановка в Германии

Что касается внутренней обстановки, то она была полностью обеспечена. Та самая прусская буржуазия, которая в своей борьбе за гражданские и политические свободы выказала, по выражению Маркса, «невиданную трусость, нерешительность и неспособность», была теперь, «конечно, чрезвычайно восхищена ролью льва немецкого патриотизма, в которой она должна была выступить на европейской сцене». Она теперь, в учредительном рейхстаге, без боя утвердила законопроект, устанавливавший состав армии в мирное время в размере одного процента от населения и глобальную сумму расходов на нее в размере 225 талеров на человека — сроком, правда, не на десять лет, как предлагал Бисмарк, а «всего» до конца 1871 г., отказавшись, таким образом, от так горячо ею отстаивавшегося в течение пяти лет права ежегодного контроля над военным бюджетом; при этом она заранее еще согласилась оставить эти цифры в силе и после 1871 г., если правительству не заблагорассудится внести новый проект.

О духе, обуявшем тогда пруссаков, свидетельствуют многочисленные показания современников. «После Садовой,— писал *реакционный* русский публицист И. И. Липранди,— прусского немца не узнаешь: столько кичливости в нем, что равного себе не допускает». «Энтузиазм пруссаков,— писал в то же время *передовой* публицист Е. Утин,— вызванный Садовой, не знает пределов... Непримируемая гордость обуяла теперь правительство и обезумевший от побед народ. Отныне для Пруссии не было ей равных, с необыкновенным высокомерием стала она смотреть на другие народы». При таких настроениях в Пруссии можно было идти даже на агрессивную войну. Иначе, конечно, обстояло дело в других германских государствах, где воинствующий шовинизм далеко не так опьянял головы: чтобы двинуть их, нужна была война оборонительная, и в создании ее и заключалась отныне задача бисмарковской дипломатии.

3. Упадок престижа Наполеона

Международная обстановка также была неплоха. Прежде всего сама Франция Наполеона III много потеряла из того престижа, который она в глазах буржуазной Европы заработала в первые пятнадцать лет своего существования подавлением революции и народных свобод, удачными войнами в Крыму и в Италии, пышным расцветом промышленности и банков, блеском своего двора и размахом городского строительства, особенно Парижа, и смелостью своей экономической политики, перешедшей в 1860 г. к принципу свободной торговли и заключению эффектных торговых договоров с заграницей. Но уже к концу 60-х годов начался и все более резко обозначался упадок внешнего престижа, отражавший в значительной мере тот же процесс, проходивший внутри страны. Фритредерские торговые договоры создали большое недовольство среди французских промышленников, ущемленных широким ввозом из Англии и других стран. Безумные биржевые спекуляции банков, в особенности банка «Креди мобилье», крах которого разорил сотни тысяч маленьких людей, оттолкнули и мелкого буржуа от режима Наполеона III. Итальянская политика императора вызвала, как уже упоминалось, возмущение клерикалов и реакционеров типа Тьера. Многочисленные колониальные экспедиции в Китае и Индо-Китае, несмотря на свои удачи, мало интересовали публику, но стоили больших жертв деньгами и людьми и приводили к неприятному росту налогов. Катастрофическое значение получила военная интервенция в Мексике, начатая в угоду клерикалам и ростовщикам в 1861 г., продолжавшаяся (при огромной затрате средств и людей) шесть лет и закончившаяся позорным уходом французских войск из Мексики по требованию Соединенных Штатов и расстрелом от руки восставшей народной власти возведенного Наполеоном на престол и им же теперь брошенного на произвол судьбы императора Максимилиана, бывшего австрийского эрцгерцога.

Одинаково решающее значение в смысле умаления престижа императора внутри страны имела его злосчастная политика по отношению к Пруссии и вообще германским делам. Если извилистые и бессильные ходы его секретной политики и не были известны за пределами ближайших политических кругов, то результат ее — беспрепятственное и ничем не компенсированное объединение северной Германии под эгидой Пруссии, разрушение старого Германского союза, гарантированного Венскими трактатами, удаление из германской системы Австрии — этот результат был очевиден для всех

и свидетельствовал о полном банкротстве французской дипломатии, не сумевшей добиться того, что так удачно разрешила для себя маленькая Пруссия, т. е. освобождения от стеснительных договоров 1815 г. Если ко всему этому прибавить полный и всем видный разгул коррупции, карьеризма, стяжательства, патронажа и произвола, который царил во всем государственном аппарате сверху донизу, то понятен станет тот процесс дискредитации режима, который с огромной быстротой совершался во Франции и, естественно, находил отражение за границей. Напрасно Наполеон, с целью подпереть шатавшийся трон, прибегал к конституционным уступкам, предоставляя депутатам Законодательного корпуса право интерпеллировать правительство, смягчал цензуру, создавал из ренегатов «либеральные» министерства в надежде привлечь либеральные элементы на смену отходившим от него реакционным группам. Напрасно устраивал он грандиозную «всемирную» выставку, приглашая на нее всех государей и все народы и надеясь хотя бы внешним блеском прикрыть от взора иностранцев картину внутреннего разложения. Напрасно, наконец, его министры рассылали циркулярные ноты, доказывая, что германские события отнюдь не отражаются неблагоприятно на международном положении Франции и что последняя остается попрежнему великой державой. Все это было бесполезно. Либералы, а еще больше республиканцы широко пользовались своими новыми правами в палате и в прессе для того, чтобы резко критиковать и нападать на режим, в то время как реакционеры еще больше нападали на режим за его слабость и уступчивость. Иностранные же государи, хотя и посещали выставку и делали комплименты устроителям ее, все же не давались в обман, а в связи с приездом царя даже получился конфуз: во время посещения царем помещения Верховного суда республиканец Флоке, будущий министр, крикнул ему в лицо: «Да здравствует Польша!» А когда царь проезжал по улице вместе с Наполеоном, то поляк Березовский выстрелил в него из револьвера. Вместо политического апофеоза, как ожидал Наполеон, получился от выставки большой скандал. Что же касается до успокоительных циркуляров, то они вызывали лишь иронические улыбки на устах иностранных дипломатов и прямые издевательства в самой Франции.

4. Отношение держав

В этой общей картине упадка внутреннего и международного политического веса Франции были и важные конкретные моменты. Англия, конечно, очень ценила свои торговые

связи с Францией, успешно развивавшиеся на основе фритредерского торгового договора, но английской демократии и либерализму, тогда еще находившемся в полном цвету, Наполеон внушал отвращение и ненависть; в то же время консервативные элементы все более приходили в беспокойство от его колониальной деятельности, угрожавшей в Индо-Китае (Кохинхине, Камбодже), на Новой Каледонии и в Сирии собственным колониальным интересам Англии. Еще большее беспокойство внушали им неустанные усилия Наполеона выйти за пределы трактатов 1815 г. в направлении нето Рейна, нето Бельгии, угрожая в том и в другом случае стратегическим интересам Англии. Царская Россия, со своей стороны, не забыла эпизода 1863 г., и неприятные «встречи» на выставке только укрепили ее в антипатии к бонапартовской Франции. Можно было заранее предвидеть, что в случае возникновения у Франции каких-либо внешних осложнений, ни Англия, ни Россия не пошевельнут пальцем, чтобы ей помочь.

Лишь немногим лучше были отношения между Францией и Италией. Италия не более, чем Австрия, принадлежала к числу государств, которые могли удивить мир своей неблагодарностью, и услуги, оказанные ей Наполеоном по получению Ломбардии и Венеции, не могли заставить ее забыть, что он ни за что не хотел отдавать ей папского Рима, который он охранял войсками с 1849 г. от покушений итальянских патриотов. В сентябре 1864 г. он, правда, обязался конвенцией (о которой выше упоминалось) с тогдашним итальянским правительством Мингетти постепенно увести эти войска в течение двух лет, пока папа не создаст собственной армии, но, с другой стороны, Мингетти обязался не только не нападать на папские владения, но и воспрепятствовать другим (т. е. Гарибальди) нападать на них. Но уже и тогда эта конвенция вызвала такую бурю в Италии (в Турине, тогдашней столице, произошли кровавые беспорядки), что кабинет Мингетти должен был уйти в отставку, и с тех пор обида на Наполеона не утихла, хотя в конце 1866 г. он, действительно, исполнил свое обещание и увел войска из Рима. Но уже в ноябре следующего, 1867 г., эта обида вновь запылала еще более ярким пламенем. Гарибальдийцы, невзирая ни на какие конвенции, вторглись в папские владения, опрокинув новую папскую армию (фактически она состояла из переодетых французов), и уже приближались к самому Риму, когда спешно прибывшие французские войска остановили и разбили гарибальдийцев при Ментане, а затем водворились в папском порту Чивита-Веккия. Италию охватило глубочайшее волнение, усилившееся после того, как стал известен текст телеграммы, которой французский

командующий уведомил свое правительство о «победе»: «Ружье Шаспо сотворило чудеса», и когда глава французского министерства Руэр в ходе прений в палате по итальянскому вопросу воскликнул: «Никогда Италия не получит Рима, никогда Франция не потерпит такого посягательства на свою честь и свое достоинство, никогда, никогда!». Римский вопрос остро стоял между новой Италией и бонапартовской Францией и делал невозможным какое бы то ни было соглашение между ними.

Единственной державой, которая благоволила к Наполеону, была Австрия. Ни венгры, которые в 1867 г. получили полную государственную самостоятельность (австрийская империя преобразовалась в два отдельных государства, Австрию и Венгрию, сочетавшие габсбургскую монархию в «двуединую» Австро-Венгрию), ни подавно славянские народы не чувствовали никакого огорчения от вынужденного ухода монархии из Германского союза, и даже среди немецкого меньшинства немало было деятелей, больше оплакивавших потерю богатых итальянских областей, чем лишение многовекового главенства в Германии, стоившего Австрии стольких забот и неприятностей. Призванный на пост министра иностранных дел в октябре 1867 г., ставший потом канцлером, знакомый нам граф Бейст, который в качестве саксонского министра вел долгую борьбу с Пруссией, сам вынужден был считаться с этими настроениями и, при всех своих реваншистских убеждениях, не только заключил торговый договор с Пруссией и ее Таможенным союзом, но даже восстановил старое прусское шефство над разными австрийскими полками. Однако ни он, ни император не теряли надежды на благоприятную конъюнктуру, которая вырисовывалась в недалеком будущем в виде столкновения Пруссии с Францией. Уже в августе 1867 г. в Зальцбурге состоялось свидание между двумя императорами, гласным и негласным контрагентами Пруссии по Пражскому договору, на котором условлено было, что этот договор будет строго охраняться обеими сторонами, особенно в части, касающейся независимости и объединения южногерманских государств, и что при полном воздержании Франции от всякого прямого вмешательства в дела их или Германии вообще, Австрия поведет «либеральную» политику, рассчитанную на привлечение симпатий этих государств, т. е. вовлечение их в австрийскую орбиту. Для примирения венгров с таким курсом соглашение еще предусматривало, в случае возобновления русских посягательств на Дунайские княжества, все еще не успокоившиеся, несмотря на водворение там на княжеском престоле гогенцоллернского принца Карла из Зигмарингенской линии,

что Австрия займет Валахию, а Франция поддержит ее в этом даже силою оружия. Хотя соглашение в общем носило лишь устный характер, оно явилось как бы символом интимности между обеими империями.

За исключением этого австрийского фактора, международная обстановка была, таким образом, довольно благоприятна для осуществления дальнейших планов Бисмарка. Но и австрийский фактор далеко не имел для него решающего значения, поскольку его вес, как можно было предвидеть, зависел в будущем в значительной степени от венгров, имевших теперь равноправный голос с австрийскими немцами в решении судебных монархии. А про венгров Бисмарк однажды сам говорил, указывая на карту: «Вот здесь, между Карпатами и Дунаем, сидят венгры — для нас это то же самое, как если бы там сидели немцы, ибо их судьба связана с нашей, они стоят и падают вместе с нами». Это значило, что венгры, будучи заинтересованы в сохранении своего удельного веса в габсбургской монархии, будут вынуждены силою вещей поддерживать отстранение ее от германских дел и повторствовать прусской политике. Расчет, действительно, оправдался, но Бисмарк, любил действовать наверняка и, как уже было сказано, ставить ногу на «кочку» не раньше, чем он убедится в ее прочности.

5. Люксембургский вопрос

Несомненно, что и по этой причине Бисмарк дал пройти так называемому люксембургскому кризису 1867 г. без того, чтобы использовать его для решительной схватки с Наполеоном. Суть этого кризиса заключалась в том, что Наполеон, убедившись, наконец, в том, что у Бисмарка он ничего путного не выторгует, но вместе с тем, считаясь с необходимостью дать какое-то удовлетворение критикам его бесплодной до сих пор политики, вступил весной 1867 г. в переговоры с королем нидерландским на предмет покупки у него великого герцогства Люксембургского, которое по образованию Северогерманского союза отказалось вступить в него, но по-прежнему оставалось членом Таможенного союза и владением нидерландского короля. Покупать народ и его землю, может быть, и не особенно благородно, но все же лучше и безопаснее, чем завоевывать, и король, напуганный огромным ростом прусского соседа и желая заручиться помощью Франции, охотно пошел на сделку. Единственное, о чем Наполеон сейчас просил Бисмарка, это — чтобы Пруссия отказалась от дальнейшего содержания своего гарнизона в крепости Люксембург; при этом Наполеон уже не требовал никаких

дальнейших союзов или гарантий. Просьба была довольно скромной и, конечно, не могла идти в сравнение с предыдущими запросами Наполеона. Право содержания гарнизона в Люксембурге вытекало из характера последнего как крепости Германского союза, и поскольку последний прекратил свое существование, это право было погашено. Не забудем, что сам Бисмарк не раз предлагал Наполеону взять Люксембург в вознаграждение за свой нейтралитет по отношению к прусским аннексиям, и само собой разумеется, что в этом случае прусский гарнизон был бы уведен. Наконец, хотя Люксембург и входил некогда в «Священно-римскую империю немецкой нации» и даже снабдил ее четырьмя никудами не годными императорами, однако с тех пор эта область сильно «офранцузилась» и не играла никакой роли в истории германского народа. Отвлекаясь от обычных норм человеческой морали, сделка, к которой стремился Наполеон, не представляла, с точки зрения феодально-буржуазной дипломатии, ничего особенно зазорного, и Бисмарк, который проделывал вещи покрупнее, мог бы со спокойной совестью дать на нее свое согласие и благословение: она бы ему ничего не стоила, и Наполеон был бы умиротворен, и трения с Францией, которые продолжались вот уже несколько лет, прекратились бы на благо нового Северогерманского государства, которое еще очень нуждалось в мирном строительстве.

Как всегда, Бисмарк вначале дал свое принципиальное согласие, и на основании этого согласия Наполеон продолжал и довел до конца свои переговоры с нидерландским королем. Но потом Бисмарк раздумал: то ли он вообще не хотел услужить Наполеону и спасти его престиж, то ли он считал унижением для Пруссии уводить гарнизон по желанию иностранного государя, то ли, наконец (что наиболее вероятно), он задумал было затеять ссору и довести тяжбу свою с Францией до развязки — подлинные его мотивы остались неизвестными. Формально в разговорах со своим королем он ссылался на возражения Мольтке и Роона, указывавших на значение Люксембурга как операционной базы против Франции. Во всяком случае он не только стал отрекаться от своих первоначальных обещаний, но и через прессу и преданных ему депутатов инсценировал воинственную патриотическую шумиху, достигшую апогея в интерpellации, которую внесла национально-либеральная фракция в рейхстаг 1 апреля 1867 г. Еще до этого он опубликовал свои секретные военные соглашения с южными государствами, свидетельствовавшие не только о том, что Наполеон, в случае конфликта, натолкнется не на одну Пруссию, а на всю Гер-

манию, но также и о том, что пресловутая статья Пражского договора, на которую так надеялись Наполеон и Австрия, была им практически выхолощена еще до того, как самый Пражский договор был им подписан. Наполеон был взбешен и обратился к Австрии с предложением союза против Пруссии, обещая ей за это Силезию или южногерманские государства. Но Бейст, который только что условился в Зальцбурге о совместном наблюдении за точным выполнением Пражского договора, теперь сбавил и отказался под предлогом, что его император, насчитывающий у себя десять миллионов немецких подданных, не мог бы воевать за передачу иностранному государю «немецкой» земли (т. е. Люксембурга)! Но вслед за этим он сам выступил с проектом передачи этой «немецкой земли» Бельгии с тем, чтобы последняя уступила некоторую полосу своей территории Франции. На такую «антинациональную» с германской точки зрения сделку не только Франция, но, странное дело, и Пруссия согласилась; не согласился только бельгийский король, — несомненно, по наущению Англии, — и на этом проект Бейста провалился. Тогда Наполеон потребовал, по крайней мере, ухода прусских войск из Люксембурга, чтобы обеспечить хотя бы с этой стороны безопасность Франции, но и на это вполне законное пожелание Бисмарк не пошел. Атмосфера настолько накалилась как во Франции, так и в Пруссии, что война казалась неизбежной; с обеих сторон даже началась военная подготовка. Но в последнюю минуту обе стороны одумались: южные государства не обнаружили никакого энтузиазма к войне по такому жалкому поводу, австрийская позиция также не была выяснена, и Бисмарк, заставив нидерландского короля задержать свою подпись на «купчей», согласился на выдвинутый Горчаковым (в согласии с Англией) план обсудить и решить вопрос на международной конференции. Наполеон, сделав вид, что он и с самого начала только искал обеспечения французских границ, тоже пошел на путь примирения, и собравшаяся 7 мая 1867 г. в Лондоне конференция уже через четыре дня вынесла свой приговор: Люксембург остается под суверенитетом нидерландского короля, но составляет на все времена нейтральное государство под гарантией держав; прусский гарнизон уводится и крепость упраздняется. На этой основе и был подписан международный договор. Наполеон притворился, что он остался доволен, обеспечив безопасность Франции, но он уже не забыл нанесенной ему обиды. Бисмарк же стал искать лучшего предложения и лучшей обстановки, чтобы развязать войну.

6. Гогенцоллернская кандидатура на испанский престол

Этот предлог представился с совершенно неожиданной стороны. В Испании в сентябре 1868 г. была свергнута с престола и изгнана старая королева Изабелла из рода Бурбонов, и маршал Прим, вождь переворота, став в качестве премьера и военного министра диктатором и не помышляя о республике, начал искать подходящего кандидата на беспокойный испанский трон. К кому только он ни обращался — к орлеанским принцам, к итальянским, и даже к самому португальскому королю, — все с благодарностью отклоняли предлагаемую честь. Нашелся один немецкий банкир (надо полагать, агент Бисмарка), который посоветовал ему обратиться к молодому принцу Леопольду из упоминавшегося уже захудалого рода Гогенцоллерн-Зигмаринген, боковой и отдаленной ветви царствующего прусского дома, которому глава этой ветви еще в 1849 г. уступил свои владения за хорошую плату. Отец этого молодого человека, князь Антон, был одним из ближайших предшественников (в 1862 г.) Бисмарка на посту прусского премьер-министра, а старший брат был упоминавшийся выше Карл, воссевший в 1866 г. на столь же беспокойный княжеский престол Румынии. За неимением прямого «принца крови» можно, конечно, было довольствоваться и бедным родственником. В данном случае за кандидатуру говорило еще то, что принц имел и родственные французские связи, правда, также не первоклассные, но все же почтенные — с Мюратами и Богарне, т. е. родственниками Наполеона. Казалось, такая кандидатура должна была быть приемлемой как для Пруссии, так и для Франции.

Однако для последней она все же оказалась неприемлемой. Традиционная политика Франции заключалась в том, чтобы не допускать в Испании, составляющей стратегический тыл Франции, водворения сильной, а тем более иностранной власти, и со времени германского императора — он же король испанский — Карла V, правившего в XVI в. из Мадрида половиной мира, Франция вела бесчисленные войны в поддержку этой политики. Воцарение гогенцоллернского принца в Испании казалось поэтому французскому правительству опасным: оно, по его мнению, означало бы передачу прусскому королю политического влияния в Испании и напоминало бы времена Карла V. Попытки позднейших историков преуменьшить значение этой прусской кандидатуры и изображать опасения Франции преувеличенными или даже продуктом разгоряченной фантазии и чуть ли не придиркой

с целью вызвать войну с Пруссией — эти попытки также мало обоснованы, как была бы мало обоснована аналогичная критика политики Англии, неизменно относившейся с величайшей тревогой и подозрительностью к установлению влияния какой-либо великой державы в Бельгии или в Голландии. Достаточно вспомнить воинственный шум английской прессы и резкие выступления английских министров, когда в 1830 г., после бельгийской революции, французский король Луи-Филипп вздумал выдвинуть кандидатуру своего сына на вновь созданный бельгийский престол.

Уже весной 1869 г. стали носиться слухи о кандидатуре Леопольда Гогенцоллерн-Зигмарингена, и злополучный Бенедетти получил поручение запросить в Берлине, в какой мере они обоснованы. Однако на свой запрос Бенедетти получил в министерстве от помощника статс-секретаря заверение «честным словом», что такая кандидатура вовсе не выдвигалась. Слухи, действительно, на время заглохли, но через несколько месяцев возобновились.

7. Пруско-русское соглашение

За этот промежуток времени международная обстановка резко изменилась к лучшему для Бисмарка. Австро-французское свидание в Зальцбурге и неприятности, которые имел царь в Париже во время выставки, не только заставили царское правительство забыть размолвку с Пруссией в 1866 г. по вопросам о прусских аннексиях и о «революционных» мерах, к которым Пруссия прибегала тогда, но и решительно способствовали переходу его на прусскую сторону в борьбе, которая у Пруссии явно надвигалась с Францией. В марте 1868 г., беседуя с прусским посланником князем Рейссом и военнуполномоченным Швейницем о вероятности такой войны и о возможности присоединения к ней Австрии на стороне Франции, царь определенно заявил, что в случае, если Австрия осмелится на такой шаг, он не поколеблется выставить армию на ее галицийской границе. Бисмарк не преминул ухватиться за эти слова, и по его директиве Швейниц через некоторое время сам навел царя на разговор на эту тему. Успел ли царь за это время посоветоваться с Горчаковым, нам неизвестно, но он и в этот раз подтвердил свое намерение не допустить вмешательства Австрии, ни вообще какой-либо державы. Благодарный Швейниц мог только сказать, что царские слова «выражают лишь минимум того, что его король ожидает от своего друга как эквивалент за то, что он сам сделал бы в отношении России в аналогичном случае». Есть все основания думать, что в итоге этих разгово-

воров, за спиной если не обоих министров, то, по крайней мере, Горчакова, между обоими императорами через посредство военных уполномоченных была заключена весной 1868 г. конвенция, предусматривавшая взаимную помощь на тот случай, если та или другая сторона окажется под угрозой войны с двумя другими державами.

Царская дипломатия, повидимому, считала, что отныне она застрахована против повторения «крымской» коалиции. В этом она глубоко ошиблась: она не только никогда не получила «эквивалента», обещанного ей Пруссией, как «минимум», но сейчас же после победоносной войны с Францией Пруссия-Германия стала платить России такой же «неблагодарностью», какой Австрия некогда отплатила за помощь, оказанную ей царским правительством в Венгрии и в Ольмюце. Но Бисмарк мог теперь действовать, не боясь ни России, ни Австрии. Правда, облачки временами еще продолжали появляться на русском горизонте. То царь, по-родственному относясь к Дании (его сын и наследник женился на датской принцессе), вспоминал о северных шлезвигских округах, присоединенных к Пруссии, и заговаривал об обязательстве последней произвести там опрос населения; то Горчаков решительно предостерегал через германского журналиста (Луи Шнейдера), пользовавшегося особым доверием короля, против перехода Пруссией реки Майна — ибо «это вопрос, по которому Россия никогда не пойдет на компромисс, несмотря на всю свою дружбу». На царские напоминания о Шлезвиге Бисмарк либо совсем не отвечал, либо отвечал инсценировкой немецко-протестантских протестов в Остзейском (Прибалтийском) крае против ассимиляторской политики царского правительства и речами в прусском ландтаге на тему о том, что никто, кроме сторон, подписавших Пражский договор, не имеет права и не уполномочен поднимать вопрос о Шлезвиге. Что же касается демаршей русского канцлера, то Бисмарк уже по опыту в связи с расчленением Дании знал, какую цену следует придавать его предостережениям, и просто их игнорировал. И действительно, Россия дальше укоризн и предостережений не шла и ничем не нарушала ни духа, ни буквы вышеупомянутого соглашения о взаимной помощи.

8. Австрия и Наполеон

Австрия (как, впрочем, и другие державы) об этом соглашении ничего не знала, но она обладала достаточно здравым смыслом, чтобы понимать опасность, которой она себя подвергла бы со стороны России, если бы вмешалась в пред-

стоящую войну на стороне Франции. После люксембургского кризиса, отвечая на авансы Наполеона, Бейст, правда, не переставал вести разговоры с его агентами и министрами на тему о возможности сотрудничества против прусской агрессии, но из этого ничего не получилось. Вначале Наполеон предлагал сделать совместный запрос у Пруссии насчет ее явного намерения перейти за линию Майна, вслед за чем, в случае неудовлетворительного ответа, обе державы должны были выступить против нее с оружием в руках. Бейст отказался пойти по этому пути, предлагая взамен, чтобы Наполеон сделал в Берлине демарш в форме предложения приостановить свои вооружения, если Пруссия тоже разоружится. От этого Наполеон, в свою очередь, отказался, ссылаясь на прусскую систему ландвера (ополчения), которая давала ей возможность обойти прямые обязательства по разоружению. После этого стороны переговаривались насчет того, чтобы установить солидарность по всем дипломатическим вопросам, возникающим в связи с франко-прускими трениями, и не вступать в сепаратные соглашения с третьими державами, но и это довольно бесцветное пожелание Наполеона не вышло за рамки обмена мнениями. В конце концов, согласовано было, что если Россия присоединится к Пруссии, то Австрия присоединится к Франции, и, наоборот, если Пруссия присоединится к России, то Франция присоединится к Австрии,— возможности совершенно фантастические, поскольку ни Россия не имела намерения помогать Пруссии, если Австрия будет сидеть смирно, ни Пруссия не имела намерения стать на сторону России, если бы последняя, вздумав выступить на Балканах, оказалась в единоборстве с Австрией. Бейст выдумывал все эти и другие комбинации в беспокойном желании как-то использовать создавшуюся конъюнктуру и в сознании, вместе с тем, своего бессилия перед оппозицией внутри страны и русской угрозой извне. В дальнейшем он додумался до привлечения к переговорам Италии, которая могла создать опасность для австрийского южного Тироля в случае, если бы Австрия оказалась занятой в другом месте, но могла быть и полезной, если бы присоединилась к франко-австрийскому блоку, послав свою армию на помощь французам и тем освободив часть собственной армии Австрии для ограждения галицийской границы. Франция с удовольствием пошла навстречу этому плану, но когда Италия потребовала в награду за свои услуги передачи ей Рима, то встретила со стороны Наполеона решительный отказ. Сколько раз ни возобновлялись на разные лады эти переговоры, они неизменно срывались на римском вопросе.

9. Возобновление гогенцоллернской кандидатуры

Бесплодность всех этих исканий не могла оставаться секретом для Бисмарка и не укрепить его в убеждении, что международная обстановка не оставляет на данный момент желать ничего лучшего. Оттого, когда осенью 1869 г., в связи с новыми слухами о гогенцоллернской кандидатуре — принц и его отец, действительно, дали испанскому посреднику свое принципиальное согласие, — Бенедетти вновь сделал запрос относительно достоверности их, то Бисмарк сразу решил, что дело можно использовать для создания конфликта. Он на этот раз не отделался неведением, а ответил, что прусское правительство не имеет к кандидатуре никакого касательства, что она является частным делом принца и его семьи и что если прусский король и может оказаться в ней заинтересованным, то только в качестве главы гогенцоллернского дома. Но король, 73-летний старик, который уже плохо разбирался в сложных политических интригах, часто даже не осведомлялся своим канцлером и жаждал покоя, лишь в феврале 1870 г. узнал об этой злополучной кандидатуре и писал Бисмарку, что известие поразило его, как «гром с ясного неба», и что он «принципиально против нее». Но Бисмарк ему ответил, что водворение в Испании принца Леопольда будет весьма полезно для всеобщего мира, даст удовлетворение прусскому «народу» и будет ценно для самой Франции. На семейном совете, 15 марта, к которому Бисмарк был привлечен, план кандидатуры был, однако, отвергнут как королем, так и кронпринцем, и лишь на коронном совете (дело, стало быть, уже перестало носить «семейный», а приняло государственный характер) Бисмарку, при поддержке Мольтке и Роона, удалось добиться согласия короля на основании того, что принятие короны гогенцоллернским принцем есть «пруско-патриотический долг». Присутствовавший на этом совете министр Дельбрюк впоследствии, в беседе со своим племянником, известным историком Гансом Дельбрюком, сам характеризовал тогдашнее поведение Бисмарка как «провокационное». Такова была непричастность прусского правительства к этой роковой кандидатуре, и об этой непричастности и собственной незаинтересованности Бисмарк еще продолжал говорить в своих мемуарах!

Французское правительство и политические круги, конечно, не верили в непричастность прусского правительства, да это и не было так уж важно. Важно было то, что гогенцоллернский принц собирался воссесть на испанский престол. В прессе развернулась бешеная агитация против прусских намерений, и даже лидеры оппозиции, орлеанист Тьер и рес-

публиканец Гамбетта, требовали снятия кандидатуры. В ответ и прусская пресса, и прусское «общественное мнение» под диктовку Бисмарка разразились резкими протестами против иностранного вмешательства в домашние дела прусского короля, и газеты стали печатать зажигательные статьи против традиционного французского врага. Однако ни южные государства, ни иностранные правительства не разделяли прусского негодования, и последние не раз обращались к прусскому правительству с советами щадить французские национальные чувства. После некоторых колебаний сам принц Леопольд решил взять свое согласие обратно, и инцидент, казалось, пришел к концу.

Бисмарк, однако, с этим не примирился. Его агенты один за другим (среди них видную роль играл известный Лотарь Бухер, бывший революционер 1848 г. и сподвижник Маркса, перешедший на службу Бисмарка и одно время пытавшийся и Маркса сманить на это амплуа) ездили к Приму уговаривать его возобновить переговоры с Леопольдом, в то время как другие посредники старались воздействовать на самих Гогенцоллернов, чтобы заставить их все же согласиться принять испанскую корону, если она им будет вторично предложена. Нетрудно догадаться, какими доводами оперировал Бисмарк: тут фигурировали и испанская, и прусская честь, не допускающие иностранного вмешательства, и честь самого короля, которая задается отказом от однажды данного им и утвержденного согласия, и т. п. Во всяком случае, в июне 1870 г. предложение было вновь сделано и вновь принято, и 3 июля об этом было широко оповещено в печати.

10. Декларация Грамона

Париж, который несколько успокоился было, опять пришел в сильнейшее возбуждение. Ему совершенно ясно было, что возобновление кандидатуры было делом прусских рук и постольку оправдывало подозрение, что речь идет о серьезной политической интриге с целью окружения Франции. После люксембургской истории это была вторая и еще более зловещая интрига. На совете министров под председательством императора решено было дать отпор этой интриге и поручить герцогу де Грамону, министру иностранных дел, сделать в Законодательном корпусе следующее заявление: «При всем уважении к правам соседнего народа [испанского] Франция не может допустить нарушения существующего равновесия в Европе и ущемления интересов и чести Франции возведением иностранной державой одного из своих принцев на престол Карла V. Мы твердо надеемся, что это

не случится. Мы рассчитываем, в предупреждении такого случая, на мудрость германского и дружбу испанского народов. Но если бы произошло иначе, то правительство, сильное вашей поддержкой и поддержкой всей нации, без колебаний и без слабости выполнит свой долг». Есть основание думать, что в последнюю минуту император отменил это заявление, убоявшись его решительного тона, но уже было поздно, и 6 июля оно было Грамоном зачитано.

Достаточно вчитаться в эту декларацию, а главное, вспомнить, на какие провокации она служила ответом, чтобы увидеть, что она отнюдь не была столь вызывающей и «легкомысленной», как это воспринято было несведущими современниками и как это, с легкой руки более сведущих прусских историков, старались с тех пор изображать; для вящего эффекта принято даже, при цитировании ее текста, благоразумно опускать (как это делает сам Бисмарк в своих воспоминаниях) то место, где выражается твердая надежда на предупреждение конфликта и мудрость и дружбу обоих соседних народов. Самое большое, что можно против нее сказать, это то, что последняя фраза звучала двусмысленно, но и ее постарался тотчас же разъяснить глава правительства Оливье, который в своем выступлении подчеркнул, что Франция никоим образом не хочет войны; она, напротив, страстно хочет мира, но, конечно, мира почетного. Сам Грамон на следующий день просил английского посла передать в Лондон его убедительную просьбу воздействовать на голленцоллернского принца и уговорить его взять обратно свое согласие в интересах европейского мира, а двумя днями позже в том же духе обратился за посредничеством к бельгийскому королю сам император. Так выглядели «воинственные» и «провокационные» намерения, которые приписывались французскому правительству! А что касается «легкомысленности» заключительной фразы, то она состояла не столько в том, что, будучи предназначена для внутреннего употребления (Грамон отвечал на интерпелляцию, внесенную оппозиционным депутатом, она все же звучала вовне как угроза еще недавно по люксембургскому вопросу сам Бисмарк и его «общественное мнение» выступали гораздо более провокационно), сколько в том, что она, как показали дальнейшие события, не имела за собой реального оправдания. Франция и политически и в военном отношении была совершенно не подготовлена к войне. Она была изолирована в Европе, и те довольно скромные военные реформы, которые в 1868 г. старался осуществить военный министр маршал Ниель путем создания резервной армии в виде мобильной гвардии и разработки стройной системы мобилизации, снаряжения, транс-

порта и т. п., так и остались в значительной мере на бумаге. Они встретили решительное сопротивление в Законодательном корпусе, где большинство либо было пацифистски настроено, требуя разоружения в уверенности, что и другие державы не преминут последовать этому примеру, либо эгоистически не хотело брать на себя новые военные и финансовые тяготы, либо, что важнее всего, не питало доверия к бонапартовскому режиму и заподозряло его, подобно либералам прусского ландтага, в желании создать дополнительную военную силу для сохранения и усиления своего абсолютизма. Знаменателен факт, что всего за две недели до войны Законодательный корпус снизил численность ежегодного рекрутского набора на 10%, со 100 тыс. до 90 тыс. человек. Сам Лебёф, военный министр, дал на это сокращение свое согласие, как «выражение миролюбия правительства», а Оливье умиротворял беспокойное меньшинство заверениями, что нигде не видно какого-либо тревожного вопроса и что мир никогда не был более обеспечен, чем в данный момент. Ясно, что о каком бы то ни было желании вызывать войну говорить не приходится, и даже ответственность за указанное «легкомыслие» Грамона падает не столько на него, сколько на гнилой бонапартовский режим в целом. Но этого тогда еще никто не знал.

II. Эмские беседы

Это не помешало тому, чтобы декларация Грамона была основательно извращена и широко использована Бисмарком, который заставил свою прессу кричать о «пощечине, публично нанесенной Пруссии», и еще более усердно заработал через своих агентов вокруг Прима и Леопольда с тем, чтобы они остались твердыми в своих последних решениях. Иначе поступил Грамон: в поисках почетного выхода из создавшегося положения он решил обратиться к самому королю, поскольку прусское правительство открещивалось от причастности к данному делу, изображая его, как чисто семейный интерес короля. Вильгельм находился тогда на водах в Эмсе, и туда Грамон направил Бенедетти. 9 июля Бенедетти был принят королем и имел с ним первый разговор. Оказалось, что хотя король и был очень недоволен выступлением Грамона, но он отнюдь не усматривал в нем угрозы или «пощечины» Пруссии, а, ограничившись выражением своего недовольства, спокойно выслушал речи французского собеседника о тяжелом положении, которое создалось для его правительства в связи с гогенцоллернской кандидатурой, и о необходимости отказаться от нее в интересах обеих стран. В от-

вет король с чрезвычайной вежливостью разъяснил послу, что он не властен ни поощрять, ни запрещать этой кандидатуры даже с семейной точки зрения, что, во всяком случае, он лично никогда не рассматривал ее под политическим углом зрения, что ему, по совести говоря, все это дело не по вкусу, что он даже написал об этом князю Антону, отцу принца, и сейчас ждет от него ответа.

Действительно, Вильгельм на следующий же день послал в Зигмаринген одного из своих адъютантов сказать князю Антону, что он желал бы всячески избежать войны. Достоинство внимания, что и представитель Карла румынского в Париже тоже поехал в Зигмаринген с советом снять одиозную кандидатуру.

Все это было вполне удовлетворительно, но когда Бенедетти донес об этом разговоре своему шефу, тот все же остался недоволен: его стали беспокоить военные, которые боялись потерять темпы, если немцы начнут нарочно затягивать дело, чтобы успеть вооружиться. «Мы очень торопимся,— писал Грамон послу,— ибо нам нужно выиграть время в случае неудовлетворительного ответа и начать к субботе сбор нашей армии с тем, чтобы начать военные действия через две недели. Остерегайтесь,— с видимой нервозностью предупреждал он,— ответа, который предоставит принца собственному решению и отклонит всякую заинтересованность короля в его будущем».

10 июля Бенедетти встретился с королем на прогулке, и король мог только сказать, что ответа из Зигмарингена на его письмо еще не поступило. На следующий день (11 июля) Бенедетти был опять принят королем и вновь описал ему тягостное положение правительства, прося ускорить ответ. Король попросил отсрочки еще на 24 часа, намекая, что ответ принесет отказ князя от кандидатуры, каковой отказ встретит его одобрение. Это означало, что король уже знал о решении своего родственника и ждал лишь его точного уведомления. Пока что Бенедетти уже имел новую телеграмму от Грамона, который, очевидно, находился в сильнейшем волнении от каждого нового дня отсрочки. «Я говорю Вам прямо,— писал он Бенедетти,— общественное мнение крайне возбуждено, оно в огне и грозит оставить нас далеко позади, Мы должны начинать, мы только ждем Вашей депеши, чтобы призвать под знамена 300 тыс. человек, которые ждут лишь сигнала. Пишите, телеграфируйте что-нибудь определенное. Если король не прикажет принцу подать в отставку, это будет немедленная война. Через несколько дней мы будем за Рейне». Это Грамон писал со слов своего коллеги, военного министра Лебёфа, который скоро будет заверять палату, что

у него все готово «до последней пуговицы на солдатских гетрах». Но король не обманывал Бенедетти. На следующий день, 12 июля (как раз в этот день Бисмарк, приехавший в Берлин из своего поместья и уверенный в неминуемой близости войны, собирался просить у короля разрешения созвать рейхстаг и объявить мобилизацию), Мадрид получил извещение из Зигмарингена, что ввиду созданных кандидатурой принца Леопольда осложнений эта кандидатура окончательно снимается. Будучи передано в Париж, это извещение оказало там сильное впечатление: очевидно, старания Грамона и императора через Лондон и Брюссель увенчались успехом, и Оливье, прибежав в зал заседаний Законодательного корпуса, радостно поздравил друзей с мирным исходом конфликта. Вопреки всему, что позволяют себе говорить прусские историки, сам Грамон был тоже рад, но, наученный предыдущим опытом со снятием и восстановлением кандидатуры, он хотел застраховаться против повторения той же истории в будущем. Он телеграфировал Бенедетти, поручая ему добиться от короля определенного заявления, что он кандидатуры Гогенцоллернов и впредь не станет одобрять, а прусскому послу, знакомому нам барону Вертеру, предложил, чтобы король, во избежание подобных недоразумений в будущем, обменялся письмами с императором, написав ему, что, санкционируя в свое время кандидатуру Леопольда, он отнюдь не имел в виду ущемлять достоинство Франции и что ныне, подтверждая отказ принца от предложенной ему короны, он желает, чтобы все недоразумения между обоими правительствами пришли раз навсегда к концу.

Никакого злого намерения в смысле желания возобновить ссору после того, как она по существу была ликвидирована, в этих предложениях не было. При известных и доказанных интригах Бисмарка в прошлый раз, действительно, не было уверенности, что злополучная кандидатура не будет еще раз выдвинута; поскольку же прусское правительство отстранилось от всего дела с самого начала, обещание относительно будущего можно было просить только у короля, с которым и велись переговоры. По той же причине и обмен успокоительными письмами, к которому очень часто в дипломатическом обиходе прибегают, ко взаимному удовлетворению, правительства по ликвидации конфликта, можно было предложить только королю, который и раньше неоднократно обменивался письмами с Наполеоном III, особенно во время кризиса 1866 г., когда он сам униженно запрашивал у него, какую цену он хотел бы получить за свой нейтралитет. Никакого требования «извиняться» тут не было. Фактически этот документ не играл никакой роли в дни кризиса и в антифранцузской агита-

ции немецкой прессы, и только позднейшие историки, откопав его, усмотрели в нем задним числом новое оскорбление прусского величества.

12. Тринадцатое июля

Наступил «исторический» день 13 июля. Утром этого дня, во время прогулки, Бенедетти опять встретился с королем, который шел в сопровождении своего адъютанта. Между обоими, на виду у всей публики, произошел оживленный разговор. Король заметил, что он ожидаемого письма из Зигмарингена еще не получил, но оно в пути, как ему сообщили телеграммой, и он ждет его с минуты на минуту, и как только оно прибудет, он вызовет к себе посла, покажет ему письмо, и он сможет тогда телеграфировать об этом в Париж. При этом он показал ему только что полученную им утреннюю газету, где напечатана была телеграмма о снятии князем Антоном кандидатуры своего сына, прибавив, что инцидент, таким образом, благополучно разрешился. Бенедетти выразил свое удовлетворение, но, поскольку король лишь *санкционировал* отказ князя Антона, Бенедетти, имея инструкции Грамона, попросил разрешения телеграфировать в Париж, что король обещает и впредь не давать согласия на кандидатуру гогенцоллернского принца. Король отказал в таком разрешении, и несмотря на повторные просьбы посла, остался при своем решении, говоря, что не может связывать себя на все времена подобными обязательствами, а должен судить о каждом случае особо. На этом беседа окончилась.

Вернувшись к себе домой, Вильгельм через некоторое время действительно получил письмо от князя Антона, подтверждающее отказ его и сына от кандидатуры, но в промежутке, около полудня, поступило к королю донесение Вертера о его разговоре с Грамоном. В это время при короле пребывал граф Эйленбург, прусский министр внутренних дел, один из интимных друзей Бисмарка, которого последний специально послал в Эмс, чтобы контролировать действия короля. По его настоянию Вильгельм решил не вызывать к себе Бенедетти, как он последнему обещал, а послал своего адъютанта князя Радзивилла сообщить ему, что письмо, подтверждающее отказ принца Леопольда, получено и вопрос исчерпан. Но Бенедетти тем временем получил новое предписание Грамона поднять перед королем вопрос об обещаниях на будущее время. И он через адъютанта попросил, чтобы король его принял. По совету Эйленбурга, Вильгельм послал своего адъютанта обратно с ответом, что он одобряет решение Леопольда, но что больше он ничего сде-

лать не может и считает дальнейшие свидания излишними. Другими словами, Вильгельм тактично обошел вопрос, который, как он знал, собирался ему опять поставить Бенедетти, и сделал вид, что подразумевает лишь вопрос о снятии кандидатуры. Радзивилл впоследствии объяснял, что Бенедетти был удовлетворен ответом короля. Между прочим, Радзивилл намекнул Бенедетти, что король завтра уезжает в Кобленц, и он, Бенедетти, хорошо сделает, если будет на вокзале и простится с королем. Действительно, на следующий день, 14 июля, король уехал из Эмса, одновременно уехал оттуда и Бенедетти, и оба, встретившись на вокзале, обменялись рукопожатиями, причем король сказал: «До свиданья, господин посол. Вы едете в Берлин, я там буду через несколько дней, и вопрос будет обсуждаться не между нами, а между нашими правительствами». Это были очень дружественные и обнадеживающие слова, и Бенедетти мог впоследствии говорить, что в Эмсе «не было ни оскорбителя, ни оскорбленного». «При отъезде из Эмса,— записывал у себя в дневнике вышеупоминавшийся Луи Шнейдер, чтец короля, пользовавшийся его доверием,— государь еще не верил во всю серьезность положения; он даже весьма дружелюбно протянул Бенедетти руку, прощаясь с ним на вокзале. Он, таким образом, нисколько не считал своего достоинства умаленным настоятельными демаршами посла, как это думала вся Германия, когда она дала себя увлечь гневом». Это очень важное свидетельство.

13. Эмская фальшивка

Откуда же получилось неправильное представление «Германии», откуда ее «гнев», о которых говорил Луи Шнейдер? Нет никакого сомнения, что, получив донесения Бенедетти, Париж вскоре успокоился бы. Грамон явно запросил слишком много, и император, узнав, как дружелюбно отнесся Вильгельм к Бенедетти и как охотно он дал свою санкцию на уход своего родственника со сцены, обещая продолжение разговоров в Берлине, так же легко, если бы потребовалось, дезавуировал бы своего слишком энергичного министра, как он в свое время отрекся от Друэн де Люиса. В этом был убежден и сам Бисмарк, который, сидя вечером 13 июля у себя за столом со своими приятелями Рооном и Мольтке, был крайне удручен окончательным отказом Леопольда от испанского предложения. Никто из компании не в состоянии был проглотить кусок, и они сидели молча, в крайне плохом настроении. В это время Бисмарку принесли только что расшифрованную очередную телеграмму из Эмса от чиновника

министерства иностранных дел, находившегося при короле, Абекена, которая вкратце осведомляла об утреннем разговоре короля с Бенедетти, о сообщении, сделанном последнему через адъютанта относительно благополучного разрешения кризиса и об отмене предполагавшегося свидания, но вместе с тем ставила вопрос, — очевидно подсказанный Эйленбургом, — о целесообразности оглашения новых притязаний Бенедетти. Как читатель ниже увидит, эта телеграмма была составлена не очень вразумительно, излагая эпизод словами то короля, то предубежденного Абекена; последний даже не упомянул о дружественном прощании короля с Бенедетти на вокзале. Однако общий смысл телеграммы был достаточно

Абекеновский текст:

„Его величество король мне пишет: «Граф Бенедетти поймал меня на прогулке, требуя — под конец весьма настойчиво, — чтобы я уполномочил его немедленно телеграфировать, что я обязуюсь на все времена никогда не давать опять согласия, если бы Гогенцоллерны возобновили свою кандидатуру. Я отказал ему — под конец несколько сурово, — так как не следует и невозможно брать на себя подобные обязательства на вечные времена. Я ему естественно сказал, что я еще ничего не получил, и, так как он через Париж и Мадрид был осведомлен раньше меня, то он может убедиться, что мое правительство опять не имеет никакого касательства к делу». После этого его величество получил письмо от князя [князя Антона]. Так как его величество говорил графу Бенедетти, что он ждет известий от князя, то он, в связи с вышеупомянутыми требованиями, по представлению графа Эйленбурга и моему, решил больше не принимать графа Бенедетти, а лишь уведомить его через адъютанта, что его величество сейчас получил от князя подтверждение того известия, которое Бенедетти получил из Парижа, и что ему нечего больше сообщить послу. Его величество предоставляет вашему превосходительству решить, не надлежит ли немедленно сообщить нашим представителям [за границей] и в прессу о новом требовании Бенедетти и о нашем отклонении его».

Бисмарковская редакция:

«После того, как императорское правительство Франции получило от королевского правительства Испании официальное уведомление об отказе принца Гогенцоллерна, французский посол еще предъявил в Эмсе его величеству королю требование, чтобы он уполномочил его телеграфировать в Париж, что его величество король обязуется на все времена никогда не давать согласия, если бы Гогенцоллерны возобновили свою кандидатуру.

Тогда его величество

Решил не принимать второй раз французского посла и уведомил его через дежурного адъютанта,

что его величеству нечего больше сообщить послу».

ясен, чтобы, как рассказывает сам Бисмарк, повергнуть его и его гостей в еще большее уныние. Хотя в своих новых домогательствах Бенедетти получил от короля отказ, они отнюдь не ожидали, что за ним последует новый взрыв шовинизма по ту сторону Рейна или что одобрение королем ликвидации злополучной кандидатуры будет сочтено в Париже недостаточным. Дичь явно ускользнула из рук. Однако, после некоторого размышления, у всегда находчивого хозяина дома мелькнула счастливая мысль. Пользуясь правом, предоставленным ему в неосторожной заключительной фразе телеграммы, Бисмарк спросил у Мольтке, готова ли армия к немедленному выступлению, и, получив утвердительный ответ, подсел к соседнему столу и сократил телеграмму, придав ей следующий вид (для наглядности помещаем и абекеновский текст, стр. 145).

Пруско-патриотические историки не раз делали попытку доказать, что редакция, которой подверглась знаменитая телеграмма, являлась не фальсификацией ее, а лишь «сокращением». И сам Бисмарк в своих воспоминаниях говорит, что он не прибавил к абекеновскому тексту ни одного слова, а только сжал его, вычеркивая отдельные слова и строки. Странно только, что когда Бисмарк прочел своим гостям новый текст, то лица у них просияли, и Мольтке воскликнул: «Раньше это звучало как отбой, а теперь звучит как фанфары». Роон же благочестиво промолвил: «Старый бог еще жив и нас не оставит!» И все трое с аппетитом принялись за еду. Сам Бисмарк в тот вечер начертал у себя в дневнике, отмечая этот эпизод: «А ныне будет вершить бог и доброе железо!» Можно быть уверенным, что за такое «сокращение» телеграммы в любой газетной редакции автор его получил бы больно по рукам. Сам Бисмарк указывает, что эффект его редакции заключался в том, что то, что в абекеновском тексте представлялось как отдельный эпизод в переговорах, которые происходили между королем и послом и еще будут продолжаться в Берлине, в его редакции выступало не только как конец их, но и как полный и резкий разрыв. На деле эффект этим не исчерпывался. Достаточно сравнить оба текста, чтобы убедиться, как грубо и злостно была сфальсифицирована абекеновская телеграмма: опущена существенная часть об одобрении снятия гогенцоллернской кандидатуры и вместо довольно безобидного отказа короля в новой просьбе Бенедетти фигурирует обидный отказ через адъютанта принимать впредь французского посла. Не удивительно, что будучи сообщена в прессу для широкой огласки и прусским представителям при иностранных правительствах (кроме французского) для их осведомления, телеграмма в бисмарковской

редакции, действительно, произвела впечатление резкого отпора, данного королем оскорбительной назойливости француза. Много лет спустя, в 1885 г., когда с прекращением старшей герцогской линии в Брауншвейге в этом союзно-германском государстве должна была воцариться младшая линия в лице герцога Кумберлендского, старшего сына свергнутого Пруссией в 1866 г. короля Ганноверского Георга V, то Бисмарк потребовал у него, в качестве условия допущения на престол, обязательства, что он навсегда отказывается от притязаний на Ганноверскую корону, несмотря на то, что он уже давно от этих притязаний отказался. Герцог отклонил это «домогательство», и в Германии разразилась буря, но не против «назойливости» Бисмарка, а против якобы вероломных замыслов герцога; и император Вильгельм, «равный среди равных», по требованию Бисмарка, назначил в Брауншвейге регента в лице прусского принца Альбрехта, что и было утверждено прусским ландтагом. В свете этого происшедшего через 15 лет эпизода «гнев Германии» в 1870 г. по поводу дерзкого поведения Бенедетти и всеобщее одобрение грубого (якобы!) отпора Вильгельма представляются весьма назидательными. А в довершение эффекта в газеты еще пущена была версия, будто Бенедетти пытался приблизиться к королю во время прогулки последнего по аллее, а король повернулся к нему спиной! Естественно, что германская публика, как указывал Шнейдер, получила неправильное представление об эмсском эпизоде и разразилась «гневом».

14. Успех провокации

Впечатление, произведенное в Париже на следующий день, 14 июля, телеграфными сообщениями из Берлина о резком обращении прусского короля с Бенедетти, было именно такое, какого ожидал Бисмарк: Париж пришел в ярость, как — по выражению самого Бисмарка — бык от красного плаща матадора (в другой раз Бисмарк говорил о шпанской мухе). Правда, от Бенедетти парижское правительство вскоре узнало, что в действительности в Эмсе 13 июля не произошло никакого разрыва, что, напротив, кризис, созданный испанской кандидатурой, благополучно разрешился. Но это отнюдь не могло никого успокоить. Напротив, в свете подлинных фактов официально составленная в Берлине и разосланная по редакциям и за спиной французского кабинета всем иностранным правительствам лживая версия могла быть истолкована лишь как заведомая провокация, как решение создать новый и трудно примиримый конфликт. «Нам публично дали пощечину!» —

кричал Грамон, как бы повторяя прежние слова Бисмарка, и в тот день совет министров собирался три раза. На первом заседании большинство министров все же высказалось за сохранение мира; но ко второму заседанию уже была известна дополнительная версия, распространявшаяся прессой, о якобы грубой выходке короля по отношению к Бенедетти, и, несмотря на успокоительные советы, полученные от Бейста, кабинет постановил призвать запасных. Однако сам Наполеон еще стоял за мир, но вечером на него стал бешено нажимать военный министр Лебёф, опасавшийся «потерять темпы» и теперь бросивший свой портфель на пол, угрожая уходом, если не будет объявлена война, а еще более неистовствовала придворная клика во главе с самой императрицей, ярой католичкой и ненавистницей протестантской Пруссии, всегда имевшей пагубное влияние на мужа. После долгих и мучительных споров Наполеон, утомленный и больной, сдался. Третье заседание кабинета, состоявшееся в два часа ночи, приняло решение об объявлении войны, и в Законодательном корпусе, на заседании которого председатель совета министров Оливье, отвечая на критику Тьера, выступал с заверением, что идет на войну «с легким сердцем», а Лебёф распространялся о последних пуговицах на солдатских гетрах, только десять голосов (включая Тьера и Гамбетту) было подано против военных кредитов. Многие историки — и особенно французские — резко с тех пор осуждали принятие бонапартовским правительством и «парламентом» грубого и неуклюжего вызова Бисмарка, как акт безмерной глупости и как выражение их собственных воинственных намерений. Несомненно, такие намерения существовали. Было бы странно, если бы их не было после обмана в люксембургском деле и после попытки, также обманом, посадить Гогенцоллерна на испанский престол и взять таким образом Францию в клещи. Но даже при полном отсутствии воинственных вождельний, какое уважающее себя правительство могло бы пройти мимо этого нового оскорбления, нанесенного притом публично? И если бы бонапартовское правительство решилось на такое унижение и не подняло бы перчатки, какая могла быть гарантия в том, что противник вскоре не придумает новой, еще более наглой провокации? Бисмарк хотел войны любой ценой, и при решительности его характера и при изобретательности его ума за искусственными поводами дело не стало бы.

Во всяком случае данная провокация удалась на славу. Несколько лет спустя сам Бисмарк признавался друзьям, что не гогенцоллернская кандидатура сама по себе и даже не по-

следние требования Бенедетти создали «перелом в пользу войны» — «ведь все уже было уступлено и, быть может, было бы уступлено еще больше!» — а именно сфальсифицированная им эмсская телеграмма создала это чудо. И он скромно добавил: «Какое счастье, что французы тогда так далеко зашли: как трудно было бы найти опять такой благоприятный случай!». Затруднение он встретил скорее со стороны короля, который ничего не знал о его махинациях. Он не хотел возвращаться в Берлин, несмотря на отчаянные телеграммы Бисмарка, и двукратное требование отставки. Возвратившись, наконец, 14 июля вечером, король был поражен воинственными манифестациями, с которыми его встречали на пути. Он осознал неизбежность войны лишь после того, как Бисмарк, попрежнему утаивая свою роль, ознакомил его с происшествиями на заседании Законодательного корпуса. Тем не менее Вильгельм впоследствии неоднократно повторял, что Бисмарк за его спиной втянул его в войну, которой он не хотел.

Характерно, что и со стороны Франции война была формально объявлена лишь через четыре дня, 19 июля, при громких протестах со стороны рабочих организаций и таких выдающихся деятелей, как Жорж Занд, Эдгар Кинэ, Даниэль Стерн (графиня д'Агу, автор известной истории революции 1848 г.) и др., к великой радости Бисмарка. Теперь он получил свою «оборонительную» войну, которая впускает и южные государства, довершив, таким образом, «национальное» объединение в «прусской казарме» (как выразился Маркс) и даст ему возможность произвести аннексии в целях якобы стратегической безопасности Германии на будущее время против векового французского врага, а на деле для «возвеличения» Пруссии и ее короля. Еще более успешно, чем в прошлый раз, в войне с Австрией, ему удалось поставить своего противника в положение агрессора, и мир поверил ему, ибо он не был посвящен в секреты его интриг, подлогов и провокаций, крайне не любил бонапартовской Франции и, в частности, ее государя, безответственного авантюриста и шарлатана, и видел в действиях его министров только легкомысленные азартных игроков и жажду военной славы.

Один лишь человек понимал, какую вероломную роль сыграл Бисмарк во всем этом деле: это был сам князь Антон. Как много лет спустя поведал один из его друзей, прусский дипломат Радовиц, князь, уже после войны, в беседе с ним «обвинял Бисмарка в том, что он выдвинул [sic!] кандидатуру [Леопольда] и использовал ее преднамеренно и исключительно с целью создать из нее повод к войне с Францией. Он сам, князь-отец, и его сын, наследный принц, сыграли

вследствие этого ложную и глупую роль и были злостно использованы для политической цели, которая никогда не могла быть их собственной. Поэтому он и его сын снимают с себя всякую ответственность перед миром и будущими поколениями». Как бы ни изворачивались прусские историки, прошедшие бисмарковскую школу фальсификации, а от этого уничтожающего свидетельского показания им не уйти!

Впрочем, были в Пруссии еще два человека, Вильгельм Либкнехт и Август Бебель, первые социал-демократы, попавшие в первый (регулярный) Северогерманский рейхстаг, которые, не будучи посвящены в тайные ходы бисмарковской дипломатии, все же заподозривали ее бесчестность и демонстративно воздержались от голосования военных кредитов. Если они прямо не голосовали против них, как то предлагал Либкнехт, то это объяснялось их недоверием также и к Наполеону. В частности, Либкнехт уже тогда заподозрил подлог эмсской телеграммы — подлог, который стал известен всему миру лишь в 1892 г., когда преемник Бисмарка Каприви сообщил в рейхстаге подлинный текст абекеновской телеграммы. Бебель тогда признал, что Либкнехт был прав, когда предлагал голосовать против кредитов на войну, а он сам ошибался. Сам Бисмарк за месяц до этих разоблачений говорил своему доверенному журналисту Максимилиану Гардену: «Каждому, кто имел какой-нибудь опыт, легко изменять смысл без фальсификации, только путем опущения фраз. Кто-то, а я в качестве редактора эмсской телеграммы, с которой социал-демократы носятся вот уже около 20 лет, должен это знать». В остальной Германии все правительства и парламенты тоже были за войну — даже Бавария, где господствовали католики и друзья Австрии, даже Баден, где либеральный режим, несмотря на родство великогерцогского дома с королевским прусским, без особенной любви взирал на прусскую гегемонию. Только в вюртембергском ландтаге нашлись два чудака, которые голосовали против участия в войне; их голос прозвучал без отголосков.

15. Французская и прусская армии

Как низко, с моральной и политической стороны, ни расценивался в Европе бонапартовский режим, но в военной силе Франции никто не сомневался. Не сомневался долгое время и прусский генеральный штаб. Франция обладала большой кадровой армией, закаленной в многочисленных войнах — под Севастополем, в Италии, в Алжире, в Индо-Китае, в Мексике, армией, богатой опытом, вооруженной отличным ружьем

системы Шаспо, лучшим, чем прославленное прусское игольчатое, предводимой генералами, которые, не отличаясь особой гениальностью, проявили себя в многочисленных походах способными и энергичными вождями. Французская артиллерия уступала прусской. Хотя французские орудия теперь уже были нарезными, но они все еще заряжались с дула и поэтому стреляли медленнее, чем прусские. Но количественно артиллерия даже превосходила прусскую, и французские артиллеристы, как, впрочем, и все другие солдаты, отличались находчивостью, отвагой и решимостью. Кроме того, французы возлагали большие надежды на новое оружие, так называемую митральезу, предшественницу пулемета, которая своим воем должна была производить и психологический эффект на врага. Французская конница была превосходна и ни в чем не уступала прусской. Франция имела и стратегические преимущества: она могла гораздо скорее сосредоточить свои силы на рейнской границе, чем Пруссия и ее союзники, и поэтому скорее и легче проникнуть на неприятельскую территорию, чем ее противники. Слабость ее состояла в том, что у нее было мало обученных резервов, в то время как у Пруссии, благодаря системе сравнительно краткосрочной службы, они были настолько многочисленны, что она была в состоянии по истечении известного срока выставить гораздо большую армию, нежели Франция. Кроме того, в то время как в Пруссии армия мирного состава была распределена по округам, полностью организованным в смысле сосредоточения разных складов боеприпасов, продовольствия и пр., так что могла в кратчайший срок быть доведена до численности, требуемой военной обстановкой, расположение французской армии по округам диктовалось случайными признаками удобства той или другой местности, либо соображениями внутренней безопасности против революционных восстаний или иных «смут», вследствие чего склады вооружения и всякого иного снаряжения, включая и продовольствие, нередко находились в других местах, чем воинские части, которым они могли оказаться нужными. Если был человек во Франции, который сознавал все эти недостатки, то это был сам Наполеон, который внимательно читал донесения своего талантливого военного атташе в Пруссии, полковника Стофеля, и сильно поддерживал упоминавшегося выше маршала Ниеля, намеревавшегося, как было указано, создать специальную армию резервов в виде «мобильной гвардии» из лиц в возрасте от 20 до 35 лет, не служивших в регулярных войсках, и пытавшегося реорганизовать военные округа на принципе самостоятельности и самодостаточности. Но это, как мы уже го-

ворили, не удалось. В 1869 г. Ниель умер, и его реформы заглохли. Эта неудача привела к роковым последствиям.

Прусский генеральный штаб составил свой план военных действий еще в 1869 г., исходя из предположения, что французы уже через две недели после объявления войны смогут, собравши армию примерно в 150 тыс. человек, перейти Рейн и вторгнуться в южную Германию с целью отрезать ее от прусской армии, занять ее и протянуть руку австрийской, которая, возможно, вторгнется в Баварию с юга. С целью встретить эту опасность прусский план предусматривал заблаговременный уход войск южных государств из своих пределов и переброску их на север, на соединение с прусской армией, собранной также на Рейне, с тем, чтобы соединенными силами ударить во фланг или в тыл французской армии, если она перейдет Рейн, или самим его перейти и вторгнуться во Францию, если французская армия почему-либо замешкается. Французский план, действительно, состоял в том, чтобы собрать около Меца, в Лотарингии, армию в 150 тыс. человек и в Страсбурге, в Эльзасе, около 100 тысяч человек, и с этими силами вторгнуться в южную Германию, оставив третью армию на севере, около Шалона, для ограждения северо-восточной границы и Парижа.

16. Провал французского плана и первые поражения

Вся Европа прислушивалась к малейшему шороху на Рейне, ожидая каждый день перехода его французами. Но день за днем проходил, и никакого движения не было заметно. Европа недоумевала. Швейниц записывал у себя в дневнике: «Все ждали каждый день начала французского наступления: грубый вызов был бы непонятен, если бы за ним немедленно не последовало вторжения на германскую территорию». И он прибавил: «если его [вторжения] не будет до 15-го дня нашей мобилизации, то его не будет совсем». Другой компетентный наблюдатель, сэр Роберт Мориер, английский посланник в Дармштадте, также записывал: «Первые две недели были критическими, ибо французы мобилизовали и направили к границе уже 75 000 человек, которые легко могли перейти на левый берег Рейна и в южную Германию на правом его берегу, разрушить железные дороги и депо и расстроить сосредоточение германских сил на левом берегу. Стратегические условия были — и это всеми чувствовалось — всецело за французское наступление, и тогда именно я впервые услышал, как шептались зловещие слова: Эльзас и Лотарингия...»

Что же произошло? А произошло то, что Наполеон, приехав 29 июля в Мец, чтобы взять на себя главное командование для немедленного наступления, нашел всего пять корпусов и полный хаос в продовольственном и военном хозяйстве. Это, конечно, не было случайностью, а закономерным результатом не только указанных выше организационных недостатков французской армии, но и всей системы бонапартовского режима, безответственного, изъеденного коррупцией, воровством, карьеризмом и прочими добродетелями гнилой администрации. На следующий же день Наполеон отсрочил план вторжения в Германию «на неделю», а еще через день он вовсе упразднил первоначальный план дислокации, распределив мецскую и страсбургскую армии на восемь групп, растянутых по всей линии между основными их пунктами, в целях отражения наступления пруссаков на неизвестном участке.

Первая фаза кампании, если не судьба всей кампании, была предрешена. 2 августа Наполеон предпринял совершенно ненужную и бесплодную атаку на Саарбрюкен силами до двух дивизий и нашел там один батальон пехоты и два эскадрона конницы, которые быстро отошли, оставив французов стоять на мосту посреди города, без всякой цели. А через два дня немцы перешли Рейн и превосходящими силами разбили противника при Виссембурге, двумя днями позже при Верте и Шпихерне, нанеся французам большие потери в людях и захватив множество пленных и военных трофеев.

Впечатление в Париже и во всей Европе от этих первых поражений французов было потрясающее. Сообщая о них в Париж, Наполеон еще лепетал, что «все еще может быть исправлено», и малодушно хотел отвести всю свою армию на север, в Шалон, как бы предоставив немцам занять Эльзас и Лотарингию. Но против этого восстали его собственное правительство и императрица, оставшаяся регентшей на время его отсутствия, и этот план был оставлен. В конце концов, 12 августа Наполеон сдал главное командование маршалу Базену и сам уехал из Меца в Шалон. В Париже буря негодования, разразившаяся в Законодательном корпусе, смела «легкосердечного» и легкомысленного Оливье, на его место регентша посадила реакционного генерала Паликао, подвизавшегося с сомнительной славой в войне с Китаем в 50-х годах, а Лебёф ушел с поста начальника генерального штаба, на который он променял свой пост министра, и вступил в действующую армию. Все холостые и бездетные вдовцы в возрасте между 25 и 35 годами были призваны на действительную службу в армию; а тем временем новый главнокомандующий, печальный герой мексиканской кампании Базен,

получивший в свое распоряжение лучшую французскую армию, потерпел два сильных поражения при Марс-ла-Туре и Гравелотте (Сен-Прива) 16 и 18 августа соответственно и вынужден был отступить и запереться в Меце, где и был осажден.

17. Россия и Англия

Что касается Европы, то она была изумлена и, смотря по обстоятельствам, смущена или растеряна. Царь — на этот раз прямо Австрии — давал через ее посла в Петербурге предостережения против вмешательства. В Англии настроения разделились по линии партий. Наполеон, как уже упомянуто, был весьма непопулярен как среди консерваторов, так и среди либералов, и, чтобы закрепить эту непопулярность, Бисмарк через несколько дней по объявлении войны опубликовал, как выше упоминалось, в главной английской газете «Таймс», через посредство ее парижского корреспондента, известного в свое время Бловица, проект договора относительно Бельгии, который Бенедетти предлагал ему (или записал с его слов!) в 1866 г., а в одном иллюстрированном немецком журнале поместил факсимиле самого текста, писанного рукой французского посла. Дополнительно Бисмарк в циркулярной депеше изложил историю этого проекта, и хотя Наполеон через Грамона немедленно ответил из Меца, утверждая, что предложение исходило именно от Бисмарка и что он, Наполеон, отверг его, консервативное общественное мнение в Англии целиком стало на сторону Бисмарка, а либералы, включая само правительство, возглавлявшееся тогда либеральным лидером Гладстоном, скептически отнеслись к обеим сторонам и лишь воспользовались этим случаем, чтобы заставить обе воюющие стороны подписать 9 августа обязательство уважать нейтралитет как Бельгии, так и Люксембурга. Мало того, желая воспрепятствовать усилиям Наполеона привлечь на свою сторону Австрию или Италию, правительство Гладстона предложило нейтральным державам взаимно обязаться, в случае, если они захотят отказаться от своего нейтралитета, предварительно обменяться мнениями друг с другом.

Если эти меры были направлены против Наполеона, то другие меры были направлены против почти одинаково нелюбимой милитаристской Пруссии. Уже в самом начале войны Англия взяла на себя ограждение жизни и интересов французских граждан в Германии, к великой досаде Бисмарка, который собирался предложить Англии взять на себя такую же миссию в отношении германских граждан во Франции. Еще хуже было то, что правительство разрешало ан-

гнийским заводам продавать Франции оружие всякого рода и вообще военное снаряжение, ссылаясь, в ответ на все протесты Бисмарка, на английское законодательство, дающее право запрещать вывоз оружия лишь в случаях, когда покупатель находится в состоянии войны с самой Англией. Бисмарк бесновался и грозил, что Англия закладывает в сердцах германского народа громадную ненависть, которая скажется на всех будущих поколениях. Кронпринцесса прусская, урожденная английская принцесса, писала своей матери, что англичан теперь в Германии ненавидят больше, чем французов, а лорда Гранвиля, министра иностранных дел, ненавидят больше, чем Бенедетти. В военном музее города Трира сохранялось до последнего времени знамя, на котором тогда были начертаны стихи: «Ist einst gross zur See unsere Macht, Dann, stolzer England, gute Nacht» («Будем когда нибудь сильны на море, будет тогда тебе, Англия горе!»). На домогательства Бисмарка Гранвиль невозмутимо отвечал, что уступка Пруссии в вопросе о поставках оружия была бы уже не простым, а благожелательным нейтралитетом, и английские оружейники (впрочем, и американские, против действий которых Бисмарк почему-то не протестовал) продолжали доставлять Франции свой товар, зарабатывая на падающем режиме хорошие деньги.

18. Австрия и Италия

Больше всех сочувствовала Наполеону и волновалась Австрия, которая понимала, что в случае его поражения, она навсегда потеряет возможность восстановить свое прежнее положение, но вместе с тем опасалась, как бы она не потеряла еще больше, если бы в ответ на ее выступление Россия вторглась в Галицию. Еще в июне Наполеон сделал повторную попытку договориться с Веной о совместных действиях, послав туда одного из своих генералов, но австрийцы соглашались выступить лишь тогда, когда французы вторгнутся в южную Германию; от одновременного выступления они отказывались, ссылаясь на то, что для мобилизации им потребуется не менее шести недель. Другими словами, они предлагали французам обеспечить себе победу над южной Германией, и тогда, примерно через месяц, они двинутся туда же из Чехии — предложение явно ничего не стоившее. На деле за это время во Францию специально приезжал эрцгерцог Альбрехт, победитель при Кустоце, чтобы ознакомиться с состоянием французской армии. Он вынес о ней плохое впечатление. После своей известной декларации в палате 6 июля Грамон вновь обратился к Австрии за помощью, если возможно, то

военной, если нельзя, то, по крайней мере, дипломатической. На это Бейст резко ответил, намекая на игнорирование Грамоном преподанного им 13 июля «успокоительного» совета, что Австрия не позволит навязывать себе готовые решения и снимает с себя всякую ответственность за могущие произойти последствия. Тем не менее, когда война уже была объявлена, на коронном совете под председательством императора было постановлено призвать запасных и ассигновать 19 млн. крон на «ограниченную военную готовность» (в виде закупки лошадей и снаряжения), но пока что оставаться нейтральными, дабы не вызвать на сцену России, причем, однако, нейтралитет должен рассматриваться как подготовка к союзу с Наполеоном, если французы в близком будущем проникнут в южную Германию. Об этом Бейст сообщил Грамону через своего посла, прибавив, что, «оставаясь верными нашим обязательствам, мы считаем дело Франции своим собственным делом и будем в пределах возможного содействовать успеху ее оружия».

Так, зигзагами велась австрийская политика. Как выражался один австрийский историк (Сосносский), «это желание и нежелание, это хотение, но без дерзания, эти качания из стороны в сторону и вечные колебания — есть та политика, которая стала типичной для Австрии». Во всяком случае, получив последние заверения 24 июля, Грамон на совете министров счел возможным заявить, что Франция имеет в лице Австрии союзника.

Франция получила и другого «союзника» того же порядка в лице Италии. Бейст попрежнему старался ее привлечь и предлагал Наполеону, когда началась война, притти с ней к соглашению в виде отвода войск из Рима на какой-нибудь ближайший пункт на папской же территории. Но ни французская, ни итальянская сторона не пошли на этот компромисс. Италия требовала, по крайней мере, восстановления сентябрьской конвенции 1864 г., т. е. увода французских войск из Рима при обязательстве Италии не захватывать его. На это Наполеон согласился, и 2 августа Рим, действительно, был очищен французами. Это облегчило переговоры. План Бейста состоял в том, чтобы Австрия и Италия заняли позицию «вооруженного нейтралитета» с тем, чтобы примерно в середине сентября, когда положение окончательно выяснится, ультимативно потребовать у Пруссии точного выполнения Пражского договора и, в случае несомненного отказа, объявить ей войну. Италия, которая после первых французских поражений уже скептически относилась к французским перспективам, делала вид, что готова итти на соглашение в этом смысле, а тайком держала контакт с Англией на предмет

сохранения своего нейтралитета и немедленно примкнула к лиге «нейтралов», созданной Гранвилем, вследствие чего и Австрия вынуждена была дать свою подпись под этим векселем. Если верить позднейшим разоблачениям Грамона, Италия в конце концов все же согласилась на предложение Бейста, и договор в этом смысле должен был быть подписан во Флоренции 5 сентября, но к этому-де времени стала известна катастрофа, происшедшая под Седаном, и план окончательно провалился. Можно с уверенностью сказать, что он и без этого провалился бы, так как 15 сентября французские войска все равно не могли бы проникнуть на германскую территорию после первых своих поражений.

19. Седан

Седанская катастрофа, действительно, решила не только вопрос о военной помощи, которую бонапартовская Франция могла или не могла получить, но и участь ее самой. Посланный — против своей воли — из Шалона новым правительством на выручку Базена маршал Мак-Магон с армией в 90 тыс. человек был настигнут и окружен в Седане силами немцев численностью более чем в 150 тыс. человек, и 1 сентября произошло генеральное сражение, длившееся целый день и захватившее уже самый район города. Мак-Магон был ранен и выбыл из строя; его преемник Вимпфен, только что прибывший из Алжира, еще хотел продолжать бой, но вечером император, который находился при войсках, без согласования с командованием, выкинул белый флаг и послал парламентаря в прусскую ставку. Солдаты, узнав об этом, пришли в ярость, ломали свои сабли и кричали: «измена!» и Наполеон поспешил прекратить переговоры. Тем не менее на рассвете следующего дня он и вся армия численностью до 82 тыс. человек, включая раненых, со всеми генералами, сдались в плен. Император был отправлен в замок Вильгельмсхехе, близ Касселя, Мак-Магон был заперт в крепость Кенигштейн, недалеко от Дрездена. В один месяц бонапартовская держава рухнула.

Иначе и не могло быть, и все же еще десятки и больше лет спустя наиболее проникательные люди отказывались усматривать в капитуляции, совершенной по единоличному распоряжению Наполеона, акт, вынужденный исключительно военным положением, и подозревали наличие у императора и политических мотивов: считая свою игру потерянной с военной точки зрения, он рассчитывал в дальнейшем сговориться с победителями и вернуться на трон (или посадить на него своего сына) ценою уступок за счет Франции. Действительно,

Наполеон, полагаясь на свою старую дружбу с Бисмарком и королем, надеялся на почетную капитуляцию с дальнейшими переговорами о мире, о чем его генералы и старались договориться в течение ночи перед сдачей. Не исключено, что Бисмарк, чувствовавший нечто вроде симпатии к своему учителю и образцу, и согласился бы на такое завершение войны; об этом он даже не раз говорил. Но Мольтке настаивал на безусловной капитуляции, а король и придворная клика желали более чувствительного наказания Франции и даже носились с широкими планами протектората если не над всей, то, по крайней мере, над восточной и северо-восточной частью ее (как это произошло при Гитлере). Тем не менее и впоследствии, когда наступил момент решающих переговоров о мире, Бисмарк хотел и даже начал вести их с пленным Наполеоном и бывшей императрицей-регентшей, как свидетельствовал он сам в своих интимных беседах. Английский посол докладывал, что «Бисмарк весьма предпочел бы договариваться с восстановленным на троне императором Наполеоном, уступив даже в своих требованиях несколько миллиардов; он был бы тогда более уверен в своей игре и имел бы на троне Франции своего жандарма и союзника». Даже в ходе самих переговоров о мире с представителями новой власти Бисмарк часто возвращался к мысли о том, чтобы договориться с Наполеоном, а присланному к нему из Лондона Малету, старому коллеге по дипломатическому корпусу при франкфуртском Союзном сейме, он говорил, что, не встречая должной уступчивости со стороны нового французского правительства, он намерен вступить в переговоры с Наполеоном с тем, чтобы с помощью мецской армии Базена (с последним он, действительно, как увидим, вел переговоры) и 140 тыс. французских пленных восстановить его на троне. Некоторое время Бисмарк носился с мыслью предложить Наполеону созвать в Касселе свой прежний Законодательный корпус для обсуждения и утверждения условий мира, а одновременно самому созвать для этой же цели рейхстаг в Версале. Среди военных планы были еще более решительны: с помощью армии Базена и собственных армий, которые освободятся после падения Меца и Парижа, завоевать всю Францию, провозгласить Вильгельма королем ее и, по истечении некоторого срока, потребного для наведения должного «порядка» (включавшего, несомненно, и основательное ограбление страны), передать корону сыну Наполеона III. К этим прекрасным планам, между прочим, целиком присоединился и прусский принц Фридрих-Карл, командовавший второй армией. Еще в самый последний момент перед заключением предварительного мира, в феврале 1871 г., Бисмарк ждал

уполномоченного императора Клемана Дювернуа, бывшего члена правительства Паликао, чтобы с ним подписать мир. Но уполномоченный прибыл слишком поздно, и мир был подписан с Тьером. Об этом сам Бисмарк впоследствии поведал своему другу князю Гогенлоэ.

20. Падение империи и вопрос о перемирии

3 сентября правительство Паликао вынуждено было сообщить Законодательному корпусу о происшедшей под Седаном катастрофе, и, по предложению Жюль Фавра, лидера республиканской левой, император и его династия были без возражений объявлены низложенными. Орлеанист Тьер, предвзято процедура, предпринятую с большим успехом в царской Государственной думе в памятные дни февральской революции 1917 г., предложил было выделить временный комитет из депутатов Законодательного корпуса для управления Францией впредь до созыва Учредительного собрания, но был предупрежден Леоном Гамбеттой, наиболее энергичным из республиканских вождей, который в городской ратуше (Отель-де-Вилль) 4 сентября провозгласил республику. Императрица-регентша бежала в Англию, Законодательный корпус и Сенат куда-то исчезли без шума и проводов, и новое «правительство национальной обороны», включившее Гамбетту в качестве министра внутренних дел и Фавра в качестве министра иностранных дел и возглавлявшееся генералом Трошю, принявшим и портфель военного министерства, взяло в свои руки бразды правления.

Когда пруссаки вступили на французскую территорию, король Вильгельм издал манифест, заявлял, что ведет войну против французской армии, но не против французского народа. На этом основании Жюль Фавр разослал 6 сентября циркулярную депешу, в которой возлагал всю ответственность за войну на бонапартовский режим (об интригах и подлогах Бисмарка он, конечно, ничего не знал) и возвещал, что с низложением его возможен мир, конечно, почетный для Франции, без уступок какой-либо территории или «единого камня какой-либо крепости». 19 сентября Фавр, против воли Гамбетты и некоторых других министров, поехал к Бисмарку в Ла-Ферьер, но переговоры оказались бесплодными: о мире Бисмарк не хотел еще говорить, пока сам-де не договорится с военными (!), намекая, однако, на неизбежность аннексий, а перемирие готов был предоставить лишь при условии сдачи немцам либо фортов, доминирующих над Парижем, либо двух крепостей, Туля и Страсбурга, уже осаждавшихся ими. Бисмарк явно рассчитывал на полное поражение Франции в

недалеком будущем, и в тот же день, когда Фавр уехал из Ла-Ферьера, 20 сентября, немцы, которые после Седана двигались к Парижу, вступили в Версаль и начали осаду столицы.

21. Прусские планы аннексий

Война приняла новый характер. Мы видели, как уже в первые дни войны на прусской стороне стали «шептать» об Эльзасе, как желательном объекте аннексии. После Седана вся немецкая пресса, следуя команде, подняла шумную кампанию за присоединение «старых немецких земель» Эльзаса и Лотарингии, которые в будущем обеспечат Германию против исконной французской агрессии. Кампанию поддерживали профессоры в ученых трактатах, лекторы, депутаты — весь говорящий и пишущий мир Германии, в особенности Пруссии. Только рабочие, которые в массе своей раньше склонны были рассматривать войну как оборонительную со стороны Германии, теперь стали все резче и громче выступать против войны и аннексий, за французскую республику и за почетный мир с ней. За это вожди их — в частности центральный комитет молодой социалистической партии — подверглись аресту и были закованы в кандалы, а несколько позднее были заключены в тюрьму Бебель и В. Либкнехт к полному удовлетворению шовинистической буржуазии. Якобы оборонительная война становилась захватнической как раз в момент, когда «виновник» войны был свергнут и новый республиканский режим громко заявил о своем миролюбии. Уже 4 сентября английская королева Виктория телеграфировала королю Вильгельму, предлагая ему быть «великодушным» и предложить преемникам побежденного режима приемлемые для них условия. Царь также, после первых же побед пруссаков, писал Вильгельму, убеждая его, в случае окончательной победы, не диктовать Франции унижительных условий, которые создадут лишь состояние временного перемирия. С аналогичными предложениями обращалась к победителю и бывшая императрица Евгения из Англии.

Всем им последовал один и тот же ответ. О национальном родстве и исторических национальных традициях, связывающих Эльзас-Лотарингию с Германией, не говорилось в нем ни слова (сам Бисмарк насмешливо называл эти родственные притязания «темой для профессоров»), а речь шла исключительно о стратегической необходимости. Виктории король ответил, что в интересах безопасности Германии он не может быть «великодушным», а Бисмарк прибавил, что падение империи не создает никакого нового положения, и

он должен будет настаивать, правда, не на всем Эльзасе и не на всей Лотарингии, но непременно на Страсбурге и на Меце. Царю Вильгельм ответил ссылкой на «общественное мнение», которое-де требует аннексий, а бывшей императрице Евгении он писал: «Германия, которая понесла огромные жертвы для своей защиты, хочет быть уверенной, что следующая война застанет ее лучше подготовленной к отпору нападения, на которое мы можем рассчитывать, как только Франция подготовит свои силы и приобретет союзника. Единственно это печальное соображение, а не увеличение площади нашего отечества, территория которого достаточно обширна, заставляет меня настаивать на уступке территорий, не имеющей другой цели, как отодвинуть линию отправления французской армии, которая в будущем захотела бы на нас напасть». Ясно было, что война велась не против одной армии, а против всего французского народа, который изображался извечным агрессором. Через несколько месяцев Тьер, как мы увидим, предпринял путешествие по европейским столицам в поисках помощи для Франции. В Вене он встретился с известным немецким историком Ранке и спросил его, против кого, собственно, пруссаки теперь продолжают войну. Он получил утешительный ответ: «Против Людовика XIV!». Повидимому, почтенный ученый забыл (или предпочел забыть), что Людовик XIV, собственно говоря, отвоевал Эльзас (о нем и шла речь) не у немцев, а у испанцев, которым сами немцы в лице Габсбургов отдали эту «немецкую» страну по договору, заключенному в Вене накануне, как мы упоминали, Тридцатилетней войны и лишь вследствие этой войны не успевшему практически осуществиться. Со стороны Пруссии война приняла открыто завоевательный характер.

22. Национальная борьба Франции

Иной характер получила война на французской стороне. Если раньше современники, не будучи посвящены в тайны бисмарковской дипломатической кухни, а главное, враждебно относясь к Наполеону и его режиму, охотно верили в агрессивность Франции, то теперь, с установлением республики, даже они вынуждены были признать, что отныне Франция ведет войну оборонительную. Правительство, оставаясь в осажденном Париже, выделило тройку (ее официально называли делегацией) для организации новых армий. Эта тройка водворилась в г. Туре. К ней 7 октября присоединился Гамбетта, совершивший смелый полет из Парижа на воздушном шаре. Он, с помощью талантливого Фрейсинэ,

в будущем сыгравшего еще более значительную роль по воссозданию французской военной мощи (он много раз был потом военным министром и председателем совета министров), и стал фактическим создателем новых армий и новой фазы войны.

В очень короткое время были созданы четыре армии общей численностью в 600 тыс. человек, которые повели героическую борьбу против неприятеля, находя беззаветную поддержку у населения, выделявшего и многочисленные отряды партизан (так называемых «франтиреров», т. е. вольных стрелков). Война приобрела подлинно национальный характер и велась с величайшей энергией и воодушевлением. Конечно, это были уже далеко не такие обученные и закаленные войска, какими были прежние; им недоставало офицеров и опытных инструкторов, нехватало и вооружения. По признанию военных авторитетов более позднего периода, Гамбетта, который фактически являлся главнокомандующим, хотя и имел при себе несколько опытных генералов, совершил ту ошибку, что все свое внимание и весь план своих действий определил одной целью: идти на освобождение Парижа вместо того, чтобы, наоборот, уклоняться от решительных сражений с врагом, изматывать его и, только закалив молодых солдат и накопив достаточно опыта, перейти в наступление. При всем том эти армии еще вели борьбу почти пять месяцев и наносили своему противнику большие потери.

Пруссакки были в бешенстве от этого неожиданного сопротивления и уже тогда совершали те жестокости против партизан и военнопленных, производили те опустошения и грабежи сел и городов, которые в наши дни достигли таких чудовищных форм и размеров. Бисмарк был едва ли не самым ярким вдохновителем этих зверств, требовал от военных и от начальника военной полиции, пресловутого Штибера, достойного предшественника Гиммлера, самых крутых мер против «бандитов» и укрывающего их населения городов и сел и даже проектировал создание по окончании войны международного трибунала для суда над «зачинщиками», продолжателями и «преступниками» войны, франтирерами! Но Франция продолжала героически бороться, так что в последние месяцы 1870 г. Бисмарком не раз овладевала мысль, как бы это упорное сопротивление не разрушило его планов относительно аннексий, как бы оно, встреченное рукоплесканиями всех передовых кругов Европы, не заставило и правительства предложить свои, что называется, «добрые услуги» по посредничеству в пользу стороны, которую он уже считал побежденной. Об этом состоянии беспокойства в указанный момент Бисмарк рассказывает и в своих «Воспоминаниях».

23. Опасения Бисмарка

Действительно, Австрия очень волновалась и не раз делала попытки побудить те или другие правительства объединиться с нею для посредничества. Это и понятно, если вспомнить отношение Бейста к Пруссии. Однако в данный момент его заинтересованный голос мог оказаться и не вопиющим в пустыне. В самой монархии даже венгры отрицательно относились к аннексионистской политике Пруссии, и венгерский премьер Андраши говорил ее представителю, что хотя Австрии и не касается, возьмут ли пруссаки Эльзас и Лотарингию или нет, но другое дело, будет ли это целесообразно: Франция будет питать чувство реванша, и с полным обесцениением ее исчезнет держава, которая для Австрии всегда была полезна против России на востоке. Чувство беспокойства существовало и в России, где все еще неприятна была мысль о переходе Пруссии через Майн,— переходе, который символизировал бы торжество «германской идеи» и дал бы толчок к дальнейшему расширению Пруссии на немецкие и мнимонемецкие земли, как Дания, Голландия или Курляндия, т. е., между прочим, и за счет России и ее положения на Балтике (что фактически и осуществилось при Гитлере).

В Англии мнения разошлись более резко, чем прежде. В то время как мнения консервативной части общества выражались, например, в письме известного историка и «философа» Карлейля, которое он поместил в «Таймсе» в середине ноября, о том, что «наиболее радостным общественным фактом, какой когда-либо происходил в истории, является то, что благородная, глубокая и серьезная Германия будет, наконец, спаяна в единую нацию и станет царицей континента вместо пустой, тщеславной, жестикулирующей, склочной, беспокойной и излишне чувствительной Франции»,— в это время широкие демократические и просто либеральные слои общества, не говоря уже о рабочих, воспитываемых и руководимых Международным товариществом рабочих (Интернационалом), стояли всецело и решительно на стороне новой Франции и оказывали давление на правительство, как показало письмо королевы. У Бисмарка, как он сам сознается, не было уверенности даже в Италии, которая через три недели после Седана осуществила, наконец, свою заветную мечту, захватив Рим и заперев папу в его Ватиканском дворце, и, по мнению Бисмарка, могла теперь склониться к планам Бейста спасти Францию.

Насколько все эти возможности были действительно серьезны, судить сейчас трудно. Но Бисмарк не чувствовал себя уверенным и, когда осада Парижа стала, сверх ожида-

ния, затягиваться, отдаляя момент, когда французы могли бы, наконец, счесть войну потерянной и просить мира, он предпринял ряд предохранительных мер. Менее всего он опасался английской инициативы не только потому, что консервативная партия ему сочувствовала, но еще потому, что Англия тогда еще находилась в тяжелом конфликте с Соединенными Штатами по делу крейсера «Алабама»¹, и Бисмарк имел основание надеяться, что Англия не даст себя вовлечь в новый конфликт. На всякий случай он припас еще другое отвлекающее средство, которое вместе с тем было рассчитано на страховку против России.

Это было возобновление старого его предложения последней воспользоваться благоприятным моментом, когда Англия была занята спором с Америкой, а Франция была беспомощна, чтобы освободиться от черноморских статей Парижского мира. Момент, действительно, был исключительно благоприятный, и после некоторого колебания Горчаков нотой от 31 октября (ст. ст.) сообщил иностранным правительствам, что Россия больше не считает себя связанной означенными статьями, ограничивавшими ее суверенитет. Англия очень волновалась, но не встретила сочувствия у Бисмарка и должна была смириться, приняв его предложение созвать международную конференцию — не для материального восстановления «поруганного» международного права, о чем не могло быть и речи, а о его формальной реабилитации в виде подтверждения старого принципа, что международные договоры не могут аннулироваться односторонним актом той или другой стороны. На последовавшей конференции в Лондоне и был принят протокол в этом смысле, который спас лицо английского правительства и дал материальное удовлетворение царскому правительству. Бисмарк мог быть уверен, что оба правительства, столь ему обязанные, не станут теперь ставить ему палки в колеса

¹ Во время Гражданской войны в Северной Америке (1861—1865) крейсер был продан англичанами южным рабовладельческим штатам и был успешно использован последними для каперской войны против Севера. Север яростно протестовал против такого нарушения нейтралитета и по окончании войны требовал возмещения убытков, причиненных крейсером его торговле. Напрасно Гранвиль делал ссылки на пресловутое законодательство, разрешающее подобную торговлю, и приводил другие аргументы в духе тех, которыми он пользовался в спорах с Бисмарком, — Соединенные Штаты отказывались принимать их и грозили объявлением войны. Конфликт закончился лишь в 1872 г., когда Англия согласилась на третейский суд. Последний признал ее виновной и присудил к уплате крупной суммы Соединенным Штатам. В момент, о котором у нас идет сейчас речь, конфликт был еще в полном разгаре.

24. Дружба с Австрией

Между прочим, давая инструкции своему посланнику в Лондоне поддерживать позицию России, Бисмарк писал: «Пока наши отношения с Австрией не поставлены на лучшую и прочную ногу, пока в Англии еще не воспринята полностью мысль, что своего единственно ценного и надежного союзника на континенте ей надлежит искать в Германии, хорошие отношения с Россией составляют для нас величайшую ценность». Эти слова имели то значение, что одновременно Бисмарк уже начал свои исторические переговоры с Австрией, которые впоследствии привели к полному сближению и, в конце концов, к союзу между обеими державами за счет и пртив России, а в данный момент имели целью удержать австрийскую соседку от вмешательства в пользу Франции.

Уже вскоре после начала войны Бисмарк, чтобы помешать австро-итальянским переговорам о союзе, подсылал к Бейсту посредников с лестными планами о тесном единении обеих держав при гарантии целостности Австрии и о привлечении к союзу южных государств. Бейст тогда отклонил эти предложения, ссылаясь на их неавторитетность и на то, что Австрии никто не угрожает. Но после Седана Бейст обеспокоился насчет возможного реванша со стороны Пруссии за его интриги с Наполеоном и Италией и уже стал сожалеть о том, что отверг прежние авансы Бисмарка. Но последний далек был от мысли о реванше, а, обеспечив себя со стороны России, напротив, решил привлечь благоволение и Австрии. 18 декабря он поручил прусскому посланнику в Вене передать Бейсту письмо, в котором от имени Пруссии и ее южно-германских союзников он «не только из внимания к Пражскому договору», но и в соответствии с «совместным прошлым» и «настроением народов» обеих стран выразил желание создать с «могущественной и дружной соседней империей» близкие моральные и материальные отношения. На этот раз Бейст ответил в самых теплых тонах, выразив заранее признание грядущего объединения Германии и пожелание прочной дружбы с нею. В особом докладе императору он обосновал значение предложенного Бисмарком сближения между правительствами и обеими странами, и император утвердил новый курс. Так была обезврежена и Австрия. Оставалась одна Италия, но та без Австрии не двинулась бы с места, а на худой конец Бисмарк, который не постеснялся поднимать против габсбургского монарха венгров и чехов, готов был, как он признается в своих воспоминаниях, поднять против короля итальянских республиканцев, обещая им помощь деньгами и оружием!

25. Измена Базена

Однако и без этих мнимых или реальных осложнений война для Бисмарка длилась слишком долго. Пруссакки одерживали победы над новыми армиями, крепости падали одна за другой, в конце сентября уже пал Страсбург, но Париж и Мец, главные опорные пункты французского сопротивления, продолжали стоять. В Меце сидел Базен с лучшей французской армией в 200 тыс. человек, одной из последних остатков старых кадровых войск; в Париже войск было около полумиллиона. Обе крепости не только задерживали у своих стен значительные силы неприятеля, но своим сопротивлением французские армии и народ по всей стране стимулировали к борьбе. С ними нужно было как-то расправиться. С Базеном Бисмарк завязал сношения, и почва оказалась благоприятной. Базен был бонапартист и рассматривал себя и свою армию как последнюю и главную опору в деле восстановления прежнего режима, на худой конец — создания собственного режима в виде военной диктатуры. Он не признавал нового правительства и не скрывал своего презрения к нему и к республике вообще. И он повел переговоры с Бисмарком, а через посредство Бисмарка и с бывшей императрицей Евгенией на предмет такого соглашения, которое позволило бы ему выйти из Меца и во главе своих войск произвести переворот. Он имел полную возможность пробиться и выступить на помощь новым армиям, как он сам впоследствии признал на суде и как свидетельствовал позже сам Мольтке, но он предпочел сговориться с Бисмарком и заручиться его поддержкой для осуществления своих бонапартистских планов и заключения с пруссаками мира от имени Наполеона III.

Бисмарк, как мы видели, сам носился с этой мыслью, но, в конце концов, убедившись в силе поддержки, оказываемой новой властью всем французским народом, стал просто обманывать Базена, кормя его надеждами и полуобещаниями, пока не довел осажденную крепость до голода. 27 октября Базен позорно капитулировал со своими генералами (включая маршала Канробера, генерала Леффло и других) и всей армией и огромным количеством снаряжения и оружия, и Мец, ключ к Лотарингии, был захвачен пруссаками. В 1873 г. над преступным маршалом состоялся военный суд, на котором раскрылась вся бездна измены и подлости, сделанных им. Он был осужден на смерть, но по ходатайству самого суда, возглавлявшегося орлеанистом, герцогом Омальским, был помилован и даже без церемонии лишения военного звания заключен в тюрьму сроком на двадцать лет, но «бежал» оттуда в Испанию, где умер в голоде и нищете. Этот эпизод

долго жил в памяти французского народа, пока его не затмили предательства Петэна и Лавалля в наши дни, но и тогда уже, по получении известия о капитуляции Меца, парижские рабочие, и без того не доверявшие правительству Трошю, отклонявшему их требования о новых выборах, во главе с Флурансом и Бланки восстали, арестовали некоторых членов правительства и провозгласили Коммуну. Однако они вскоре были разбиты, и, пользуясь испугом мелкой буржуазии, правительство поспешило провести в городе плебисцит, получив свыше полумиллиона голосов против 60 тысяч.

26. Перемирие и сдача Парижа

Париж, однако, продолжал сопротивляться пруссакам, и пока он стоял, война не могла притти к концу. Чтобы сломить его сопротивление, немцы 27 декабря начали бомбардировать его — акт, который тогда вызвал всеобщее возмущение в Европе, еще не освоившейся с прусскими методами ведения войны. Но Париж продолжал борьбу, совершал вылазки, и, несмотря на надвинувшийся голод, еще месяц упорно не хотел сдаваться. Однако и там не все было благополучно. Вылазки производились очень вяло, часто с совершенно недостаточными силами и оканчивались неудачами. «Все сообщения из Парижа,— писал тогда Энгельс,— единогласно приписывают недостаток успехов отсутствию доверия у солдат к высшему командованию. И это правильно. Мы не должны забывать, что Трошю — орлеанист и, как таковой, боится, как огня, Лавалета, Бельвиля и других «революционных» кварталов Парижа. Он боится их больше, чем пруссаков. Это не просто предположение или вывод. Мы знаем это из источника, не вызывающего сомнения, из посланного из Парижа письма члена правительства, в котором указывается, что Трошю понуждали со всех сторон к энергичному наступлению, но что он неизменно отказывался, так как подобный шаг мог бы передать Париж в руки «демагогов». История подтвердила этот приговор: обладая силами, вдвое превосходящими силы противника, Трошю, не будучи вполне Базеном, искал возможности скорее окончить войну, поднимавшую все выше и выше народные массы, и делал мнимые вылазки только из боязни парижских рабочих.

19 января 1871 г. Париж сделал последнюю вылазку, которая была отбита, и правительство решило искать мира. Неприятель занимал лишь одну треть французской территории, и под его властью находилось меньше одной трети французского населения. Морские пути были всецело в распоряжении правительства, которое могло, таким образом, бес-

препятственно получать вооружение из других стран. За рекой Луарой местность была почти идеальной для обороны, и в лагерях у Гамбетты обучалось не менее 250 тыс. человек. Положение, таким образом, отнюдь не было безнадежным, как правильно указывал Энгельс. Но буржуазия, задетая в своих материальных интересах, и реакционные слои «высших» классов устали от войны, опасались дальнейшей мобилизации народных масс, и такие люди, как Тьер, советовали заключить мир даже ценой уступки Эльзаса и Лотарингии еще тогда, когда Фавр в первый раз договаривался с Бисмарком. Тот же Тьер вскоре после падения Наполеона предпринял турне по европейским столицам, чтобы искать помощи, но повсюду встречал лишь добрый прием и выражение сочувствия и советы... не мешкать с заключением мира.

В Петербурге, конечно, его искания тоже оказались напрасными; там ему также посоветовали заключить мир, но, вместе с тем, обещали дипломатическую помощь в целях ограждения Франции от территориальных амputаций и чрезмерных контрибуций. При посредничестве русского посла в Берлине ему даже достали пропуск на проезд через прусские линии для того, чтобы он мог вернуться домой и получить полномочия на ведение мирных переговоров. Он действительно получил тогда полномочия от правительства, которое только что подавило восстание в Париже, вызванное отчасти и слухами о предстоящей миссии Тьера. В конце октября Тьер и поехал в прусскую главную квартиру, которая тогда была уже расположена в Версале. Там, в первых числах ноября, он имел три беседы с Бисмарком, которые, однако, ни к чему не привели: Бисмарк отказал в просьбе разрешить на время перемирия подвоз продовольствия в Париж, а кроме того потребовал передачи пруссакам двух — трех парижских фортов. Он также дал понять, что при заключении мира он потребует уступки Эльзаса и Лотарингии. Тьер был тогда отозван Жюлем Фавром. Теперь, в январе, однако, речь шла только о перемирии на срок, необходимый для выборов в Национальное собрание, которое правительство считало нужным созвать, чтобы снять с себя ответственность за эвентуальное принятие невыгодного мира. Впрочем, Гамбетта долго сопротивлялся этому плану, предвидя, что выборы дадут большинство, настроенное против продолжения войны.

23 января тот же Жюль Фавр вновь поехал к Бисмарку в Версаль, и там после пятидневных переговоров было 28 января подписано перемирие ценою капитуляции Парижа, сдачи всех его фортов и всего оружия (кроме пушек, принадлежавших Национальной гвардии и сыгравших через полтора месяца существенную роль в рождении Парижской Коммуны) и

перехода всего гарнизона на положение военнопленных. Это были тяжелые условия, и Гамбетта, когда узнал о них в Бордо, где он находился, не сразу хотел их признать. В конце концов он согласился, надеясь использовать предоставленные перемирием три недели для дальнейшего укрепления армии и осуществления некоторых других мер. Совершенно естественно было с его стороны, как министра внутренних дел (с некоторого времени он был и военным министром), издать распоряжение, лишавшее избирательного права в Национальное собрание всех лиц, как или иначе связанных с бонапартовским режимом. Но Бисмарк, узнав об этом, запротестовал, и правительство Трошю — Фавра малодушно подчинилось этому неслыханному акту вмешательства и отменило распоряжение Гамбетты. Гамбетта тогда подал в отставку, и Франция лишилась единственного человека, который готов был и мог вести ее к дальнейшей борьбе. 30 января парижские форты были уже заняты пруссаками, а через два дня на Францию обрушился последний военный удар в виде перехода другого сомнительного генерала, Бурбаки, с последними остатками старой армии в 85 тыс. человек, будто бы доведенных поражениями и голодом до крайности, на швейцарскую территорию, где они сложили оружие. По настоянию Фавра, рассчитывавшего на возможность сопротивления в дальнейшем, эта армия была исключена из статьи о приостановке военных действий, и Франция жестоко поплатилась за эту ошибку.

27. Предварительный мир

С потерей этой армии и уходом Гамбетты о продолжении сопротивления не могло уже, действительно, быть речи. Выборы в Национальное собрание состоялись 8 февраля и дали реакционное большинство, стоявшее за мир. Это были в основном ставленники кулацкого крестьянства, орлеанисты и легитимисты (сторонники Бурбонов), ненавидевшие республику, боявшиеся рабочих, социалистов и республиканцев-гамбеттистов и жаждавшие покончить с войной любой ценой. В ряде мест это даже были бонапартисты, а в оккупированных немцами областях — лица, сотрудничавшие с ними, т. е. по новейшей номенклатуре «коллорабационисты». 12 февраля Собрание открылось в Бордо, правительство Национальной обороны подало в отставку и главою нового правительства был назначен Тьер.

Получив должные полномочия от Собрания, Тьер поехал в Версаль договариваться о мире. Торг был упорный. Конечно, всем было известно, что победители потребуют Эльзаса и Лотарингии и возложат на Францию большую контрибуцию.

Бисмарк определил последнюю в шесть миллиардов франков (около двух миллиардов четырехсот миллионов золотых рублей). С потерей Эльзаса, политически ассимилированного, но все же сохранившего немецкий диалект, французская сторона готова была помириться, но потерять вполне французскую Лотарингию, и в частности ее крепость Мец, было ей страшно. Еще в конце января Горчаков, выполняя, очевидно, данное Тьеру обещание, написал Бисмарку, советуя вместо Лотарингии и Меца взять Люксембург. Бисмарк принципиально ничего не имел против этого. «Если,— говорил он в интимном кругу,— они [французы] дадут нам миллиардом больше, то им, пожалуй, можно будет оставить Мец. Мы потратили бы тогда 800 000 000 на постройку крепости несколькими милями дальше назад... и при том у нас осталось бы еще 200 000 000 барыша. Я,— объяснял он,— совсем не хочу иметь в нашем доме столько французов, да еще таких, которые не хотят в нем жить». Он и пробовал поднять перед Тьером вопрос: не присоединить ли Люксембург вместо Меца, но на это Тьер не соглашался, считая, повидимому, Люксембург еще более открытой во Францию дверью, чем Мец. Тогда Бисмарк безоговорочно потребовал Меца, так как на этом настаивали военные. «Он [Бисмарк],— записывал у себя в дневнике кронпринц,— признался мне, что обстоятельство, которое, главным образом, побудило его настаивать на получении этого укрепленного пункта, было сильное опасение, что ему придется перед нашими военными оправдываться в уступке Меца». Еще много лет спустя, в 1879 г., Бисмарк оправдывался перед французским послом, говоря, что он враг всяких территориальных ампутаций, что история неизменно заставляет раскаиваться в них и что он присоединил Мец и часть Лотарингии под нажимом Вильгельма и военных, которые этим-де «совершили величайшую политическую ошибку».

Все это звучало бы весьма правдоподобно, если бы мы не знали, как умел Бисмарк бороться с алчными аппетитами своего повелителя и военных людей и как рано он сам заговорил об аннексиях. Если бы Бисмарк, действительно, хотел мира и не хотел оставлять, как он выразился в 1866 г., после Садовы, жала реванша в груди побежденного противника, то он не производил бы аннексии, по крайней мере, Лотарингии. Но именно этого Бисмарк не хотел. Помимо того, что Лотарингия была богата железной рудой (что оставшаяся за французами часть ее была еще богаче ею, тогда еще не знали) и что к военным экспертам присоединились еще и экономические, к которым Бисмарк также чутко прислушивал-

ся,—помимо этого, он вообще не хотел мира, не хотел создавать для своей военно-юнкерской касты такого положения, при котором она лишилась бы удобного предлога сохранять свое господствующее место в прусско-германском государстве. На это уже указывал сейчас после Седана, как только зашумели о необходимости аннексий в стратегических интересах Германии, никто иной, как Маркс, который в известном письме к Брауншвейгскому комитету партии писал 4 сентября 1870 г.: «Военная камарилья, профессура, бюргерство и трактирные политики утверждают, что это [захват Эльзаса и Лотарингии] есть средство оградить Германию от войны с Францией. Наоборот, это вернейший способ превратить эту войну в европейскую институцию. Это, действительно, наилучшее средство увековечить в обновленной Германии военный деспотизм как необходимое условие господства над Эльзасом и Лотарингией, этой западной Польшей... Это безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие, пока Франция не окрепнет настолько, чтобы потребовать отнятую у нее территорию обратно». История оправдала каждое слово этого замечательного прогноза. Действительно, не успела война закончиться, как был внесен в рейхстаг и быстро проведен акт, продливший действие военного закона 1867 г. сроком еще на три года и зафиксировавший состав армии в мирное время в той же пропорции, в размере 401 600 человек; сам Мольтке тогда заявил что «то, что мы завоевали в войне, нам придется отстаивать с оружием в руках в течение пятидесяти лет». Это был благовест для прусско-юнкерской касты, которая могла теперь рассчитывать на дальнейшее господство.

Тьер, который хотел поскорее покончить с войной и, по свидетельству самого Бисмарка, не отличался большой стойкостью, легко поддался угрозе, что иначе переговоры начнутся с пленным императором, и только сумел отторговать один миллиард. Бисмарк требовал еще и крепости Бельфор, но это было только для «запроса». Он отказался от Бельфора, получив взамен право ввести прусские войска в Париж и содержать их там вплоть до ратификации договора Национальным собранием. На этих основах 26 февраля 1871 г. был подписан в Версале прелиминарный мир. Франция уступала Эльзас и часть Лотарингии и платила 5 миллиардов франков контрибуции.

28. Парижская Коммуна и Франкфуртский мир

Многочисленные финансовые вопросы и другие детали еще долго разрабатывались в комиссиях, заседавших в

Брюсселе. Эти переговоры сильно осложнились вследствие мартовского восстания парижского народа, приведшего к установлению власти Парижской Коммуны. Из соображений внутренней политики Бисмарк отнюдь не был недоволен этим неожиданным эпизодом. «Ни от одного внимательного наблюдателя,— писал он год спустя своему послу в Париж,— не могло ускользнуть, как силен и в каких массовых размерах происходил тогда и еще сейчас происходит в Германии отход от красного к умеренно-либеральному, от либерально-умеренного к консервативному умонстроению, от доктринерской оппозиции — к чувству заинтересованности в государстве и ответственности за него с того времени, как был сделан перед глазами Европы этот наглядный опыт с Коммуной. Франция,— продолжал он,— явила с пользой устрашающий пример, и если бы она разыграла перед Европой еще один акт сорванной драмы Коммуны, чего я из человеколюбия не хотел бы, то она еще сильнее способствовала бы демонстрации благ монархического строя и приверженности к монархическим учреждениям в Германии». Этот взгляд относительно пользы, какую реакционные классы могут извлечь из Коммуны, принадлежал не одному Бисмарку, и в частности германская буржуазия, и без того трусливая, действительно бросилась в объятия монархии. Беда была только в том, что Коммуна подрывала кредитоспособность тьеровского правительства и мешала ему выполнять ряд своих финансовых обязательств по отношению к победителю, а это выводило последнего из терпения. Бисмарку очень хотелось поскорее закончить переговоры и заключить окончательный мир ввиду крайней нужды в деньгах. Выпущенный правительством военный заем в 120 млн. талеров из 5% по цене 88 за 100 потерпел крах, потому что высокопатриотические германские капиталисты подписались всего на 68 млн., а ресурсы привлеченного к делу военного финансирования банкирского дома Блейхредера все же были недостаточны. Напрасно Бисмарк предлагал Тьеру свои услуги по подавлению Коммуны посредством усиленной голодной блокады и, если понадобится, то и штурмом при помощи немецких войск; на такую, слишком уж явную солидаризацию с врагом Тьер, из боязни компрометации, не решился идти и лишь просил вернуть из плена пару сотен тысяч военнопленных, с помощью которых он рассчитывал справиться с «бунтовщиками». На это предложение Бисмарк, в свою очередь, долго не соглашался, опасаясь, как бы правительство Тьера не воспользовалось подобным усилением французской армии для того, чтобы отторговать у него новые уступки или возобновить борьбу. В конце концов, однако, чтобы получить обещанные после восстанов-

ления «порядка» полмиллиарда, Бисмарк передал Тьеру 80 тыс. военнопленных, а затем довел число их до 130 тыс.

Лишь через три месяца, 10 мая, был подписан окончательный мир во Франкфурте, подтвердивший и еще более осложнивший для французов основные положения версальских прелиминариев. В противоположность прусско-германским «патриотам» французы во много раз перекрыли подписку на выпущенные правительством огромные займы для уплаты победителю контрибуции в пять миллиардов. Контрибуция была полностью уплачена в течение двух лет вместо предусмотренных договором трех лет, и 16 сентября 1873 г. последние части прусских войск, пребывавших на французской территории, перешли обратно границу под начальством знакомого нам генерала Мантейфеля.

29. Объединение Германии

Так окончилась вторая (не считая датской) война, задуманная и успешно проведенная Бисмарком для создания могущества Пруссии. Уже сейчас после Седана им начаты были переговоры с оставшимися без малейших перспектив на чью-либо помощь южными государствами на предмет присоединения их к Северо-германскому союзу. Очень не хотелось им итти под прусское ярмо. Бавария выдвигала различные требования в целях гарантии своей самостоятельности; в Вюртемберге министерство предпочло уйти в отставку, чтобы не приложить руки к предложенному договору. Первыми сдались Гессен-Дармштадт, северная половина которого уже все равно входила в Северо-германский союз, и Баден, великий герцог которого, как упоминалось, был женат на дочери прусского короля. Бавария и Вюртемберг со скрежетом зубным присоединились позже, получив кой-какие формальные уступки: небольшую военную автономию в мирное время, особое управление железными дорогами и почтой, а Бавария, кроме того, еще председательство от имени всех южных государств на комиссии Союзного совета (Бундесрата) по иностранным делам. В конце ноября все договоры были подписаны, и Германия, наконец, была объединена в виде союза 22 монархий и трех вольных городов, да еще «имперской земли» Эльзас-Лотарингии,— на основе, во всем существенном схожей с конституцией Северо-германского союза. «Народ» был представлен в избираемом на основе всеобщей подачи голосов рейхстаге; правительства имели свой орган в Союзном совете, а во главе Союза стал на этот раз «германский император». Рейхстаг имел не больше власти, чем прежний, северо-германский; он мог обсуждать, критиковать, интрепеллировать,

даже вносить свои предложения, и без его санкции не могли назначаться новые налоги, ни утверждаться бюджет, но депутаты не получали диет (содержания) и министры не были ответственны перед ним, так что правительства могли его игнорировать. Впрочем, и сами депутаты из юнкерства и буржуазии не чувствовали большой потребности перечить правительству. Гораздо большее значение имел Союзный совет: он выражал волю объединенных государей и их министров и являлся истинным носителем государственной власти в Германии.

С титулом императора происходила долгая комедия. Вильгельм, которому досталась честь носить его, весьма неохотно менял на него свой старый «почтенный» титул короля прусского, который не раз в старые времена притязал на равенство даже с титулом императора. Согласившись, наконец, на такое умаление своего «достоинства», Вильгельм ударился в другую крайность и захотел называться императором Германии или императором германцев, в то время как Бисмарк настаивал на титуле германского императора. Напрасно он указывал королю, что титул «император Германии» оскорбит других германских государей, которые почувствуют себя сниженными в ранге, а титул «император германцев» заденет австрийского императора, располагающего десятью миллионами немецких верноподданных,— Вильгельм не сдавался ни на какие доводы. А когда 18 января 1871 г. в Версале, в главной прусской квартире, в присутствии монархов, министров и генералов устроено было торжественное провозглашение империи и великий герцог Баденский, на долю которого, как родственника, выпала честь произнести поздравительную речь, обошел щекотливый пункт, употребив выражение: «император Вильгельм», то Вильгельм был так обозлен на Бисмарка, навязавшего ему новый титул, что, прощаясь со всеми присутствовавшими, он прошел мимо него, не кивнув даже головой.

Характер такого провозглашения империи справедливо заслужил осуждение и насмешки иностранцев, да и всех серьезных людей в самой Германии. Уже один выбор места для совершения такого крупного акта в истории германского народа — на чужой территории — только для того, чтобы досадить побежденному, воспринят был как недостойный, антинациональный и антипатриотический акт опьяненного успехом выскочки. Совершенной безвкусицей была устроенная на правительственном столе рейхстага выставка, в назидание почтенным депутатам от «народа», новенькой императорской короны в порядке своего рода политического верниссажа; комична и жалка была роль самих этих пред-

ставителей «народа», которые, одобрив преобразование Северо-германского союза в империю во главе с прусским королем в сане императора, послали в Версаль тщательно отобранную политической полицией депутацию для поднесения соответствующего адреса. Депутацию не хотели было даже принимать. «Что этим людям (Kerls) нужно?» — спрашивали придворные; потом все же приняли, но на самую церемонию не допустили: от имени ее фигурировал в Зеркальном зале Версальского дворца политический обер-шпион Штибер, сопровождавший депутацию и не спускавший с нее глаз с самого момента отъезда ее из Берлина. «Я был единственный представитель штатской части германского народа», — иронически писал он впоследствии в своих воспоминаниях. А возглавлял злополучную депутацию от «народа» сам президент рейхстага д-р Симсон, тот самый, который некогда возил депутацию франкфуртского Национального собрания в Берлин, чтобы предлагать прусскому королю императорскую корону, и получил грубый отказ.

30. Прусская гегемония

Одно было серьезно в этой комедии: Пруссия стала теперь во главе всей Германии. Прусский король стал императором; его первый министр Бисмарк (возведенный теперь в княжеское «достоинство») стал имперским канцлером; в Союзном совете Пруссия получила, правда, всего 19 голосов из 58, но эти голоса весили больше, чем 24 голоса мелких государств и вольных городов. Когда в 1880 г. на Союзном совете по сравнительно небольшому вопросу о штемпельном налоге Пруссия — вместе, правда, с Баварией и Саксонией — была побита 30 голосами против 28, то это было воспринято Бисмарком как «насилие 7½ миллионов над 30 миллионами», и под угрозой его отставки кайзер вынужден был потребовать у своих коллег такого изменения в порядке «процедуры» на Совете, которое сделало бы такие «нелепости» невозможными в будущем. И предложение было принято единодушно! А кроме того, Пруссии принадлежало председательство в важнейших комиссиях Совета: военной, политической, финансовой и т. д. В рейхстаге из 397 мандатов ей принадлежало 236. Эльзас и Лотарингия, которые Пруссия намеревалась было целиком присоединить к себе, но на отдельные части которых притязала и Бавария, были напоследок объединены в одну область Эльзас-Лотарингию, присоединенную к империи в целом. Эта область, «имперская земля», должна была служить как бы символом и залогом нового германского единства, созданного совместными усилиями и жертвами всех государств. На деле же она являлась прусской аннексией:

она не имела своего представителя в Союзном совете и управлялась наместником, назначаемым имперским канцлером, т. е. прусским премьер-министром, от имени императора, т. е. прусского короля. Другими словами, она управлялась как любая прусская провинция с тем лишь приятным дополнением, что она находилась на военном положении.

Это прусское преобладание делало всю Германскую империю иллюзорной. Как выражался Маркс, «единство Германии» было лишь «маской для прусского деспотизма». Как «маску», под которой едва скрыто было лицо Пруссии, понимали новую Германскую империю даже некоторые буржуазные германские и иностранные историки и публицисты. «В историко-политическом смысле,— говорит германский историк Файт Валентин,— творение Бисмарка — это Велико-пруссия, связанная с более или менее ослабленными и более или менее пощаженными средними государствами». Сын князя Хлодвиг Гогенлоэ, высокого германского сановника, друга Бисмарка и в дальнейшем преемника его, принц Александр Гогенлоэ в своих вышедших в 1925 г. мемуарах тоже писал: «Хотя он [Бисмарк] стоял далеко выше своих собратьев по сословию юнкеров, и даже часто вступал с ними в борьбу, он все же до конца оставался истым членом касты, к которой он принадлежал и которая... господствовала в Пруссии... Целью Бисмарка с самого начала была не единая Германская империя, а мощь и величие Пруссии. Созданный им Северо-германский Союз был ничем иным, как расширенной Пруссией, и когда из него после 1866 г., после того, как ему удалось вытеснить Австрию из Германии, образовалась империя, то все его старания были направлены к тому, чтобы дать последней устройство, при котором было бы обеспечено преобладание Пруссии и прусской династии... Имперское правительство было в основе ничем иным, как прусским правительством, и вся бисмарковская империя была ничем иным, как Великопруссией».

Нужно вспомнить (см. первую главу), чем была Пруссия, эта наиболее хищная, наиболее военизированная, наиболее бюрократически управляемая, вообще наиболее реакционная держава в Германии, да, пожалуй, и во всей Европе, чтобы понять, какое пагубное значение имела эта диктатура Пруссии над Германией для всего германского народа и всей Европы. Еще в те времена, когда в Германии шел спор между сторонниками прусского и поборниками демократического решения национального вопроса, в 1857 г., вышла брошюра известного историка Дройзена, в которой он выступал за прусское решение. «То,— писал он,— что создало это [прусское] государство, что его носит и толкает вперед,—

это историческая необходимость. Пруссия охватывает лишь отдельные части германской земли и германского народа, но в природе и в существовании ее заложено призвание к охвату целого... В этом призвании ее оправдание, ее сила». По поводу этих возвышенных и мистических тезисов муж английской королевы Виктории, Альберт, родом немецкий принц из пруссофильского Кобургского дома, писал в частном письме: «Германизация Пруссии является условием ее величия и силы, а также умиротворения Германии; наоборот, стремление опруссачить Германию является слабостью как Пруссии, так и Германии и источником той антипатии, с которой вся остальная Германия все еще, к сожалению, взирает на Пруссию». Либеральный принц хотел, чтобы Пруссия растворилась в Германии, как Пьемонт растворился в Италии; в этом он видел залог будущего преуспевания как Пруссии, так и Германии в целом. Вышло, однако, иначе; вышло именно опруссачение Германии, и это, действительно, стало бедой Германии и всего мира. «Обшитый парламентскими формами, перемешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии бюрократически-сколоченный, полицейски-охраняемый военный деспотизм», — так характеризовал однажды Маркс новую империю. Те же взгляды высказывались и другими. Мы в другом месте уже цитировали высказывание Е. Утина о «непомерной гордости», которая охватила немцев после Садовы. Тот же проникательный писатель в августе 1870 г., после первых прусских побед, писал: «Поглощение Германии Пруссией означало бы создание в центре Европы такой державы, которая своим абсолютизмом и милитаризмом неминуемо затормозит развитие свободной политической жизни, которая усилит в центре Европы то злое начало, которое можно охарактеризовать одним словом: реакция. Прусское правительство менее, чем какое-либо другое, имеет в своей истории либеральные традиции; крайний формализм, любовь к солдатчине, а следовательно, и деспотизм — таково было всегда главное свойство того правительства, которое теперь угрожает не только Франции, но и целой Европе». Месяцем позже сотрудник «Отечественных записок» писал из Берлина: «При всех этих симпатиях, которыми пользуется Бисмарк в Германии, не должно забывать того, что владычеству Бисмарка здесь [в Германии] конца не предвидится... Он [Бисмарк] бессмертен в Германии. Мы знаем только одного Бисмарка — Бисмарка I. Но будет Бисмарк II, Бисмарк III, Бисмарк IV, Бисмарк V и т. д. до бесконечности. Бисмарки прекратятся в Германии только тогда, когда исчезнет самый запах юнкерства».

Чрезвычайно интересны высказывания М. И. Бакунина, который яростно боролся против Маркса, но с которым он, однако, полностью сходиллся во взглядах на Пруско-Германию. В своей известной книге «Государственность и анархия» (1873) он писал: «Оказывается, что Пруссия съела Германию. Значит, доколе Германия остается государством, несмотря ни на какие мнимо-либеральные, конституционные, демократические и даже социально-демократические формы, она будет по необходимости первостепенной и главной представительницей и постоянным источником всех возможных деспотизмов в Европе».

Наконец, в наши дни упомянутый выше отпрыск аристократического (но баварского) дома Гогенлоэ, переживший все царствование Вильгельма II, поражение и революцию в Германии 1918 г. и первые годы веймарской республики, писал: «Вина за то, что немецкий народ политически так отстал, ложится не на него самого, а на тех, кто правил им в течение ста лет... Бисмарк был тем, кто создал умонастроение немцев в 1914 году; он в те годы, когда они следовали его руководству, наложил на них печать своего духа... В течение десятилетий после военных успехов 1866—1870 годов они [немцы] приучились верить в могущество насилия, и постепенно для них стало аксиомой, что политика и мораль — две совершенно разные области и что нужно лишь быть сильным, чтобы быть правым». Воздавая должное разносторонности Вильгельма II, автор говорит: «Все же он правил Пруссией, а следовательно, и империей в сотрудничестве с юнкерами, так как они были всемогущи в Пруссии и превыше всего, составляли фундамент прусского офицерства, а потому и армии. Они были теми, которые пользовались решающим влиянием на прусскую, а потому и германскую политику, потому что Германия управлялась из Берлина и почти все первые советники кайзера были пруссаки». При нем немцы, «которые раньше отличались критической мыслью и славились как народ мыслителей, постепенно превратились в покорных, дисциплинированных подданных, а под конец и в низкопоклонников и льстецов».

Как перекликаются эти замечательные и объективно целиком обоснованные обвинения против опруссаченной Германии из уст современного и авторитетного политического германского деятеля с диагнозом, поставленным за много десятилетий до этого Бакуниным, который писал, что «правительство Германии опирается, с одной стороны, на «хорошую армию», а с другой, на верноподданнический патриотизм, на национальное безграничное честолюбие и на то

древнее историческое, столь же безграничное послушание и богочитание власти, которыми отличаются поныне немецкое дворянство, немецкое мещанство, немецкая бюрократия, немецкая церковь, весь цех немецких ученых и под их соединенным влиянием нередко, увы, и сам немецкий народ».

Можно быть разного мнения о политических взглядах цитируемых нами авторов (в частности, о Бакунине), но примечательно, что на протяжении семидесяти лет имеются те же отзывы из разных уст о размере того несчастья, которое постигло германский народ и всю Европу от того, что дело объединения Германии было совершено не народными массами, ни даже усилиями буржуазии, а прусскими штыками, направляемыми юнкерской кастой, этими дальними, но достойными потомками и преемниками тевтонских разбойников XIII века. Объединение Германии было, как говорил Ленин, исторической необходимостью, диктовавшейся всем развитием капитализма, и поскольку капитализм представляет более высокую формацию и носит в чреве своем неизбежную социалистическую революцию, осуществление этой необходимости было, конечно, прогрессивным явлением. Но извращением этого прогресса, несомненно, было то, что объединение произошло в прусской форме, в виде установления прусского господства над всей Германией. Как указывал Ленин, «объединение Германии было необходимо... Когда не удалось объединение революционное, Бисмарк сделал это контр-революционно, по-юнкерски». В результате юнкера остались у власти и сыграли решающую роль в создании того общественно-политического уклада, который характеризовал империю Бисмарка; они же сохранили этот уклад на весь период вильгельмовской империи и передали его дальше веймарской республике. «Хотя империя,— пишет тот же компетентный свидетель принц А. Гогенлоэ по поводу поражения Германии в 1918 г.,— существенных потерь в территории не имела, но централизация, а стало быть, прусское влияние в новой германской республике, сохранившей название империи, усилились в неслыханной степени, о какой сам Бисмарк не смел мечтать». Наш автор прибавляет: «Является ли счастьем для германского народа и не чреват ли большими несчастьями для Германии эта централизация и это вновь укрепившееся прусское преобладание, покажет, конечно, будущее, но, по моему убеждению, они представляют опасность и даже уже сейчас являются таковой». Гогенлоэ не ошибся ни в своем диагнозе, ни в своих опасениях: именно на прусско-юнкерской почве мог еще в 90-х годах прошлого века создаться особый, германский тип империализма, наиболее агрессивный из всех видов империализма, и именно на

этой почве, целиком сохранившейся и при шейдемановском республиканском режиме, могла в наши дни сложиться, захватить власть и ввергнуть весь мир и самоё Германию в бездну беспримерного ужаса и несчастья кровавая гитлеровская партия — та партия, которая, по определению товарища Сталина, «есть партия империалистов, притом наиболее хищнических и разбойничьих империалистов среди всех империалистов мира».¹

¹ Сталин, О Великой отечественной войне. М. 1945, стр. 25.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

Пражский договор

(23 августа 1866 года)

Е. в. король Прусский и е. в. император Австрийский, воодушевленные желанием вернуть своим странам благоденствия мира, решили преобразовать в окончательный договор прелиминарные условия, подписанные 26 июля 1866 года в Никольсбурге. С этой целью их величества назначили своих уполномоченных (Австрия: барона фон Бреннера; Пруссия барона фон Вертера).

Ст. 1. Впредь между е. в. королем Пруссии и е. в. императором Австрии, равно как между их наследниками и потомками и государствами и подданными обеих сторон, устанавливаются навсегда мир и дружба.

Ст. 2. Во исполнение ст. 6-й прелиминарных мирных условий, подписанных 26 июля сего года в Никольсбурге, и после того, как е. в. император французов официально заявил 29 июля того же года в Никольсбурге через своего посла, аккредитованного при е. в. короле Прусском, что «поскольку это касается императорского правительства, Венеция признается за Италией с тем, что она будет передана ей по заключении мира»,— е. в. император Австрийский, с своей стороны, также присоединяется к этому заявлению и дает свое согласие на присоединение Ломбардо-венетского королевства к королевству Итальянскому без каких-либо иных обременительных условий, кроме уплаты долгов, какие будут признаны лежащими на уступаемых территориях, согласно существующему Цюрихскому трактату.

Ст. 3. Военнопленные обеих сторон будут немедленно освобождены.

Ст. 4. Е. в. император Австрийский признает роспуск Германского союза в том виде, как он существовал до сих пор, и дает свое согласие на новое устройство Германии, без участия Австрийской империи. Е. в. равным образом обещает признать более тесное федеративное объединение, которое будет образовано е. в. королем Прусским севернее линии Майна, и заявляет о своем согласии на то, чтобы немецкие государства, расположенные к югу от этой линии, заключили союз, национальные связи которого с Северо-германской конфедерацией составят предмет последующего соглашения между обеими сторонами и который будет иметь независимое международное существование.

Ст. 5. Е. в. император Австрийский передает е. в. королю Прусскому все признанные за ним по венскому миру от 30 октября 1864 года права на герцогства Шлезвиг и Гольштинию, с той оговоркой, что население северных округов Шлезвига будет воссоединено с Данией, если выразит на то желание свободным голосованием.

Ст. 6. Согласно выраженному е. в. Австрийским императором желанию, е. в. король Прусский выражает свою готовность оставить, после имеющих произойти в Германии изменений, в прежнем положении территориальный состав Саксонского королевства в его нынешних пределах, оставляя, однако, за собою право детально урегулировать особым мирным договором с е. в. королем Саксонским вопросы об участии Саксонии в военных издержках, равно как и о будущем положении Саксонского королевства в Северо-германской конфедерации. Взамен этого Австрийский император обещает признать новое устройство, которое король Прусский введет на севере Германии, в том числе и территориальные изменения, из него вытекающие.

Ст. 7. Для распределения имуществ Конфедерации, существовавшей до сих пор, во Франкфурте на Майне не позднее шести недель после ратификации настоящего трактата собирается комиссия; эта комиссия будет принимать заявление обо всех долговых обязательствах и претензиях к Германской конфедерации, каковые должны быть ликвидированы в течение шести месяцев. Пруссия и Австрия будут иметь представителей в этой комиссии; так же смогут поступить и все другие правительства, ранее участвовавшие в Конфедерации.

Ст. 8. Австрия сохраняет за собою право изъять имперское имущество из союзных крепостей и матриккулярную¹ долю Австрии в союзном движимом имуществе, либо распорядиться ими иным образом; это правило распространяется и на все движимые имущества Конфедерации.

Ст. 9. Чиновникам, служащим и пенсионерам Конфедерации, поскольку они отнесены на союзный бюджет, обеспечиваются пенсии, причитающиеся или уже назначенные им, в соответствии с матрикулом; но прусское королевское правительство берет на свой счет пенсии и пособия офицерам бывшей шлезвиг-голштинской армии и их наследникам, до сих пор выплачивавшиеся матриккулярной союзной кассой.

Ст. 10. Пенсии, назначенные имперским правительством в Голштинии, будут числиться за заинтересованными лицами. Сумма в 449 500 талеров датской монетой, в 4-процентных государственных облигациях Дании, еще находящаяся во владении австрийского императорского правительства и принадлежащая голштинскому казначейству, будет последнему возвращена тотчас же после ратификации настоящего трактата.

Ни один житель герцогств Голштинии и Шлезвига и ни один подданный их величества короля Прусского и императора Австрийского не будет подвергаться преследованию, беспокойству или ущемлению личности или имущества за свое политическое поведение во время последних событий и в течение войны.

Ст. 11. Е. в. император Австрийский обязуется выплатить е. в. королю Прусскому сумму в сорок миллионов прусских талеров на покрытие части издержек, причиненных Пруссии войною. Но из этой суммы подлежит вычету сумма военной контрибуции, которую е. в. император Австрийский имеет еще право потребовать от герцогств Шлезвига и Голштинии в силу ст. 12-й вышеупомянутого мирного договора от 30 октября 1864 года, а именно, 15 миллионов талеров плюс еще 5 миллионов расходов, понесенных на содержание прусской армии австрийскими территориями, занятыми этой армией, до момента заключения мира, так что подлежат оплате лишь 20 миллионов прусских талеров. Половина этой суммы будет внесена наличными при обмене ратификациями настоящего трактата, а другая половина — также званкой наличностью, не позднее трех недель, в Оппельне.

¹ Государства — члены Германского союза делали ежегодные платежи в общесоюзную кассу для общесоюзных целей и нужд; эти взносы назывались матриккулами.

Ст. 12. Эвакуация австрийских территорий, занятых королевскими прусскими войсками, будет закончена в течение трех недель, следующих за обменом ратификаций. Начиная со дня обмена ратификаций, прусские генерал-губернаторы ограничат свои функции делами чисто военными. Особый порядок, согласно которому будет происходить эта эвакуация, будет установлен в особом протоколе, который составит приложение к настоящему трактату.

Ст. 13. Все договоры и конвенции, которые были заключены между высокими договаривающимися сторонами до войны, снова вводятся в силу настоящим трактатом, поскольку по своему характеру они не должны будут прекратить своего существования вследствие роспуска Германской конфедерации. Генеральная конвенция о выдаче преступников, заключенная 10 февраля 1831 года между союзными германскими государствами, а также относящиеся к ней дополнительные постановления, сохраняют свою силу между Пруссией и Австрией.

Императорское австрийское правительство заявляет, однако, что монетная конвенция, заключенная 24 января 1857 года, с роспуском Германской конфедерации теряет для Австрии существеннейшую часть своей ценности, а королевское прусское правительство изъявляет свою готовность вступить в переговоры об упразднении этой конвенции с Австрией и другими подписавшими ее государствами. Разным образом высокие договаривающиеся стороны оставляют за собою право в возможно скорейшем времени открыть переговоры о пересмотре торгового и таможенного договора от 11 апреля 1865 года в смысле наибольшего облегчения сношений между обеими странами. Временно означенный договор вступает в силу, с той оговоркой, что каждая из высоких договаривающихся сторон будет иметь право отказаться от него, предупредив о том за шесть месяцев.

Ст. 14. Ратификации настоящего трактата будут обменены в Праге в течение 8 дней или раньше, если это, окажется возможным.

II

Версальский прелиминарный мирный договор от 26 февраля (1871 год)

Между канцлером Германской империи господином графом Отто фон Бисмарк-Шенгаузеном, снабженным полномочиями е. в. императора Германского, короля Прусского,

статс-министром и министром иностранных дел е. в. короля Баварского господином графом Отто фон Брай-Штейнбургом,

министром иностранных дел е. в. короля Вюртембергского господином бароном Августом фон Вехтером,

статс-министром, председателем совета министров его королевского высочества великого герцога Баденского господином Жюлем Жолли, представляющими Германскую империю,

с одной стороны,

а с другой:

главой исполнительной власти Французской республики господином Тьером и

министром иностранных дел господином Жюлем Фавром,

представляющими Францию,

по признании полномочий обеих договаривающихся сторон находящимся в добром порядке и должной форме, согласовано было нижеследующее в качестве предварительной основы окончательного мира, имеющего быть заключенным впоследствии.

Ст. 1. Франция отказывается в пользу Германской империи от всех своих прав и титулов на территории, расположенные к востоку от ниже-следующей границы.

Демаркационная линия начинается на северо-западной границе кантона Каттенон у великого герцогства Люксембургского, идет к югу вдоль западных границ кантонов Каттенома и Тионвилля, проходит по кантону Бриэ вдоль западных границ коммун Монтуа-ла-Монтань и Ронкур, равно как и восточных границ коммун Мари-о-шен, Сент-Аль, Габувиль, достигает границы кантона Горз, который пересекает вдоль границ коммун Вионвиля, Буксьера и Онвиля, следует по юго-западной и южной границе Мецкого округа, по западной границе округа Шато-Сален до коммуны Петтонкур, охватывая ее западную и южную границы, следуя затем по гребню гор между Сейлем и Монселем до границы округа Саррбур южнее Гарда. Далее демаркационная линия совпадает с границей этого округа до коммуны Танконвиль, границы которой она достигает с севера, отсюда она идет по гребню гор между истоками Белого Саара и Везузы до границы кантона Ширмек, проходит вдоль западной границы этого кантона, охватывает коммуны Сааль, Бур-Брюш, Кольруа-ла-Рош, Плэн, Ранрюпт, Сольсюр и Сен-Блэз-ла-Рош Саальского кантона, сливаясь с западной границей Нижнерейнского и Верхнерейнского департаментов до кантона Бельфор, где она отходит от его южной границы недалеко от Бурвенана, чтобы пересечь кантон Делль по южным границам коммун Буронь и Фруар-фонтан, достигая швейцарской границы и проходя вдоль восточных границ коммун Жон-шери и Делль.

Германская империя навсегда получает полный суверенитет и ответственность над этими территориями. Международной комиссии, составленной из представителей высоких договаривающихся сторон, в одинаковом с обеих сторон числе, поручено будет тотчас же по обмене ратификациями настоящего договора провести на месте линию новой границы согласно вышеобозначенным условиям.

Эта комиссия будет вести разделом недвижимостей и капиталов, которые до сего времени принадлежали сообща округам или коммунам, отделяемым новой границей; в случае разногласий насчет пограничной линии и способов ее проведения, члены комиссии будут сноситься со своими правительствами.

Граница, как она выше описана, отмечена зеленым на двух проверенных экземплярах карты территории генерал-губернаторства Эльзаса, изданной в Берлине в сентябре 1870 года статистико-географическим отделом генерального штаба, экземпляр каковой будет приложен к каждому из двух экземпляров настоящего договора.

Однако указанная линия подвергнута следующим изменениям с согласия обеих договаривающихся сторон: в бывшем Мозельском департаменте села Мари-о-шен, близ Сен-Прива-ла-Монтань, и Вионвиль, к западу от Резонвиля, будут уступлены Германии Зато город и укрепления Бельфора с районом, который будет определен впоследствии, останутся за Францией.

Ст. 2. Франция выплатит е. в. императору Германскому сумму в пять миллиардов франков.

Уплата, по меньшей мере, одного миллиарда франков будет произведена в течение 1871 года, а всего остального долга — в течение трех лет, считая от ратификации сего договора.

Ст. 3. Эвакуация французских территорий, занимаемых германскими войсками, начнется после ратификации настоящего договора Национальным собранием, заседающим в Бордо. Тотчас же после этой ратификации германские войска покинут городские пределы Парижа, равно как и форты, расположенные на левом берегу Сены, и в возможно кратчай-

ший срок, установленный соглашением между военными властями обеих стран, они полностью очистят департаменты Кальвадоса, Орны, Сарты, Эрн и Луара, Луара, Луара и Шера, Эндра и Луары, Ионы, а кроме того, департаменты Нижней Сены, Эры, Сены и Уазы, Сены и Марны, Оба и Кот д'Ора, до левого берега Сены. В то же время французские войска отступят за Луару, которой они не должны будут переходить, пока не будет подписан окончательный мирный договор. Из этого постановления исключается парижский гарнизон, численность которого не должна превышать сорока тысяч человек, и гарнизоны, необходимые для безопасности укрепленных пунктов.

Эвакуация германскими войсками департаментов, расположенных между правым берегом Сены и восточной границей, будет производиться постепенно после ратификации окончательного мира и выплаты первого полумиллиарда обусловленной ст. 2 контрибуции, начиная с департаментов, наиболее близких к Парижу, и продолжаясь по мере выплаты взносов контрибуции; после выплаты первого полумиллиарда эта эвакуация будет произведена в следующих департаментах: Соммы, Уазы и в частях департаментов Нижней Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, расположенных на правом берегу.

По уплате двух миллиардов германская оккупация будет охватывать лишь департаменты Марны, Арденн, Верхней Марны, Мааса, Вогез, Мерты, а также крепость Бельфор с ее территорией, которые будут служить залогом уплаты оставшихся трех миллиардов, и где численность германских войск не будет превышать пятидесяти тысяч человек. Е. в. император склонен будет заменить территориальную гарантию, заключающуюся в частичной оккупации французской территории, финансовой гарантией, если таковая будет предложена французским правительством на условиях, признанных е. в. императором и королем удовлетворительными для интересов Германии. Три миллиарда, уплата которых будет отсрочена, будут приносить пять процентов с момента ратификации настоящего соглашения.

Ст. 4. Германские войска воздержатся от реквизиций деньгами или натурой в оккупированных департаментах. Но продовольствование германских войск, которые останутся во Франции, будет происходить за счет Французского правительства в размерах, в каких это будет обусловлено соглашением с германским военным интендантством.

Ст. 5. Интересы жителей территорий, уступаемых Францией, в том, что касается их торговли и гражданских прав, будут урегулированы возможно благоприятнее, когда будут установлены условия окончательного мира. В этих видах будет установлен срок, в течение которого они будут пользоваться особыми льготами по сбыту своих произведений. Германское правительство не будет ставить никаких препятствий свободному выезду жителей уступаемых территорий и не будет иметь права принимать против них никаких мер, затрагивающих их личность или имущество.

Ст. 6. Военнопленные, еще не освобожденные в порядке обмена, будут возвращены немедленно после ратификации настоящих предварительных условий. Для ускорения перевозки французских военнопленных французское правительство предоставит в распоряжение германских властей на германскую территорию часть подвижного состава своих железных дорог в размерах, какие будут установлены особыми соглашениями, и по ценам, уплачиваемым во Франции французским правительством за военные перевозки.

Ст. 7. Открытие переговоров об окончательном мирном договоре, имеющем быть заключенным на основе настоящих предварительных условий, состоится в Брюсселе тотчас же после ратификации последних Национальным собранием и е. в. императором Германским.

Ст. 8. По заключении и ратификации окончательного мирного договора управление департаментами, которые должны еще быть заняты германскими войсками, будет передано Французским властям. Но сии последние должны будут сообразоваться с распоряжениями, которые командующие германскими войсками сочтут необходимым издавать в интересах безопасности, содержания и размещения войск.

В оккупированных департаментах взимание налогов после ратификации настоящего договора будет производиться в пользу французского правительства и при помощи его чиновников.

Ст. 9. Настоящий договор, само собою понятно, не может дать германским военным властям никаких прав на части территории, в настоящий момент ими не занятые.

Ст. 10. Настоящие условия будут немедленно представлены на ратификацию е. в. императору Германскому и Французскому Национальному собранию, заседающему в Бордо.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся снабдили настоящий прелиминарный трактат своими подписями и приложили свои печати.

Учинено в Версале, 26 февраля 1871 года.

Ф. Бисмарк

*А. Тьер
Жюль Фавр*

(М. П.)

Так как королевства Бавария и Вюртемберг и великое герцогство Баденское участвовали в нынешней войне в качестве союзников Пруссии и теперь составляют часть Германской империи, то нижеподписавшиеся присоединяются к настоящему соглашению от имени своих монархов

Версаль, 26 февраля 1871 года

Граф *Брай-Штейнбург*

Барон *Ф. Вехтер*

*Миттнахт
Жолли*

III

Франкфуртский мирный договор от 10 мая 1871.

Князь Отто фон Бисмарк-Шенгаузен, канцлер Германской империи, Граф Гарри фон Арним, чрезвычайный посланник и полномочный министр е. в. императора Германского при св. престоле, от имени е. в. Германского императора,

с одной стороны,

с другой:

господин Жюль Фавр, министр иностранных дел Французской республики,

господин Огюстен Тома Жозеф Пуйе-Кертье, министр финансов Французской республики, и

господин Марк Тома Эжень де Гулар, член Национального собрания, от имени Французской республики, договорившись о преобразовании в окончательный мирный трактат прелиминарного мирного договора от 26 февраля сего года, измененного как будет явствовать из нижеследующих постановлений,

постановили:

Ст. 1. Расстояние города Бельфора от пограничной линии, какая была вначале предложена во время версальских переговоров и какая отмечена на карте, приложенной к ратификационной грамоте прелиминарив от 26 февраля, считается обозначением предела района, который, по от-

носящемуся к тому условию ст. 1 прелиминарного договора, должен остаться за Францией с городом и укреплениями Бельфора.

Германское правительство готово расширить этот район так, чтобы он включал кантоны Бельфор, Делль и Жироманьи, равно как и западную часть кантона Фонтени к западу от линии, имеющей быть проведенной от точки, где канал Рейн — Рона выходит из кантона Делль южнее Монтре-Шато до северной границы кантона между Буром и Фелоном, где эта линия соединяется с восточной границей кантона Жироманьи.

Однако германское правительство уступит вышеуказанные территории лишь при условии, что Французская республика, со своей стороны, согласится на исправление границы вдоль западных границ кантонов Каттеном и Тионвил, которые оставят за Германией территорию к востоку от линии, начинающейся на границе Люксембурга между Юссины и Редингенгом, оставляющей за Францией деревни Тиль и Виллерюпт, продолжающейся между Эрронвилем и Омегац, между Бевилье и Буланжс, между Трие и Ломмеринген, и присоединяющейся к прежней пограничной линии между Аврилем и Муайевром.

Международная комиссия, о которой идет речь в ст. 1 прелиминарных условий, тотчас же после обмена ратификаций настоящего трактата отправится на место, чтобы произвести работы, возложенные на нее, и провести трассу новой границы согласно вышеприведенным постановлениям.

Ст. 2. Французские подданные, уроженцы уступаемых территорий и ныне проживающие на этой территории, которые пожелают сохранить французское гражданство, будут пользоваться до первого октября 1872 года, по предварительном заявлении о том подлежащим властям, правом перенести свое местожительство во Францию и обосноваться там, причем это право не может быть умалено законами о военной службе, в каковом случае за ними будет сохранено состояние во французском подданстве.

Они будут иметь право сохранить за собой недвижимости, расположенные на территории, присоединяемой к Германии.

Никакой житель уступаемых территорий не сможет подвергнуться преследованию, беспокойству либо ущемлению своей личности или имущества за свои политические или военные действия во время войны.

Ст. 3. Французское правительство передаст германскому правительству архивы, документы и реестры, относящиеся к гражданскому, военному и судебному управлению уступаемых территорий. Если какие-нибудь из этих актов окажутся вывезенными, они будут возвращены французским правительством по требованию германского правительства.

Ст. 4. Французское правительство передает правительству Германской империи в шестимесячный срок со дня обмена ратификациями сего договора:

1. Суммы, депонированные департаментами, коммуна и общественными учреждениями уступаемых территорий,

2. Сумму вознаграждений за поступление в армию и замену рекрутов, причитающихся военным и морякам уроженцам уступаемых территорий, которые пожелают оптировать германское подданство,

3. Сумму залогов государственных финансовых чиновников,

4. Суммы, внесенные под залог или на хранение в судебные учреждения вследствие мер, принятых административными или судебными властями на уступаемых территориях.

Ст. 5. Обе нации будут пользоваться одинаковым режимом в отношении плавания по Мозелю, каналу между Рейном и Марной, каналу между Роной и Рейном, Саарскому каналу и судоходным путям, сообщаемым с названными судоходными путями. Право на сплав леса будет сохранено.

Ст. 6. Высокие договаривающиеся стороны, признавая, что епархиальные округа территорий, уступаемых Германской империи, должны совпадать с новой границей, определяемой в вышеприведенной ст. 1. незамедлительно договариваются после ратификации настоящего договора о мерах, которые должны быть приняты сообща для этой цели.

Религиозные общества, принадлежащие к реформатской церкви либо к аугсбургскому исповеданию, существующие на территориях, уступаемых Францией, прекратят свое подчинение французской церковной власти.

Религиозные общества аугсбургского исповедания, существующие на французской территории, не будут более подчиняться верховной консистории и директору, находящимся в Страсбурге.

Еврейские общины на территориях, расположенных к востоку от новой границы, не будут более подчинены еврейской центральной консистории, пребывающей в Париже.

Ст. 7. Уплата пятисот миллионов состоится в течение тридцати дней, которые последуют за восстановлением власти французского правительства в городе Париже. Миллиард будет выплачен в течение года, а полмиллиарда — 1 мая тысяча восемьсот семьдесят второго года. Последние три миллиарда должны быть выплачены 2 марта тысяча восемьсот семьдесят четвертого года, как это было обусловлено предварительным мирным договором. Начиная со 2 марта текущего года, проценты с этих трех миллиардов франков будут ежегодно уплачиваться 3 марта, из расчета пяти процентов годовых.

Течение процентов с каждой суммы, уплачиваемой авансом в счет последних трех миллиардов, прекратится со дня учинения платежа.

Все платежи могут производиться только в главных торговых городах Германии, и притом золотом или серебром, банкнотами Английского банка, банкнотами Прусского банка, банкнотами королевского Нидерландского банка, банкнотами Национального бельгийского банка, чеками на предъявителя или первоклассными переводными векселями, оплачиваемыми в наличной валюте.

Поскольку германское правительство фиксировало во Франции ценность прусского талера в три франка семьдесят пять сантимов, французское правительство приемлет взаимный перевод валют обеих стран в вышеуказанном соотношении.

Французское правительство будет уведомлять германское правительство за три месяца вперед обо всяком платеже, который оно рассчитывает произвести в кассы Германской империи.

После уплаты первого полумиллиарда и ратификации окончательного мирного договора будут эвакуированы департаменты Соммы, Нижней Сены и Эры, поскольку они еще будут заняты германскими войсками. Эвакуация департаментов Уазы, Сены и Уазы, Сены и Марны и Сены, а также парижских фортов, последует как только германское правительство сочтет порядок как во Франции, так и в Париже достаточно восстановленным, чтобы обеспечить выполнение обязательств, взятых на себя Францией.

Во всяком случае эта эвакуация будет произведена по уплате третьего полумиллиарда.

Германские войска, в интересах своей безопасности, будут иметь в своем распоряжении нейтральную зону, лежащую между германской демаркационной линией и крепостным валом Парижа на правом берегу Сены.

Условия трактата 26 февраля относительно оккупации французских территорий после уплаты двух миллиардов остаются в силе. Никакие вычеты, которые французское правительство имело бы право произвести, не могут быть сделаны за счет подлежащих уплате первых пятисот миллионов.

Ст. 8. Германские войска будут продолжать воздерживаться от реквизиций натурой и деньгами на занятых территориях; так как это их обязательство стоит в связи со взятым на себя французским правительством обязательством содержать их, то в том случае, если французское правительство, не взирая на повторные требования германского правительства, промедлит с выполнением указанного обязательства, германские войска будут иметь право добывать все необходимое для удовлетворения их нужд путем взимания налогов и производства реквизиций в оккупированных департаментах и даже за их пределами, если ресурсы их окажутся недостаточными.

В отношении продовольствования германских войск будет сохраняться в силе действующей режим вплоть до эвакуации парижских фортов.

В силу Ферьерской конвенции от 11 марта 1871 года сокращения контингентов, указанные этой конвенцией, будут проведены в жизнь после эвакуации фортов.

Как только численность германской армии доведена до цифры ниже пятисот тысяч человек, произведенные сокращения ниже этой цифры будут учитываться для пропорционального уменьшения стоимости содержания войск, оплачиваемого французским правительством.

Ст. 9. Исключительный режим, применяемый в настоящее время к произведениям промышленности уступаемых территорий в отношении ввоза во Францию, будет сохранен на шесть месяцев, считая с 1 марта, на условиях, заключенных с делегатами Эльзаса.

Ст. 10. Германское правительство будет продолжать возвращение военнопленных, договариваясь с французским правительством. Французское правительство отправит по домам тех из этих военнопленных, которые подлежат увольнению. Что же касается тех, срок службы которых еще не кончился, то они отступят за Луару. Устанавливается, что парижская и версальская армии, по восстановлении власти французского правительства в Париже и вплоть до эвакуации фортов германскими войсками, не будут превышать по численности восьмидесяти тысяч человек.

До этой эвакуации французское правительство не имеет права производить никакого сосредоточения войск на правом берегу Луары, но оно озаботится содержанием регулярных гарнизонов городов, расположенных в этой зоне, в зависимости от необходимости поддержать общественный порядок и спокойствие.

По мере того, как будет производиться эвакуация, начальники корпусов будут договариваться между собою о нейтральной зоне между армиями обеих наций.

Двадцать тысяч военнопленных будут незамедлительно направлены в Лион, при условии, что их тотчас же отправят в Алжир после их подготовки для службы в этой колонии.

Ст. 11. Так как война аннулировала торговые договоры с различными государствами Германии, то германское и французское правительства положат в основу своих торговых отношений режим наибольшего благоприятствования относительно друг друга.

Сюда входят ввозные и вывозные пошлины, транзит, таможенные формальности, допущение и условия пребывания подданных обеих наций, равно как и их агентов.

Однако из вышесказанного правила изъеются льготы, которые одна из договаривающихся сторон предоставила или предоставит по торговым трактатам иным государствам за исключением Англии, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии, Австрии, России.

Трактаты о мореплавании, а также конвенция о международной железнодорожной службе в ее отношении к таможенным и конвенция о взаимном обеспечении прав собственности на произведения науки, литературы и искусства будут вновь введены в действие.

Тем не менее, французское правительство оставляет за собою право облагать и германские суда потонными и корабельными сборами под условием, что эти сборы будут не выше тех, какими будут облагаться суда и грузы вышепоименованных наций.

Ст. 12. Все выселенные немцы полностью и целиком сохраняют за собою пользование имуществами, приобретенными ими во Франции.

Те из немцев, которые получили требуемое французскими законами разрешение на поселение во Франции, восстанавливаются во всех своих правах и, согласно с этим, могут вновь обосновать свое местожительство на французской территории.

Требуемый французскими законами срок для получения натурализации будет считаться не прекратившим своего течения в военное время для лиц, которые воспользуются упомянутым выше правом вернуться во Францию в течение шести месяцев после обмена ратификаций этого трактата, и время, протекшее между их выселением и возвращением на французскую территорию, будет исчисляться так, как если бы они вовсе не прекращали своего пребывания во Франции.

Вышеприведенные правила будут применяться на основах полной взаимности к французам, проживающим или желающим проживать в Германии.

Ст. 13. Германские суда, присужденные к конфискации призовыми советами до 2 марта 1871 года, будут считаться присужденными окончательно.

Те же, которые не будут присуждены к вышеуказанному числу, будут возвращены вместе со своим грузом, поскольку он еще существует. Если возвращение судов и груза окажется невозможным, собственникам будет возвращена их стоимость, установленная по продажной цене.

Ст. 14. Каждая из обеих сторон будет продолжать на своей территории предпринятые работы по канализированию Мозеля. Общие интересы разделенных частей двух департаментов, Мерты и Мозеля, будут ликвидированы.

Ст. 15. Высокие договаривающиеся стороны взаимно обязываются распространить на соответственных подданных меры, какие они могут найти полезным принять в пользу тех из своих подданных, которые вследствие военных событий могут быть поставлены в невозможность прибыть во-время для отстаивания или сохранения своих прав.

Ст. 16. Оба правительства, германское и французское, взаимно обязываются оказывать уважение и содержать в порядке могилы солдат, похороненных на их соответственных территориях.

Ст. 17. Урегулирование дополнительных пунктов, по которым должно быть достигнуто соглашение вследствие этого трактата и предварительного договора, составит предмет дальнейших переговоров, которые будут иметь место во Франкфурте.

Ст. 18. Ратификации настоящего трактата е. в. императором Германским с одной стороны,
а с другой

Национальным собранием и главой исполнительной власти французской республики

будут обменены во Франкфурте через десять дней или раньше, если окажется возможным.

В удостоверение чего соответственные уполномоченные подписали его и приложили к нему свои печати.

Учинено во Франкфурте, 10 мая 1871 года.

(М. П.) *ф. Бисмарк*

(М. П.) *Арним*

(М. П.) *Жюль Фавр*

(М. П.) *Пуйе-Кертёе*

(М. П.) *Э. де Гулар*

ГИТЛЕР
И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

*(К возникновению «Третьей
империи»)*

Несмотря на поражение и разгром гитлеровской Германии, ее зловещая история и предистория нисколько не утратили своего огромного познавательного значения. Наоборот, все то, что переживает мир после окончания второй мировой войны, в первую очередь в странах англо-саксонского империализма, быстро усваивающих повадки и идеи своего побежденного соперника, только подчеркивает злободневность такого исследования. Задача историков проследить и раскрыть процесс зарождения, развития и утверждения на известный период у власти германского фашизма делается особенно необходимой теперь, когда так ясно обнаруживается смысл сепаратной англо-американской политики по германскому вопросу, политики, создающей угрозу нового возрождения немецкой империалистической агрессии и «условия для появления новых бисмарков или даже новых гитлеров» (заявление министров иностранных дел восьми государств, принятое 24 июня на совещании в Варшаве).

В данном очерке автор не ставил перед собой задачи исследования социальных корней и генезиса немецкого фашизма либо исследования причин его господства в Германии. Цель состоит в том, чтобы проследить связи между Гитлером и некоторыми его предшественниками на однородном поприще и напомнить читателю некоторые, к сожалению, полузабытые факты из области этих связей.

Только в эпоху империализма, только на почве монополистического капитализма мог произрасти, созреть и разбросать по всему миру ядовитые семена такой чудовищный и вместе с тем своеобразный гибрид, как гитлеризм.

Империя, созданная Бисмарком, рухнула на 48-м году своего существования: те самые методы «насилия и пренебрежения к историческим правам», с помощью которых были заложены ее основы и дальнейшее применение которых вызывало у генерала Швейница осуждение, действительно, привели ее к гибели, восстановив против нее весь мир. Не оправдалось знаменитое изречение римского историка Саллюстия

(против него прусский дипломат и высказывал свое суждение) о том, что «власть (*imperium*) легче всего сохраняется теми средствами, при помощи которых она была создана». Но урок, преподанный историческим ходом событий, не был учтен правящими классами Германии: после первых же фальшивых аккордов веймарской интерлюдии старые прусские традиции, ныне уже сочетавшиеся с империалистическими, возникшими в кайзеровский период, стали возрождаться с новой и еще большей силой и в конце концов произвели на свет тот чудовищный гибрид империализма и пруссачества, который нам известен под именем гитлеризма.

1. Философствующий империализм

«Речь идет здесь о том, чтобы ясно, наконец, констатировать, что как другие нации прошли через тяжелые коллективные заблуждения, точно так и немецкий народ за последние пятьдесят лет впал в тяжелое безумие, создав из всемирной практики и мирового греха, в которых приняли участие все народы, новую политическую философию, некую реально-политическую догматику ужасающей простоты и последовательности и в этом духовном состоянии, угрожая и бряцая оружием, противостоял прогрессу человеческой культуры... Мы стали логиками и систематиками воздвигнутого на всемирно-политическом кулачном праве военного государства и довели злой дух новейшей истории народов до наиболее полного его воплощения». Эти строки писались не в наши дни и, как легко видеть, не марксистом — они были писаны почти тридцать лет тому назад и притом даже не буржуазным революционером, а просто честным, искренним и широко мыслящим пацифистом, д-ром Фридрихом Вильгельмом Фёрстером в книге «Моя борьба против милитаристской и националистической Германии» (1920). Фёрстер не разграничивал стадий экономического развития, не вскрывал материальных корней коллективных «заблуждений» или инкриминируемых им «практики» и «греха», но он многозначительно взял за начальный момент возникновения новой «философии» германского народа основание Германской империи и правильно, как читатель уже знает из предыдущих страниц, характеризовал эту империю как военное государство, «воздвигнутое на всемирно-политическом кулачном праве».

Не менее метко и его указание, что из «практики» мирового разбоя (нами именуемого империализмом) именно немецкий — не «народ», конечно, как думал Фёрстер, а правящий класс — создал целую «философию», логически и систематически построенную догматику, вторую религию «реаль-

ной политики» — по существу философию того же кулачного права. Германский империализм не довольствовался тем, что практически присоединился к «злому духу» всемирного империализма: отчасти по старой, еще не изжитой даже в новых условиях традиции немецких профессоров «осмысливать» вкривь и вкось исторический процесс, вместо того чтобы активно в нем участвовать, но главным образом из стремления, как запоздалый гость на империалистическом пиру, утвердить свое право на место за уже занятым столом, идеологи германского империализма облекли его вождения в философскую систему, где все было на своем месте: и экономическая потребность в «жизненном пространстве» за морем и в самой Европе, и верховенство германского народа над всеми прочими народами земного шара, и физическое и моральное вырождение других наций, и чистота самой германской расы, которой якобы угрожала примесь чужой крови (в особенности еврейской), и высокое общественно-биологическое значение войны как фактора отбора и воспитания, и многое, многое другое, что и в голову не приходило матерым империалистам-практикам других наций. Не только политическая литература и журналистика, но и умозрительная философия, историческая наука во всех ее разветвлениях и даже науки естественные и физико-математические прониклись этими догмами, служа им и распространяя их, пропитывая ими народ во всей его толще и выращивая в их духе молодые поколения. Тогдашнее перерождение социал-демократии могло служить этому примером.

Фёрстер, который во время самой войны 1914—1918 гг. мужественно выступал против своего империалистического отечества, выпустил свою книгу уже по окончании ее и после подписания Версальского мирного договора. Она имела большой успех и нашла широкий круг читателей. Не исключено, что ею (и в опровержение ее) была навеяна Гитлеру мысль написать собственную книгу под аналогичным заглавием: «Моя борьба». Это было бы вполне логично, потому что именно Гитлер, который, вероятно, даже не был известен еще Фёрстеру, довел «злой дух» германского империализма до «наиболее полного его воплощения».

2. После поражения и революции; мелкая буржуазия

Не забудем исторической обстановки, в какой Гитлер выдвинулся на авансцену. Это были годы, последовавшие за поражением Германии в развязанной, главным образом, ею же войне, за революцией, вначале перепугавшей досмерти

как юнкерско-капиталистический класс, так и мелкую буржуазию, но вскоре благополучно преодоленной ими, вследствие дряблости, раболепия и прямого предательства развращенных вождей социал-демократии, и за подписанием якобы унижительного и разорительного Версальского мира. Для растерявшегося интеллигента вроде «философа» Шпенглера это был вообще конец «цивилизации», настоящее светопреставление; Шпенглер и написал два пессимистических тома на тему о закате Европы. Растерялась и родная мать этого интеллигента, мелкая буржуазия, которая, несмотря на грандиозное развитие германского капитализма, все еще насчитывала много миллионов лиц. Тут был и ремесленник, и мелкий крестьянин-собственник, и мелкий лавочник, чиновник, коммивояжер и страховой агент, конторский служащий и многие другие маленькие люди из разных областей экономической жизни, ютившиеся в щелях и в порах крупнобуржуазного общества. Все они, будучи на краю пролетаризации и все же упорно цепляясь за свою весьма относительную и непрочную самостоятельность, когда-то, до войны и революции, политически метались между рабочими и буржуазными партиями, между демократией и пресмыкающимся верноподданничеством, между революционными фразами и реакционными делами. Это была не та мелкая буржуазия, которая некогда, в дни восхождения буржуазии как класса, участвовала в протестах и революционных восстаниях конца XVIII и первой половины XIX в. Напуганная жупелом социализма, который-де собирается отнять у нее не только ее лавочку, но и домашний скarb, даже жену и детей, но вместе с тем жестоко теснимая капиталом, она уже ограничивала свои протесты пределами соседней пивной, где за терпеливой кружкой, в тесном кругу она разражалась храбрыми речами и тут же выбегала, чтобы кричать «Hoch!», если по улице проезжал со свитой местный принц. Во время войны она разорилась дотла, изголодалась до изнеможения и понесла тяжелые потери в отцах, сыновьях и братьях. Революция загнала ее на чердак и в подвал; дрожа от страха, ожидая с минуты на минуту вторжения вооруженных до зубов «красных», она совсем было потеряла рассудок, пока на помощь ей не пришли вооруженные банды всевозможных Эппов, Эрхардтов, Лютвицей, Эшерихов и других героев контрреволюции; и тогда она соскочила с чердаков, выбежала из подвалов и, наскоро вооружившись чем попало, с дикими криками храбро бросилась громить и грабить рабочие кварталы. Однако «победа» над революцией не дала ей главного: выхода из безнадежного разорения, освобождения от опасности быть ввергнутой в темную бездну пролетаризации, избавления от

«процентного рабства» — от ломбардов и частных ростовщиков. Беспомощная, уставшая от борьбы с нуждой, она стояла и ждала, ждала какого-нибудь чуда, какого-то безымянного мессию, который выведет ее из безжалостного темного тупика на какую-то новую, широкую, светлую дорогу.

3. Возрождение старых сил

Иначе после первого перепуга, вызванного поражением и революцией, почувствовали себя крупная буржуазия, т. е. плутократия, и связанный с ней класс помещиков-юнкеров. Война была для них, что называется, золотым дном, и поведение «социалистов», ставших у кормила власти, вскоре успокоило их на счет сохранности их драгоценной собственности и нажитых во время войны богатств. Можно было быть уверенным, что никакого «большевизма» не будет, что советы, возникавшие или учреждавшиеся, являлись лишь временной декорацией, своего рода данью, которую невинность, под нажимом бунтующей черни, платила пороку (вопреки обычной процедуре), и что временная демократическая республика будет высшим пределом политического и социального творчества новых хозяев. С этим можно было пока что примириться. Правда, учреждались еще комиссии по обсуждению вопросов о «социализации», о рабочем контроле и пр., но одновременно с этими метафизическими занятиями шла, с молчаливого разрешения, а подчас и прямого покровительства «социалистических» властей, реальная работа по формированию «обывательских охранных» отрядов из бывших офицеров и фельдфебелей, студентов и кулаков, уголовников и городских черносотенцев (так называемых *Einwohnerwehr*) под начальством упомянутых выше спасителей отечества для подавления советской республики в Баварии и революционных попыток и восстаний в Брауншвейге, Гамбурге, на Руре и в других местах. Совершенно ясно было, что Эберты, Шейдеманы, Зюдекумы и как их там еще звали, этих рыцарей социализма «со страхом и упреком», боялись и ненавидели бунтующих рабочих и социализм не менее, чем сами юнкера и капиталисты; и очень скоро последние заняли свои прежние места не только в «новом» обществе, не только в хозяйственной, но и в политической жизни страны — в частности, даже в государственном аппарате, где уже в 1922 и 1923 гг. пребывал на посту канцлера такой туз, как Куно, руководитель Гамбургско-Американской паровой компании, одного из крупнейших предприятий в Германии и в Европе вообще, а министром иностранных дел подвизался Вальтер Ратенау, глава не менее знаменитой Всеобщей компании электриче-

ства. Сами «социалисты» уже вскоре стушевались, запутавшись в собственном хитросплетенном «социализме», и в благословенной Веймарской республике, стыдливо скрывавшей свое рябое лицо под официальной вуалью «Германской империи» (Deutsches Reich), быстро стала восстанавливаться политическая власть прежних правящих классов.

Однако опасность все еще не миновала: под затягивающейся серым пеплом поверхностью еще тлели и вспыхивали жаркие угли революции, рабочий класс создавал новую партию, коммунистическую, и экономические и политические наступления хозяев встречали резкий отпор. Эта проблема оставалась еще неразрешенной.

Неразрешенной, но все же разрешимой — при условии, что правящие классы получают в руки и материальное оружие, т. е. армию. Версальским договором численность германской армии была сведена к 100 000, включая максимально 4 000 офицеров; это при данных условиях было явно недостаточной опорой для классового господства юнкеров и капиталистов. Между тем победоносная Антанта оказывала на первых порах некоторый нажим на Германию и следила не только за точным выполнением этого ограничения, но и за тем, чтобы под флагом различных гимнастических и других фереинов или под видом «гражданской самообороны» против путчей «справа» и «слева» не создавались вспомогательные организации военного типа. По ее приказу все эти организации, вооруженные «добровольческие» отряды Эшериха, Лютвица и других были распущены и формирование новых было запрещено центральным и местными германскими правительствами.

4. Шовинизм и борьба с революцией

Ничто, однако, не мешало вести «патриотическую» пропаганду и агитацию за «оздоровление», как это называлось (Gesundung), заболевшей пацифизмом и революцией германской нации, за возрождение прежней национальной гордости и прежнего сознания своей полноценности, даже больше — своего превосходства над другими народами, за восстановление прежней мощи, прежней славы и прежних... границ. Но не будет ли это повторением прежнего безумия, окончившегося столь плачевно? На это отвечали: неверно, Германия вовсе не была разбита врагами на поле брани, она могла бы устоять против всего мира — она была поражена ножом в спину (Dolchstoß), смертельно ранена трусами, нытиками, пацифистами, англо- и франкофилами, идолопоклонниками демократии, а главное рабочими, социалистами, «большевиками», орудовавшими в тылу. Против этого именно зла

нужно бороться путем морального и физического «оздоровления», а не против высокого национального сознания, не против стремления вернуть прежнее состояние Германии. Если победоносная Антанта позволила себе торжественно зафиксировать в самом Версальском договоре положение о том, что Германия использовала свою силу для того, чтобы развязать войну, и что поэтому она одна ответственна за нее, то и это ложь: достаточно изучить официальную, изданную самой Веймарской республикой переписку германского министерства иностранных дел, начиная с 1871 г., в пятидесяти и больше томах, чтобы оправдать Германию против всяких наветов. И вот в бесчисленных статьях и речах, в толстых и тонких книгах, в программах бесчисленных партий и политических организаций от открыто монархических и милитаристских до квази-демократических и республиканских стали фигурировать и обосновываться тезисы о невинности Германии, «о ноже в спину», о «коварстве» победителей, о праве германского народа бороться за восстановление своей репутации, целостности своей территории, своей мощи. А для этого требуется духовное и физическое, общественное и политическое оздоровление страны, очистка народа от вышеупомянутых разрушительных элементов и... инородной примеси, подрывающей национальную силу, в особенности, еврейской, которая якобы пропитала прессу, финансы, ремесла, торговлю, политические посты и революционные партии. В лежащем перед нами списке полусотни политических и хозяйственных партий и организаций — студенческих, мелких лавочников и ремесленников, крестьянских, предпринимательских и пр. — середины 20-х годов не менее чем сорок содержат в своей программе перечисленные тезисы в той или другой последовательности и в той или другой степени развернутости; неизменными и особо подчеркнутыми фигурируют среди них лозунги об «оздоровлении» и об «еврейском зле».

5. Тайные вооружения

Все это имело целью популяризировать под видимым флагом национального возрождения невидимую идею вооружения Германии, т. е. ее правящих классов, и в первую очередь против внутреннего врага. И это имело успех во всех слоях и классах германского буржуазного общества (кроме организованного пролетариата), оживив завядший было «национальный дух» у старшего и вдохнув его в молодое поколение. Повсюду распространялось и стало догмой убеждение, что над германским народом учинена была страшная несправедливость, что эта несправедливость продиктована была исключи-

тельно завистью и ненавистью к германскому народу, так блестяще и так головокружительно возвысившемуся из состояния нищеты и забитости к материальному благополучию, славе и силе, что сам он — германский народ — в этой несправедливости не повинен, что он имеет право и обязан с честью бороться против нее, готовиться к реваншу, изыскивать все пути для этого, даже тайно вооружаться, даже сближаться с ненавистными советскими большевиками и пр. И действительно, Германия секретно восстановила генеральный штаб, стала создавать тайные склады оружия, тайные военные школы, производить по частям, на отдельных заводах, запрещенные Версалем предметы военного снаряжения, строить якобы гражданский, а на деле военно-транспортный воздушный флот, приобретать решающие пакеты акций военно-промышленных предприятий в нейтральных странах, накапливать стратегическое сырье путем бросовой или клиринговой торговли, разводить широкий шпионаж при посредстве своих многочисленных коммивояжеров, инженеров и консультантов, посылаемых за границу, служащих в немецких или местных банках и торговых конторах в других странах.

И Антанта, в частности Англия, ослепленные классовой ненавистью к молодой советской республике, стали Германию перекупать, облегчили ей платежи по репарациям при помощи пресловутого плана Дауэса, дали ей и политическое обеспечение в виде Локарнского пакта, потом совсем простили ей репарационную задолженность. Щедрые американские кредиты и капиталовложения помогли возродить и обновить немецкую тяжелую индустрию и восстановить военный потенциал Германии. Антанта сквозь пальцы смотрела на весьма подозрительные торговые операции Германии, производившиеся на средства, отчасти занятые у нее же (и США), отчасти сбереженные на репарационных платежах, и философски относилась к националистической и реваншистской пропаганде «оздоровителей» германского народа.

Германские юнкера и капиталисты были бы безнадежно глупы, если бы они не понимали, как благоприятно в условиях антисоветских настроений Антанты для них складывалось положение как внутри страны, так и за пределами ее. И они стали смелеть. На место прежних либеральных и полулиберальных деятелей в правительстве и во главе его стали появляться реакционеры все более и более откровенного типа — раньше брюнинги, затем генералы шлейхеры и махровые шпионы и провокаторы папены, и с прежними победителями начались переговоры насчет вооружения Германии для похода против СССР. В эту историческую минуту и в этой исторической обстановке и появился Адольф Гитлер.

6. Учитель Гитлера: Георг Шёнерер

Что он собой представлял и чем он покори́л сердца германской буржуазии? Прежде всего он ученик и последователь Георга Шёнерера, австрийского политического деятеля совсем особого типа. Не забудем, что Гитлер сам был австрийским уроженцем, родился в маленьком пограничном австро-баварском городе Браунау, учился в гимназии в г. Линце и затем долго шатался в Вене не то в коридорах университета, куда он стремился, но не смог попасть, не то в качестве маляра и безработного по улицам, маленьким кафе и пивным. Как раз в Линце Шёнерер начал в 1880 г. свою самостоятельную политическую карьеру. Он был богатый человек, унаследовавший несколько миллионов от отца, железнодорожного воротилы, учился в Дрездене и Штутгарте в годы, непосредственно предшествовавшие австро-прусской войне 1866 г., затем вернулся на родину, где обзавелся имением, и в 1873 г. попал в австрийский рейхсрат (парламент) по списку «прогрессистов», сторонников реабилитации Австрии как великой державы. Но всё более и более разгоравшаяся в Австрии национальная борьба, стремление чехов к автономии и волнения сербо-хорватов в связи с балканским кризисом середины 70-х годов, с одной стороны, и экономические и политические успехи новой Германской империи — с другой, сделали Шёнерера ненавистником славян и пламенным поклонником Пруссии, и уже в конце того же десятилетия он стал ратовать в рейхсрате за самое тесное сближение Австрии с Германской империей. Как раз тогда Бисмарк заключил австро-германский союз (1879), но не мог добиться у своего партнера по переговорам, австро-венгерского министра иностранных дел Андраши, присоединения Австрии к германскому таможенному союзу. Нежелание Андраши было вполне понятным: вхождение Австрии в таможенный союз, в котором доминировала Пруссия, означало бы потерю ее экономической независимости. Но Шёнерер готов был и на это, и в Линце, в указанном выше году, на съезде своей партии он выступил от имени созданной им «немецко-национальной антисемитской фракции» (в нее, между прочим, входил и Виктор Адлер, будущий вождь австрийской социал-демократии) с требованием создания «союзно-правовой» связи австрийских земель с Германской империей, т. е. попросту, вхождения их в состав последней по примеру других немецких земель вроде Саксонии, Баварии или Вюртемберга. А для того, чтобы не вводить вместе с немцами в империю иноплеменных народов, Шёнерер предложил выделить из состава Австрии Галицию, Буковину и Далмацию в отдельные «административные» области,

т. е. в протектораты, и, сохранив в составе Австрии богатую чешскую часть Богемии, с преобладающим чешским населением, сделать и в ней немецкий язык обязательным государственным языком.

7. Антисемитизм в Германии

Уже в этой программе наметилось несколько моментов, которым суждено было получить впоследствии большое историческое значение: немецкий национализм, исключаящий равноправное сожительство других народов в единогогерманском государстве, присоединение Австрии, очищенной от этих народов, к Германии и, как гласило самое название фракции, антисемитизм. О последнем стоит сказать несколько слов.

Застрельщиком антисемитизма как составной части политической программы был в Германии придворный проповедник Штёкер. Безудержная биржевая и грюндерская спекуляция, последовавшая в Германии за получением двухмиллиардной (золотыми рублями) французской военной контрибуции и завершившаяся уже в 1873 г. генеральным крахом, от которого разорились тысячи предприятий и сотни тысяч мелкого люда, явилась первым толчком к антисемитской пропаганде Штёкера: в противовес обличительным выступлениям молодой социал-демократии он выдвинул обвинение против евреев как зачинщиков и проводников спекулятивной лихорадки, ссылаясь на наличие в их среде банкиров, маклеров и других биржевых и посреднических элементов. Это было полезно для господствующих классов и как громоотвод в начавшейся — особенно среди мелкой буржуазии — буре, и как отвлечение от социалистической агитации против капитализма. Оттого и Бисмарк, и сам император вначале отнеслись благосклонно к новой деятельности Штёкера, который и консервативную партию заставил присоединиться к ней. Антисемитизм стал даже модой в известных кругах, и то, что раньше исповедывалось знатными одиночками вроде Шопенгауера и Гартмана, Дюринга и Рихарда Вагнера, Лагарда и Делича, теперь было вынесено на церковную и профессорскую кафедры, на столбцы газет, на собрания и просто на улицу в виде антисемитских куплетов и анекдотов. В середине 80-х годов образовалось «Всеобщее немецкое антисемитское объединение», которое даже завоевало один мандат на выборах в рейхстаг, а в 1887 г. была создана отдельная партия под названием «Немецкая социально-антисемитская партия». Это был период расцвета германского, специально штёкеровского антисемитизма, но он страдал одним недостатком: он не приобрел сторонников ни среди крупной, ни даже среди мелкой буржу-

азии, не говоря уже о рабочих слоях. Он оставался движением юнкерских кругов и интеллигентов-одиночек. Штёкер поэтому считал нужным внести в свою программу, сверх вразумительного лозунга: «Долой евреев!», и позитивные моменты: обязательное страхование на случай инвалидности, старости и смерти, обязательное объединение ремесла в союзы, фабричное законодательство и промышленные третейские суды, цеховые объединения при государственной поддержке и пр. Однако рассчитанная на улаживание мелкобуржуазных масс и для приличия заимствовавшая кое-что из рабочих программ, штёкеровская «социальная» агитация стала в конце концов неудобной для консерваторов и для Бисмарка: последнему, по миновании острой конъюнктуры первых лет, стала даже неприятна антисемитская пропаганда, вызывавшая протесты со стороны Блейхредеров, Ротшильдов, Фюрстенбергов, Баллинов, которым он и кайзер были столь обязаны и политически и лично. Движение, начатое Штёкером, стало выдыхаться, раскисляться, то сливаться с христианским социализмом английского образца, то переплетаться с проповедью расовых теорий и расовой чистоты (Хаустон Стюарт Чемберлен, немецкий англичанин), то сбиваться на социал-реформизм (Науман), то просто переходить в черносотенную погромщину (Альвардт).

Все эти и другие течения выступали перед публикой в виде партий, групп и группок, без всякого влияния и значения; однако же штёкеровский антисемитизм не прошел совершенно бесследно; уже тогда началось и все более входило в моду искание «иудейства» в происхождении и в сердцах людей, проверка чистокровного арийства у того или другого деятеля, проповедь изгнания евреев — особенно так называемых восточных — из пределов страны. Еще в 1913 г. вышло в свет «капитальное», учинившее большой скандал в благородных семействах «исследование» в этой области под названием «Семи-Гота». Непосвященному читателю нужно объяснить, что в небольшом тюрингенском городе Гота около полутора столетий в известном издательстве Пертеса выходил ежегодник-альманах, содержащий генеалогические данные относительно царствующих, княжеских и других высокоаристократических «фамилий» в Европе. Это была своего рода «золотая книга» не просто дворянства, а самой наичистой «голубой крови»; ее авторитет был настолько непререкаем, что являлся решающим даже в судебных процессах по наследственным делам. «Чего нет в Готе, нет в мире», — можно было сказать, слегка меняя известный латинский афоризм («чего нет в актах, нет и в мире»). И вот упомянутая «Семи-Гота» («семи», очевидно, сокращенное слово «семитизм») «изобличила множество знат-

ных родов в том, что в их жилах, по брачным связям в более или менее отдаленном прошлом, течет некая толика иудейской крови; вследствие этого книга подверглась конфискации и некоторое время была запрещена. В том же году вышел в свет «Семи-Кюршнер», по имени одного столь же авторитетного составителя литературных календарей: в нем «доказано» было наличие примеси неарийской крови у целого ряда писателей, художников, музыкантов и даже офицеров и высоких чиновников Германии. Идя по «научным» стопам этих изданий, уже в 1919 г., после революции, некий «исследователь» издал «Семи-Император», где доказывалось, что сами Гогенцоллерны были заражены иудейством (verjüdet).

8. Антисемитизм в Австрии

Из источников штёкеровского антисемитизма и испил Шёнерер, когда провозгласил себя антисемитом. В самой Австрии, где банковский капитал и пресса в заметной степени находились в «неарийских» руках и где в железнодорожной горячке 60-х и 70-х годов важную роль играли еврей-финансисты барон Гирш и Струсберг, почва была достаточно благоприятной для любителей антисемитской демагогии. Еще большее значение имело для Шёнерера благоприятное отношение Бисмарка к Штёкеру. Как антисемитский агитатор, Шёнерер долгое время пользовался популярностью среди лавочников и студентов, но в середине 90-х годов у него появился опасный конкурент в лице доктора Люэгера, который по обстоятельствам, о которых будет сказано ниже, в конце концов оттеснил Шёнерера на второй план и основал антисемитскую «христианско-социальную партию», имевшую большой успех: Люэгер стал хозяином Вены, будучи избран в 1897 г. обер-бургомистром, и на этом посту оставался вплоть до своей смерти в 1910 г. Его партия продолжала и потом оставаться одной из самых влиятельных в австрийской жизни, и после бутафорской «революции» 1918 г., при образовании «победителями» социал-демократами, под председательством Карла Реннера (нынешнего президента Австрийской республики) первого коалиционного кабинета, лидер ее, прелат Зейпель, был приглашен взять портфель министра социального обеспечения, а через несколько лет стал всемогущим премьером. Партийные преемники Зейпеля находятся и сейчас у власти.

Однако Шёнерер не отказывался от проповеди антисемитизма: он сопровождал ее всю дальнейшую свою политическую деятельность, которая впитала в себя другие, еще более важные мотивы.

Гитлер еще не родился, когда Шёнерер выдвигал свою линцскую программу: он увидел свет (быть может, было бы вернее сказать, что свет увидел это чудовище) лишь в 1889 г. и, только будучи уже молодым человеком в середине 900-х годов, он мог ознакомиться с доктринами ее. Но к этому времени Шёнерер приобрел громкую известность другими сторонами своей деятельности, и молодой Гитлер, привлекаемый именно этими сторонами, попутно воспринял и шёнереровский антисемитизм в предпочтении люэгерскому, у которого этих сторон не было. Эти стороны объединяются в одном слове: пруссачество или, в дальнейшем, пангерманизм.

9. Австрия и Пруссия

Первые намеки на них мы уже видели в линцской программе: присоединение Австрии к Германской империи, полное онемечение Австрии с выделением из нее одних не-немецких областей в качестве протекторатов или колоний и германизацией других. В самой Германии эти меры тоже проповедывались с большим жаром прусскими «патриотами», ревнителями прусского «духа», идеологами «прусской казармы», объединившей в своих стенах Германию, и капиталом, жаждавшим экспансии не только на восток (Drang nach Osten), но и на юго-восток, т. е. в Австрию и Балканы. В сущности о присоединении хотя бы Богемии (Чехии), представлявшей большую важность в экономическом (благодаря своим природным богатствам) и в стратегическом (благодаря своему географическому положению) отношениях, мечтали еще старые прусские короли, особенно Фридрих II («Великий»), сделавший, как мы видели на предыдущих страницах, неудачную попытку «молниеносно» захватить ее в 1756 г.; сто с лишним лет спустя, после победы над Австрией при Садове (1866), и король Вильгельм I сильно настаивал на ее аннексии. Но с развитием германской промышленности и железнодорожной сети в Центральной Европе и на Балканском полуострове сама Вена и вся Австрия приобрели большое значение для германского капитала как ворота и дорога к новому и многообещающему рынку балканских государств и Турции. Соответственно этому участились вопли насчет «неестественного» расчленения в 1866 г. германского «народного тела». Вопли исходили от тех самых «патриотов», которые в свое время отстаивали гегемонию Пруссии против Австрии и восторженно рукоплескали в означенном году изгнанию последней из Германского союза. Бисмарк, заключая с Австрией в 1879 г. военно-политический союз и пред-

лагая ей, как уже упоминалось, вступить в Германский таможенный союз, конечно, руководствовался, помимо вражды к России, и этим прозаическим мотивом. Он и уговаривал колебавшегося короля Вильгельма пойти на эту измену старому русскому другу указаниями на то, что такой союз будет популярнее в «Германии», чем союз с Россией (имея в виду под словом «Германия» национал-либеральных и католических представителей крупнопромышленного и торгово-банковского капитала). Конечно, самим австрийцам Бисмарк так не говорил: он больше распространялся о старых национальных традициях, о совместном историческом сожительстве в течение веков в едином государственном организме и даже о братстве по оружию во время борьбы с Наполеоном; но то, чего он не договаривал, выбалтывали не столь ответственные «патриоты» в частном порядке.

Таким и притом одним из самых ранних и ревностных поборников «аншлюса» (употребляя более благозвучный современный термин, буквально означающий «примыкание» т. е. поглощение Австрии Германией) был профессор Пауль де Лагард (Бёттихер, как гласила его настоящая фамилия), семитолог по специальности и сверхнационалист и антисемит по совместительству. Он много писал о современной ему политике и еще в 70-х годах требовал включения Австрии в Германскую империю. Он прямо говорил: «Пруссия обладает недостаточным телом для своей души, а Австрия не имеет души для своего обширного тела», и пояснял этот поэтический афоризм так: «Австрии нужны наши колонисты, а Германия нуждается в Австрии для колонизации... Для Австрии нет иного назначения как стать колониальным государством Германии... Австрии нужна господствующая раса, а господствующей расой в Австрии могут быть только немцы». Это было откровенно сказано, но тени Бёттихера-Лагарда пришлось прождать около 70 лет, пока его мечта не была осуществлена при Гитлере, и то на время.

10. Пангерманизм, расизм и тевтонизм

А пока что другие продолжали его дело. Первое место среди них со временем заняли «пангерманцы» (все-немцы), крайнее крыло прусско-германских империалистов. Это была небольшая, но очень шумливая братия, которая первоначально ограничивала свою агитацию колониальными вопросами, требуя для немецкого «народа» разных «мест под солнцем», ругая Англию за ее противодействие или равнодушие к этому достойному стремлению и поддерживая все правитель-

ственные меры к усилению армии и особенно флота. Когда в 1890 г. германское правительство сочло для себя выгодным заполучить у англичан о. Гельголанд ценой передачи им некоторых своих африканских колоний, то эта братия заклеила сделку как акт национальной измены и национальное унижение и основала «Всенемецкий союз» (Alldeutscher Verband) для работы по восстановлению поруганной германской «чести». Пангерманцы всерьез усматривали в произведенной правительством сдаче колонии что-то вроде повторения разгрома при Иене в 1806 г. от руки Наполеона, а в своей собственной деятельности — повторение деятельности тех «тугендбундов» и других организаций послевоенного периода, которые подготовили реванш возбуждением национальных и патриотических страстей. Фактически самый термин «всенемец» (или пангерманец), Alldeutscher, заимствован был у поэта Эрнста Арндта, певца национального возрождения того времени. Но если у поэта он означал единение, во имя национальной солидарности, всех немцев, тогда разединенных по отдельным германским государствам, для совместной борьбы с французским угнетателем, то в устах пангерманцев он означал объединение всех немцев Европы во имя превосходства германского народа над всеми другими для завоевания колоний и «жизненного пространства» в самой Европе. Об этих «возвышенных» целях мы еще будем говорить ниже; здесь отметим, что превосходство германского народа доказывалось необычайными успехами его во всех областях человеческой деятельности, каковые успехи в свою очередь «объяснялись» наличием в его крови особых, мистических, расовых качеств, которые и надлежит держать в особенной чистоте.

Нужды нет, что эти «особенные» качества были сущим мифом. В изданном в 1923 г. двухтомном «Настольном политическом словаре» весьма высокого, как мы ниже увидим, национально-патриотического направления, мы читаем в статье «Немецкий национальный характер» следующие строки: «Уже древние германцы не были чистой, несмешанной расой, а более поздние немцы были очень сильно смешаны. Многие великие немцы не имели никаких отличительных германских физических черт. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на противоположности между смешанным романо-кельтским западом и югом, с одной стороны, и славяно-смешанным востоком — особенно пруссаками — с другой и на противоположности обеих этих частей к более чисто-германскому северо-западу». Но пангерманцы отчасти по невинному невежеству, отчасти по сознательному шарлатанству усердно пользовались расовыми теориями, доказы-

вающими биологическое превосходство мифической чистогерманской расы над всеми другими нациями, и охватывали в своих гостеприимных объятиях всех немцев земного шара и, в частности, австрийских. Избрав центром своей пропаганды среди австрийцев столицу Баварии, Мюнхен, недалеко от австрийской границы, пангерманцы основали там издательство под многоговорящим названием: «Немецко-народное» (Deutsch-Völkischer) издательство «Один» (от северогерманского языческого бога Одина, соответствовавшего южногерманскому Вотану), и оттуда забрасывали Австрию, в частности северную, немецкую (судетскую) часть Богемии, своей литературой, рассылали своих лекторов и агентов, снабжали своих друзей деньгами и пр. Они сыграли особенно большую роль в той борьбе национальных языков, которая разразилась в Австрии в 90-х и 900 годах и в которой как раз Шёнерер и его единомышленники стяжали себе историческую известность.

11. Австро-пруссачество

Шёнерер, который в свое время, когда Бисмарк уже был в отставке, не раз ездил к нему на поклон, но должен был однажды выслушать от него ехидное замечание, что затеянное им дело по включению Австрии в состав Германской империи было бы, пожалуй, стоящим, если бы Прага и Вена могли обменяться местами и между ними не лежала славянская область чехов,— Шёнерер все же завязал тесные сношения с пангерманцами, получил от них поощрение и указания и сам стал «всенемцем». «Мы,— говорил он,— больше, чем просто люди, ибо мы — германцы, мы — немцы». Для него тоже богом стал Один-Вотан; он стал изображать из себя «тевтонца», отменил для себя и своих учеников и последователей немецкие названия месяцев, заменив их древнегерманскими, упразднил ряд христианских праздников, заменив их тевтонскими, и вместо обычного немецкого «Hoch», заставлял приветствовать себя старогерманским возгласом: «Хейль» (Heil). Конечно, это был только маскарад, который, впрочем, переняли у него впоследствии гитлеровцы; серьезным же делом оставалась борьба за Пруско-Германию, в которой Шёнерер жаждал растворить свое собственное австрийское отечество. Бесконечны были его выступления в рейхсрате, в которых он проповедывал чуть ли не государственную измену: он и его маленькая фракция вставали с мест, распевали «Deutschland über alles» и кричали «Hoch» в честь германского императора, когда почему-либо упоминалось его имя, и оставались сидеть на местах, когда упо-

минался собственный император Франц-Иосиф. Подобно древнеримскому Катону, неустанно повторявшему, что Карфаген должен быть разрушен, Шёнерер любил заканчивать свои речи заклинанием, что Австрии надлежит войти в Германскую империю, и когда противники поднимали против этого шум, он не колебался вступать в рукопашный бой. Однажды, в 1888 г., незадолго до смерти Вильгельма I, одна из венских газет, очевидно, по ошибке, распространила слух о его кончине: Шёнерер и его банда ворвались в редакцию, разнесли ее в щепки и жестоко избили самого редактора; за это Шёнерер поплатился тюрьмой и временной потерей своего парламентского мандата.

12. Против чехов, против славян

Но больше всего Шёнерер отличился во время упомянутой борьбы за равноправие национальных языков. Речь шла, собственно, о том, чтобы в официальный обиход в Богемии, где подавляющее большинство населения было чешским, ввести, наравне с немецким, чешский язык в качестве обязательного языка. Изданное на этот предмет премьер-министром Бадени в 1896 г. распоряжение было не весть уж какой революционной мерой. Богемия по самой конституции считалась особым королевством, в теории связанным с Австрией лишь личной унией, и имела право не только на свой государственный язык, но и на свой полномочный парламент и ответственное перед ним министерство. В войне против Австрии в 1866 г. сам Бисмарк, как знает читатель, не преминул напомнить чехам об их «исполненной славы» (glorreich) национальной истории, обратившись к ним через главное командование с манифестом и призывом к восстанию против ига Габсбургов; а в 1870 г. в связи с надвигавшейся франко-прусской войной и с опасностью осложнений с Россией сам Франц-Иосиф издал рескрипт, возвещавший полную государственную автономию Богемии и свой приезд в Прагу для коронования чешской короной. Когда кризис миновал, рескрипт был заменен другим, и старая система национального бесправия чехов осталась попрежнему в силе. В середине 90-х годов наступило охлаждение австро-германских отношений вследствие упорного нежелания Германии деятельно помогать Австрии в ее балканской политике; одновременно Россия, обращаясь все более на Дальний Восток и стремясь хотя бы законсервировать существовавшее на Балканах положение, начала сближаться с Австрией; в результате последней был опять взят более либеральный курс по отношению к ее славянским народностям (кроме украинцев, отданных

польским магнатам на съедение),— курс, одним из выражений которого и явился закон Бадени, польского графа, стоявшего во главе австрийского министерства.

В Германии были этим ходом крайне недовольны, пресса забила в набат, и пангерманцы из Мюнхена развернули широкую агитацию за «спасение» немецкой национальности, т. е. немецкой гегемонии в Австрии, на две трети населенной немецкими народами. В самой Австрии восстали против Бадени австро-патриоты: христианские «социалисты» и немецкие либералы, а также принципиальные противники правительства, социал-демократы и украинцы — разношерстный блок, а впереди их всех шествовали Шёнерер и его друг (позднее соперник) К. Вольф с их немногочисленной, но очень скандалистской фракцией. Началась в рейхсрате обструкция, подобной которой не видывал до тех пор даже этот злосчастный парламент. Защитникам закона, к которым принадлежали немецкие консерваторы и, конечно, славяне (без украинцев), и даже самим министрам не давали говорить, ораторов стаскивали с трибуны и избивали, президента палаты, пытавшегося вводить порядок, забрасывали чернильницами и гнилыми яблоками, между самими депутатами происходили рукопашные бои, вводилась и полиция для усмирения строптивых,— словом, рейхсрат превратился в зверинец. Ему вторила улица, предводимая шёнерерианцами и вольфианцами, и большая часть прессы, субсидируемая пангерманцами из Мюнхена. В конце концов Бадени, по повелению струсившего императора, пришлось уйти, несмотря на то, что он располагал в рейхсрате большинством. Во главе правительства стал чиновник Гауч, который отменил законы Бадени, выпустил из тюрьмы арестованного за уличное буйство Вольфа и объявил в Праге исключительное положение. На этот раз восстали чехи, но Гауч имел несчастье также запретить ношение каких бы то ни было национальных значков, включая, приличия ради, и немецкие, и против него восстали все одержимые тевтономанией студенческие корпорации Австрии и все профессора высших школ, объявившие всеобщую забастовку. Пришлось запрет отменить, но Гауч все же должен был уйти в отставку, а заменивший его на посту главы министерства граф Тун восстановил законы Бадени в несколько смягченном виде. На этот раз агитация противников и опять же особенно сторонников Шёнерера и Вольфа приняла еще более дикие размеры и формы, а со стороны германского правительства последовали, как мы читаем в изданных секретных документах, тайные угрозы. Чтобы подлить еще более масла в огонь и выразить оппозиции свое расположение, прусское правительство высла-ло «на родину» несколько тысяч австро-славянских рабочих и

батраков, приведя в восторг шёнерерианцев. Тун пробовал дать отпор оппозиции как внутри, так и вне страны: он распустил рейхсрат, стал управлять на основании диктаторской ст. 14 конституции, провел конфискацию изданий мюнхенского «Одина», распустил шёнереровски-вольфовские организации, закрыл наиболее озорную студенческую корпорацию «Тевтония», арестовал нескольких прусских агентов и самого Шёнерера, выслав первых из Австрии, и с трибуны рейхсрата пригрозил прусскому правительству репрессалиями в случае повторения его актов. Германский министр иностранных дел Булов поспешил повидать своего австро-венгерского коллегу Голуховского, навестив его в Земмеринге близ Вены; сам германский канцлер Гогенлоэ повидался с Францем-Иосифом в Ишле, летней резиденции последнего; и, как раньше Бадени, Тун в октябре 1899 г. получил отставку. Новое правительство Клари начисто ликвидировало все языковые уступки чехам.

Шёнерер стал за эти годы национальным героем, и на новых выборах в рейхсрат его фракция возросла с пяти до 21 члена. Разгул национально-немецкого шовинизма отныне не знал ни удержа, ни пределов ни в рейхсрате, ни в университетах, ни даже в концертных залах, сочетаясь с дикой агитацией против славян вообще и против чехов в частности. В свое время упомянутый Лагард, как бы отвечая на поставленный им самому себе вопрос о том, куда же девать славян и вообще «инородцев», если Австрия сольется в милых объятиях с Пруссией, говорил: «Мадьяры и чехи — это лишь балласт истории и политически лишены всякой ценности... Все они (особенно последние и вообще славяне) нас ненавидят, так как знают, что наша жизнь для них смерть». Точно в таком же смысле выражались Шёнерер и его друзья, и уничтожение или в лучшем случае изгнание славян из немецкой земли стало у них руководящим политическим лозунгом.

За этими вождями тянулась длинная улюлюкающая антиславянская орда студентов, лавочников, ремесленников, мелких чиновников (щедро, между прочим, угощаемых пивом и другими напитками за счет богатого Шёнерера), точно крысы в известной старинной немецкой легенде о гамельнском дудочнике, своей игрой извлекавшем из всех нор и щелей городских крыс, которых он завел в реку и утопил. Гитлер уже был великовозрастным юношей, когда Шёнерер еще продолжал подвизаться и вместе с Вольфом, образовавшим, правда, новую фракцию, получил на выборах 1911 г. опять 21 мандат. Что Гитлер состоял тогда в рядах горячих последователей этого «крысолова», видно из тех почтительных и исполненных благодарности фраз, которые он посвятил своему наставнику

в книге «Моя борьба». Антисемит и лютый враг славянства, Гитлер впервые почерпнул эти человеконенавистнические убеждения и вкусы у Шёнерера.

13. Борьба с католической церковью

У него же, шатаясь по венским улицам, он позаимствовал и другую, более оригинальную «антипатию». Выше мы упоминали об одном обстоятельстве, которое в соревновании двух антисемитов, Шёнерера и Люэгера, за уловление мелкобуржуазных душ отдало пальму победы последнему. Этим обстоятельством был начатый Шёнерером, после победы над Туном, поход против католической церкви, движение за массовый выход из нее под лозунгом: «Прочь от Рима!» (Los von Rom). Это был очень неосторожный шаг в такой архикатолической стране, как Австрия, которая отстояла свое государственное существование и преобладание против сил реформации, опираясь на католическую церковь и в свою очередь используя ее, и в которой почти все народы, как немецкий, так и многочисленные не-немецкие, исповедывали католицизм (общее число протестантов в империи не превышало полумиллиона). Люэгер, разводя демагогию против евреев, оставался добрым католиком, и хотя немецкие либералы трижды помешали императору утвердить его выборы в бургомистры, он все же имел больше успеха среди мелкобуржуазной массы, чем Шёнерер, отрекшийся от католической матери и побуждавший своих сторонников сделать то же самое. Несмотря на все его старания и на щедрую помощь из Мюнхена, посылавшего в Австрию проповедников и учреждавшего различные протестантские фрейны и общины, Шёнерер в этой области мало успел: за долгие годы его агитации вряд ли больше 70—80 тысяч перешли в протестантство; за то же время воспрянувшее католичество приняло в свое лоно не менее половины этого числа из рядов протестантов. Курьезно, что сам Шёнерер, отряхнув католический прах с своих ног, даже не перешел в протестантство, а остался без всякого исповедания — тевтонским, как мы видели, язычником.

Что побудило Шёнерера взять такой непопулярный курс? В свое время Бисмарк, сколотив империю вокруг Пруссии и под ее гегемонией, очутился лицом к лицу с большим католическим населением, численностью доходившим почти до двух-пятых всего населения Германии. То было население южных государств Баварии, Вюртемберга и т. д., и без того вошедшее в состав империи с грацией людей, показывающих вид, что идут охотно, а на деле влекомых на аркане, и поэтому еще крепче цеплявшегося за свою особую от протестантской

Пруссии веру. То было население действительно приведенных на аркане польских районов восточных областей Пруссии и только что присоединенных Эльзаса и Лотарингии. То было, наконец, население прирейнских областей, присоединенных к Пруссии в 1815 г., значительно превосходившее ее по своему экономическому и культурному развитию и подвергшееся сильному влиянию французской революции. Все они проявляли более или менее сильную тягу к партикуляризму («самостиности») и старались оградить себя от опруссачения, между прочим, и за стеной католической церкви. Чтобы преодолеть этот партикуляризм, Бисмарк вначале стремился привлечь к себе на помощь самого папу, для чего вступил с ним в переговоры: папа, дав соответствующие инструкции духовным пастырям, мог бы лишить партикуляристскую паству ее церковного оплота, и за это получил бы могущественную поддержку Германской империи в своей борьбе против вновь созданной объединенной Италии, которая отняла у него его исторические светские владения и заперла его в Ватиканском дворце. Как ни соблазнительно было это предложение, но папа на него не пошел, и тогда Бисмарк с чисто юнкерским неистовством разразился пресловутым «культуркампом» («борьбой за культуру», как его прозвали простодушные немецкие либералы), обрушившись всей силой полицейской и судебной власти на католическое духовенство и на учреждения католической церкви. Десятки епископов и других церковных владык были смещены и заключены в тюрьму, не только монастыри, но и благотворительные и воспитательные учреждения католической церкви были закрыты, иезуиты были изгнаны из страны, религиозно-католическое преподавание в школах было запрещено, церковный брак был заменен гражданским, назначение новых католических священнослужителей было обусловлено утверждением светской власти и т. д. Многое в этих мерах было по существу вполне оправдано; они были проведены впоследствии и в католической Франции; но совершенно ясно было, что эти меры, проводимые на прусско-террористический манер, диктовались отнюдь не интересами прогресса, а юнкерским гневом на папу и его церковь за «непослушание» в деле борьбы против партикуляризма, т. е. оппозиции прусско-юнкерскому режиму в новой империи. Однако «культуркампф» не только не ослабил католической церкви и представлявшей ее в парламентах партии так называемого Центра, но, напротив, усилил их; вместе с тем он задерживал процесс ослабления центробежных сил, явно обозначившийся в результате быстрого развития капитализма в стране. В конце концов, когда Бисмарку понадобилась в 1879 г. парламентская поддержка Центра для проведения протекционистской

политики, а старый папа умер, он «пошел (как говорилось тогда) в Каноссу», помирился с Ватиканом, прекратил гонения, постепенно упразднил наиболее одиозные законы против католиков и католической церкви, смягчил другие и перенес свое просвещенное внимание от католицизма на социал-демократию, подвергнув ее тем же свирепым преследованиям. Все пошло на самый лучший лад: Центр даже стал правительственной партией, а папа наградил Бисмарка высшим церковным орденом «Спасителя».

Все это происходило в 70-х и первой половине 80-х годов, и к концу этого периода «культуркампф» был уже делом прошлого. Но не для Шёнерера. Для него «фактора времени» не существовало, особенно когда дело шло о деяниях Бисмарка, и, встречая в своей агитации за растворение Германской империи, управляемой протестантской Пруссией, ожесточенное сопротивление со стороны католических партий, каковыми были все буржуазные партии в Австрии, он не мог придумать ничего лучшего, как поднять знамя борьбы, брошенное Бисмарком десять и более лет тому назад, против католической церкви. Получилось нечто вроде нашей народной сказки об Иванушке-дурачке, который на похоронах кричал: «та-скасть, не перетаскасть», а на свадьбах: «канун да ладан». Неудивительно, что поход Шёнерера провалился, но также неудивительно, что его достойный потомок Гитлер, также узрев в католической церкви, универсальной, многонациональной и международной, врага прусско-немецкого «национализма», возобновил поход против нее в старых традициях Бисмарка, арестовывая епископов, громя церкви, распуская общины и производя дикие насилия над католиками. Война против католицизма со стороны Гитлера — это продолжение курса двух его учителей, одного — прусского, другого — прусско-австрийского.

14. Великогерманские доктрины

Шёнерера нельзя назвать пангерманцем в широком смысле этого слова: как австриец, он в своем кругозоре не выходил за пределы своей страны, которая и мечтать не могла о мировых масштабах и рада-радешенька была сохранить хотя бы собственное существование. Ее внимание, как и внимание самого Шёнерера, сосредоточивалось на ближайших проблемах, и для Шёнерера, который, несомненно, был знаком со всей пангерманской литературой, а не только с той, которая предназначалась специально для Австрии, мировые бредни пангерманцев казались, наверное, музыкой будущего, когда Австрия уже будет находиться под благословенной прусской каской. Но нет основания думать, что Гитлер, толкаясь в тол-

ле его венских учеников и учиняя вместе с ними уличные скандалы против чехов и евреев, тоже оставался чуждым более широкой идеологии пангерманцев. Браунау, где он вырос в родительском доме, занимал в национальной истории Германии особое место: там в 1806 г. был по приказу Наполеона расстрелян местный книгопродавец Пальм за распространение патриотической, антифранцузской брошюры. По этой причине Бисмарк с целью окрасить свою «братоубийственную» войну с Австрией в национально-германский цвет, а также смягчить вражду южных государств, сильно добивался в мирных переговорах с Австрией в 1866 г. передачи этого городка Баварии, у которой он был отнят в пользу Австрии в 1779 г. по известному Тешенскому миру. Это ему не удалось, но Браунау все же оставался предметом германских вожделений и, будучи украшен памятником в честь Пальма, стал провинциальным местом паломничества для германских патриотов. Он также был таможенным и почтовым пунктом, через который проходил людской, товарный и литературный оборот с Германией. Быть может, отец Гитлера, который служил там таможенным чиновником, уже увлекался пангерманской литературой; его сын, который не прерывал связи с родным городом во всю свою молодость, несомненно, тоже ее читал. А там говорилось много интересных вещей. В 1895 г., например, вышла книжка некоего автора, подписавшегося «Alldeutscher», т. е. «Пангерманец», под интригующим названием: «Великогермания и Срединная Европа в 1950 г.», — нечто вроде гороскопа Германии через примерно полстолетия. Само слово «Великогермания» в заголовке указывало на содержание книжки. Да, Германия присоединит Австрию, но не только ее одну: она примет в свои объятия всех зарубежных немцев, где бы они ни жили, — в Венгрии ли, или в Трансильвании, в Северной Америке, на Волге, в Прибалтике: все они должны вернуться на «родину». Мало того, такая расширившаяся и полнокровная империя заключит «союзы» со всеми государствами племенно-родственного «германского» происхождения — с Голландией, Швейцарией, фламандской Бельгией, Люксембургом, Данией, Норвегией и пр. — «союзы», предположительно, в стиле саркастически-характеризованных Талейраном как союзы всадников со своими лошадьми. В видении этого автора Германия в середине XX в. уже рисовалась в образе огромного государства, охватывающего добрую половину Европы — «Великогерманию», как ее впоследствии официально и окрестил Гитлер («Gross-deutsches Reich»). Конечно, и перед «Пангерманцем» встал вопрос об «инородцах»: что с ними сделать? Говоря об Австрии, он предлагает их просто изгонять: «кто не хочет быть

изгнанным,— говорит он,— должен сам изгонять»; мы сейчас увидим, куда именно он собирается их прогнать; но в отношении не-немецких народностей в Великогермании вообще он находится в некотором сомнении и в конце концов решает: «Конечно, не одни немцы будут населять эту новую Германскую империю. Однако только немцы будут пользоваться политическими правами, служить в армии и приобретать земельную собственность, а живущим среди них чужестранцам они охотно предоставят выполнение физических работ». Тогда, прибавляет он, «они [немцы.— *Ф. Р.*] вновь обретут существовавшее у них в средние века сознание, что они являются народом господ».

Читатель видит, что Гитлер не так уже оригинален: «были цари и до Агамемнона». Но в те времена, когда пангерманцы изошрялись в своих планах, они подвергались обычно осмеянию, их планы назывались безумными бреднями или шутовскими выходками, правительства их осуждали, буржуазная пресса от них отрекивалась. Говорили, что у небольшой кучки дураков просто вскружилась голова от необычайных успехов Германии в хозяйственном и политическом развитии. Нужны были катастрофические события, поражение в гигантской войне и революция, чтобы нашелся человек, который серьезно им поверил и поверг целый мир в море крови, чтобы попытаться их осуществить.

15. Россия в пангерманских планах

Но куда думал предшественник Гитлера, автор «Великогермании», выселить из Австрии иноплеменные элементы? Оказывается, что для этого нужно разгромить... Россию! Мысль о России беспокоила уже Бисмарка, который, отлично используя, как мы видели, царскую благосклонность для осуществления своих целей, немедленно после этого стал опасаться, как бы Россия теперь не потребовала контр-услуги по Восточному вопросу в виде дипломатической, а если понадобится, то и военной помощи против старых соперниц на Балканах, Австрии и Англии и, в случае отказа Германии, не повернулась всей своей массой против нее. А это, между прочим, непременно вызвало бы на сцену и мечтавшую о реванше Францию. Между тем отказать в этом домогательстве России Бисмарк твердо решил, не имея никакого желания осложнять свои отношения с Англией и даже Австрией ради интересов, нисколько-де не затрагивающих Германии. Что было ему в таком положении делать? Он знал, что воевать с Россией было бы, как он не раз говорил, «величайшим бедствием для Германии»: сколько бы германская армия ни

побеждала, объяснял он, она никогда не сможет победить Россию настолько, чтобы продиктовать ей условия мира — этому помешали бы географические пространства России и ее непреодолимая стойкость в обороне, а в этих условиях возникновение второго фронта со стороны Франции было бы неизбежно и привело бы к полной гибели Германии. С другой стороны, навлечь на себя гнев Англии, экономическая и политическая помощь которой была Германии крайне нужна и которая всегда могла бы перетянуть на свою сторону Австрию и Францию и составить с ними враждебную коалицию, было бы также крайне опасно. Как Бисмарк разрешил эту с виду весьма похожую на квадратуру круга задачу, как он проявлял «дружбу» к России, толкая ее на войну с Турцией, одновременно организуя против нее тайную коалицию других держав, как, ослабив таким образом своего «друга», но боясь его мести, он сколотил против него секретный, но на этот раз постоянный, союз с Австрией, Италией и Румынией при благосклонном, хотя и неписанном, участии Англии, — описание всего этого значительно вывело бы нас за тематические рамки настоящего очерка. Достаточно сказать, что антирусская политика Бисмарка находила полную поддержку в широких кругах германского «общества», кроме, пожалуй, части придворных: в капиталистических кругах — потому, что для улучшения финансового положения и в видах поощрения отечественной промышленности Россия в 1876 г. ввела оплату пошлин в золотой валюте, повысившую их номинальные ставки на 40—50%, а затем стала вообще повышать таможенный тариф, особенно на продукты тяжелой промышленности; в юнкерски-помещичьих и военных кругах — потому, что они давно зарились на русскую Прибалтику и Польшу, которые они систематически колонизировали и экономически осваивали в целях, как они говорили, довершения дела национального объединения и приобретения более выгодных стратегических границ. Упоминавшийся нами «Пангерманец» в своей книжке так и говорит: «Неизбежная война между Германией и Россией завершит дело объединения. Если она окончится благоприятно, то Германия присоединит балтийские губернии, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию, и создаст Польское государство и Русинское (украинское) королевство». И он прибавляет (мы возвращаемся к нашей ближайшей теме): «последние предназначены к тому, чтобы принять евреев и славян, которые покинут Германскую империю».

Вообще же возобновление средневекового стремления на Восток, «Дранг нах Остен», т. е. на Россию, вошло в железный инвентарь пангерманских планов наравне с натиском на Англию в целях захвата ее колоний. Стоявший еще всецело на

почве бисмарковских идей известный философ Эдуард Гартман, путавшийся и в политических вопросах, мечтал в 1889 г. о расчленении России («Два десятилетия германской политики и международное положение»): «Финляндию я отдал бы Швеции, Бессарабию — Румынии, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию вместе с Ковенской и Виленской губерниями я преобразовал бы в самостоятельное Балтийское государство, а речную область Днепра и Прута — в королевство Киевское. Швеция и Балтийское королевство были бы фактически подчинены Германии, которая гарантировала бы им их территории; а Румыния и королевство Киевское находились бы в такой же вассальной зависимости от Австрии... Польша была бы поделена между Германией и Австрией, а Россия освободилась бы от 16 миллионов иностранцев и 18 миллионов украинцев и белоруссов».

В плане Гартмана Австрия еще сохраняла независимость, но уже Швеция предназначалась — за пятьдесят слишком лет до Гитлера — в вассалы Германии. У пангерманцев же Австрия стирается с карты, зато «натиск на Восток» сочетается с «натиском» на Юго-восток в виде единого военно-колоннального предприятия. Один из пангерманских «комбинаторов» Карл Йенч в конце 90-х годов писал: «Приобрести колонии в Малой Азии и Сирии (речь шла о «мирном» проникновении в Турецкую империю посредством Багдадской ж. д. — *Ф. Р.*) с затаенным намерением переброситься на север, чтобы разложить царскую империю изнутри или разгромить ее войной; воссоединить с нами насильственно (?) оторванные от народного германского тела немецкие провинции Австрии и таким образом обеспечить за германским народом господство над всей Центральной и Восточной Европой и создать большую область, ныне пустынную (*wüste*), но в высокой степени пригодную к культурному освоению, для пользования нашим народом и для цивилизации ее полуварварских обитателей — это великая, прекрасная и стоящая работа!»

Вот как далеко и широко шли пангерманские планы! Мы привели лишь характерные образчики из писаний двух-трех авторов, но в аналогичном духе писалась история, политическая литература, печатались и распространялись бесчисленные памфлеты, газетные статьи, брошюры, листовки, которые вначале вызывали, как мы говорили, насмешливые улыбки, но которые все же западали в сердца и память многих людей и облегчили работу Гитлеру, когда он выступил душеприказчиком пангерманцев для реализации их бредового «идейного» наследства.

16. «Жизненное пространство»

Всю эту литературу Гитлер, несомненно, читал, потому что иначе он не мог бы так точно воспроизвести на деле те планы, которые в ней разворачивались. Фактически достаточно перелистать книгу Гитлера «Моя борьба», чтобы видеть, в какой непосредственной зависимости от пангерманских учений складывался его идейный багаж. Правда, относительно колониальных приобретений и борьбы за них с Англией у него вначале проявлялось гораздо меньше пыла, чем у его учителей. Он даже находил, что со стороны вильгельмовской дипломатии была допущена роковая ошибка в том, что она не сумела сохранить английскую дружбу и нажила в лице Англии врага на почве колониальных распрей. По его мнению, колонии не являлись тем «жизненным пространством», в котором Германия нуждалась. В свое время, задолго до империалистической эры, и Лагард писал: «Водворить мир в Европе... может только Германия, простирающаяся от Эмса (реки, отделяющей Германию от Голландии.— *Ф. Р.*) до устьев Дуная, от Мемеля до Триеста, от Меча до примерно Буга, ибо только такая Германия может прокормить себя и в состоянии будет разбить в одиночку Францию или Россию с помощью одной своей постоянной армии, а при усилении ее первой линией запаса разбить и Францию и Россию, вместе взятые». Пространство, определенное Лагардом, казалось Гитлеру уже слишком недостаточным: на западе он готов был идти дальше Эмса, а на востоке — гораздо дальше Буга. Но в общем его захватнический кругозор был первоначально ограничен пределами Европы, и во всяком случае ради приобретения колоний он с Англией не собирался воевать. Несомненно, что опыт первой мировой войны делал его осторожным в выборе объектов для агрессии и, в частности, в отношениях с Англией; но еще больше в этом самом ограничении сказывалось «недоразвитие» его идеологии, продолжавшей еще страдать, так сказать, австрийским провинциализмом. Только впоследствии, когда он поступил на службу к крупному капиталу, его горизонт расширился настолько, чтобы охватить и колониальные объекты.

Во всяком случае «континентальное» наследие пангерманцев было полностью усвоено и даже много раз умножено Гитлером, потому что за это время он успел не только прожить ряд лет в Мюнхене, этой Мекке австрийских пангерманцев, где он стал одним из вождей «национал-социалистической рабочей партии», создал «коричневый дом» и устроил путч, но и встретиться лицом к лицу с прусским духом военщины и разбоя в воплощении карательных отрядов.

Об этой стороне пруссачества нужно также сказать несколько слов.

17. Прусское «чувство господства»

Мы видели уже, что такое Пруссия и созданная ею Германская империя; мы видели, в чем состоял прусский «дух» в XIX в. Вступление Германии в фазу империализма, этого высшего воплощения международного разбоя и «всемирно-исторического кулачного права», как это называл Фёрстер, могло только еще более укрепить этот «дух». В упоминавшемся уже нами «Политическом словаре», изданном в 1923 г., т. е. в период «демократической» Веймарской республики, которая, казалось, должна была бы предать проклятию все прусское как высшее выражение реакции и агрессии, мы в статье о «Немецком национальном характере» находим следующее «философическое» рассуждение, которое достаточно ярко и полно иллюстрирует наши положения: «Строгое прусское государство, заклеянное за границей прозвищем государства рабов, постепенно стерло в Германии индивидуалистическую недисциплинированность характера и воспитало в ней чувства общества и государственности. В основе последнего, равносильного чувству власти (*Machtsinn*), лежит отнюдь не славянский элемент в пруссачестве (*Preussentum*), а психологический результат господства немцев (*Herrentum*) над подвластным славянским населением, т. е. старая черта германцев и более поздних немцев. В средние века сюда присоединялось столь часто осуждавшаяся *superbia* — высокое самосознание народа, возбуждавшее недружелюбные чувства к нему. Кто сделал немцев судьями над народами? — спрашивал Джон Солсбери [Епископ шартрский, ученик Абеляра. — *Ф. Р.*] в 1160 г. Чувство и сознание своего господства (*Herrentum*) завяло в период упадка Германии, но менее всего на ее востоке. Пруссиком по существу является также превращение необузданного германского чувства вольности в подчинение закону, т. е. целому, вначале, конечно, насильственное, а затем добровольное».

Так славословит пруссачество — «чувство господства», надменность, плод закрепощения и эксплуатации славянских народов и казарменного подчинения абсолютизму — «республиканец» 1923 г., который, казалось бы, еще должен был жить под впечатлением военного и политического поражения Пруско-Германии. В этом славословии важно то, что пруссачество изображается как формирующее начало в современном «национальном» характере немцев, что в качестве основного элемента самого пруссачества выдвигается «чувство

господства и силы» (Herren- und Machtsinn), что это чувство объясняется не метафизически, а реалистически — завоеванием, закабалением и эксплуатацией славянских народов и что, наконец, пресловутая дисциплинированность германского народа оказывается не чем иным, как насильно привитым ему пруссачеством казарменным послушанием.

Автор заслуживает всяческой признательности и похвалы за эти признания, которые так выгодно отличаются от расовых и других подобных мистических бредней. Лишь в одном случае его исторический экскурс требует небольшой поправки или, вернее, уточнения, которое, однако, не опровергает, а, напротив, подтверждает его тезис. Было время, когда пруссаки не отличались «супербией», т. е. надменным отношением к другим народам, и это было тогда, когда Пруссия была еще маленьким и слабеньким государством. Она жила тогда на милостях России и пресмыкалась перед нею, как червь. Когда царь Николай I приезжал в Берлин, то парламент закрывался, чтобы не оскорбить высокого гостя видом такого «революционного» учреждения, и весь двор от мала до велика лебезил перед ним, князья и принцы бегали, ловя каждое его слово и ища хотя бы легкого кивка головы в ответ на свои глубокие раболопные поклоны. «Супербия» возродилась лишь тогда, когда Пруссия достигла могущества, и тогда, как писал русский современник войны 1866 г. И. П. Липранди, известный в свое время консервативный писатель, «от нее и прохода не было». Не только старый русский друг, но и все другие народы вызывали у нее лишь презрение: русские — это варвары, французы — это выродки (или негроиды; Бисмарк назвал их однажды «китайцами Европы»), англичане — это лавочники; даже собственные союзники, итальянцы, характеризовались Бисмарком как воронье или шакалы, привлекаемые трупным запахом на поле битвы. Мы видели, что Лагард рассматривал даже братьев-австрийцев как народ без «души», годный лишь для того, чтобы служить пруссакам, и не кто иной, как тот же Бисмарк, создатель прусско-германского объединения, идол нацистов, однажды (как уже упоминалось в другом контексте) выразился о баварцах как о переходном типе между австрийцем и человеком. Еще в середине 70-х годов, касаясь в беседе с русским послом трудностей, которые встречались им в политике опруссачения южных государств, он говорил, что население их представляет собой вообще «другую расу». «Супербия» пруссаков достигла пределов какого-то безумия и осталась такой и тогда, когда она сообщилась всему народу и Германской империи и получила в теориях пангерманцев расовое «обоснование».

18. Пруссия среди народов

Что такое состояние умов и вытекающее из него поведение не особенно благотворно отражалось на положении немцев среди других народов, понятно само собой и нередко сознавалось ими самими. Еще в 1874 г., выступая в рейхстаге и говоря о замечательных успехах германского оружия, Мольтке признавался: «Мы со времени наших удачных войн повсюду выиграли в уважении (?), но нигде не выиграли в любви»; а в 1912 г., т. е. одним поколением позже, известный глашатай германского империализма Пауль Рорбах в своей книге, получившей широчайшее распространение, «Германская мысль в мире», констатируя «глубокое отчуждение» между Германией и другими народами, объяснял: «Этот недостаток коренится в особой черте германского характера — резкости в обращении, которая произошла от постепенно выросшего влияния Пруссии на немецкий духовный облик и обычную обозначается у нас совершенно неуместным в гражданской жизни словом «Schneidigkeit» (резкость, напористость)». Указав далее, как эта черта постепенно стала «национальной манерой и опасным национальным недостатком» по мере того, «как наше благосостояние возрастало и злополучное сословное деление распространилось и утвердилось также в области имущественных отношений и внешних социальных отличий», Рорбах признает, что благодаря этой черте «мы делаем себя перед не-немецкими народами смешными, и дело принимает еще худший оборот в тех случаях, когда чрезмерность этой национальной Schneidigkeit получает возможность причинять вовне, в остальном мире, политический и культурный вред».

И вот, несмотря на позорный крах пруссачества, восстановившего против себя весь мир и навлекшего на германский народ такие бедствия, в ученом «Политическом словаре» продолжают дифирамбы по его адресу и «национальный» характер немцев облачается в его одежды. Не очистилась еще от «мирового греха» Германия, несмотря на постигшую ее за этот грех тяжелую кару, и все еще мечтала она о том счастливом времени, о раннем средневековье, когда она властвовала в Европе и грабила все народы. И после этого немцы смели протестовать и негодовать, когда победители, заседавшие в 1919 г. в Версале, в ответ на отказ германской делегации принять их условия мира, послали ей 16 июня ультиматум, в котором говорилось: «Возникновение войны не обусловлено было внезапным решением, принятым в минуту тяжелого кризиса. Оно было логическим результатом политики, которую правители Германии проводили под влиянием прус-

ской системы в течение десятков лет. В продолжение долгого времени правители Германии, верные прусской традиции, стремились к преобладающему господству в Европе. Они не довольствовались растущим благополучием и влиянием, к которым законно было Германии стремиться... Они (правители — Ф. Р.) считали себя призванными властвовать над подчиненной Европой, как они властвовали над подчиненной Германией... Под влиянием Пруссии Германия явилась в трактовке международных дел поборницей силы и насилия, обмана, интриги и жестокости».

Делая должную скидку на односторонность, свойственную каждой тяжущейся империалистической стороне, пытавшейся отрицать свой собственный «грех», можно во всем, что касается Пруско-Германии, подписаться под каждым словом этого сурового, но правильного приговора. Да иначе и не может быть, когда сами немцы, как мы немного выше цитировали, даже после великого краха не только признавали, но и гордились тем, чем они обязаны прусскому воспитанию: самосознанием господствующей над всеми народами нации — «супербией», т. е. надменностью властителя и рабовладельца, и «добровольным» подчинением «целому», т. е. прусскому государству, его юнкерам.

19. Пруско-германский милитаризм

Но пруссачество, перед которым распластывались в благоговении даже веймарские республиканцы, вовсе не было «моральным» качеством, как это изображают его пророки: оно было очень грубым воплощением всего того, что принято называть милитаризмом. Ни одно государство не может существовать без вооруженной силы, пока существуют вообще государства, т. е. политические организации классовых обществ. Но только одной Пруссии в Европе дано было претворить эту злую необходимость в добродетель и провозгласить войну высочайшей и благороднейшей деятельностью человека и в этом духе стараться воспитать целый народ. «Вечный мир,— говорил Мольтке в упомянутом выступлении,— это мечта и притом даже некрасивая».

Со времени, когда Мольтке высказал этот афоризм, прошло много лет. Германия вступила в фазу империализма, ее капиталистический класс приобрел еще больший удельный вес в стране, чем юнкерское землевладение, и старый афоризм приобрел еще большее значение. Известный военный писатель генерал Бернгарди, проповедуя в своей книге «Германия и ближайшая война» (1912) г. неизбежную войну с Англией за передел колоний, авторитетно заявлял: «Наш

народ должен научиться понимать, что сохранение мира никогда не может и не должно составлять цель политики», а в сентябре 1914 г., уже после начала первой мировой войны упоминавшийся выше Рорбах «откровенно» признавался, что «в дни, когда вопрос о войне и мире стоял на острие ножа», он «дрожал от страха, как бы не склонилась чаша не войны, а мира». Он продолжает: «Беспокойство за то, что в этой борьбе победит в сердце вершителей нашей народной судьбы боязнь перед этой огромной ответственностью — это беспокойство и было то, что в последние дни июля не давало спать немецкому человеку». Заветная мечта Рорбаха тогда оправдалась, но желанная война привела к разгрому Германии; тем не менее знаменитый адмирал Тирпиц в своих вышедших после неудачной войны воспоминаниях изрекал: «Я хочу закрепить в сознании наших будущих поколений старое положение, что великие народы могут быть обеспечены только при помощи силы: с тех пор, как земля обитается людьми, сила в жизни народов стояла выше права».

Вполне понятно, что юнкерам, занимавшим командные посты в армии и располагавшим в ее лице могучим орудием материальной силы как для утверждения собственного классового господства и «воспитания» масс в духе подчинения «целому», т. е. им же, так и территориального расширения этого господства, мечта о мире и праве казалась очень «некрасивой»; и философ Ницше мог характеризовать государство как «волю к могуществу, к войне, к завоеванию, к мести» и осуждал христианство как «восстание рабов в морали», естественным-де законом которой является, как в мире животных, «самоутверждение наиболее сильных физически и духовно людей. В происходивших в годы до первой мировой войны двух международных конгрессах мира в Гааге, на которых, как полагается, порок своим лицемерием платил обильную дань добродетели, немцы громко афишировали свою «прямоту», кадя фимиам богу войны и молоху милитаризма и срывая все, даже самые робкие попытки ввести в международные отношения какие-то сдерживающие нормы в виде ограничения вооружений или третейского разбирательства споров, не затрагивающих «жизненных» интересов государств.* Любому империалисту ничего не стоило подписаться под этими благочестивыми постановлениями, но немцы воспринимали их как оскорбление своему богу и не только отказывались принимать участие хотя бы в обсуждении их, но и подвергали едва завуалированному осмеянию тех, кто ими занимался. Конечно, и для социалистов того времени эти разговоры хищников о мире являлись

предметом язвительных насмешек, и английский делегат на Штутгартском международном социалистическом конгрессе 1907 г. Гарри Квелч при всеобщем одобрении обозвал высочайшее собрание, заседавшее тогда в Гааге, воровской компанией, за что и был выслан вюртембергским правительством. Но одно дело было разоблачать правительства за их лицемерие, а другое — осуждать их за их святотатственное покушение даже не на сущность, а только на имя, на тень милитаризма, и это второе делали немецкие делегаты. Характерно, что наиболее среди них отличавшийся военный эксперт полковник Шварцкоппен был за свою отвагу удостоен почетной степени доктора прав кенигсбергским университетом, в котором, по язвительному замечанию знакомого нам Фёрстера, Кант некогда читал лекции о вечном мире. Сам кайзер Вильгельм II был очень доволен исходом конференции, говоря, что «обеспечен лишь тот мир, который огражден щитом и мечом германского Михеля». Но прошла война, и на заседании Национального собрания Веймарской республики, в феврале 1919 г., тогдашний министр иностранных дел Брокдорф-Ранцау должен был признать, что «позиция, которую Германия заняла на обеих Гаагских мирных конференциях,... была исторической ошибкой, за которую всему нашему народу приходится сейчас расплачиваться». Не преувеличивая значения разбиравшихся на этих конференциях вопросов о третейском суде и сокращении вооружений, министр объяснял, что эта ошибка «была вызвана не только преувеличенной боязнью перед трудностями разрешения их, но и ложной оценкой политического значения силы и права».

20. Военная практика Пруско-Германии

Но и самоё войну Пруско-Германия воспринимала как-то особенно: не без основания ультиматум союзников в 1919 г. сочетает с нею «насилие, обман, интриги и жестокость»; он мог бы еще прибавить: «грабеж». «Я люблю старого князя Ангальт-Дессау,— говорил со сладострастием садиста Фридрих II про своего лучшего рубаку,— потому что он — настоящий вандал, каких описывает Тацит». А полтора столетия спустя преемник Фридриха на прусском престоле, кайзер Вильгельм II, напутствовал отправляемые в Китай для подавления так называемого боксерского восстания войска исторически прославившимися словами: «Никакой пощады, никаких пленных; кто попадет к вам в руки, должен погибнуть. Как тысячу лет тому назад гунны

составили себе имя, которое все еще делает их страшными в истории и традициях, так пусть и имя немца станет в Китае через вас таким знаменитым, что и через тысячу лет ни один китаец не посмеет косо взглянуть на немца». Вандалы, гунны — таков военный идеал прусского милитаризма на протяжении веков! Князь Дессау основательно опустошил и разграбил Саксонию; немецкие войска в Китае под начальством фельдмаршала графа Вальдерзее столь же основательно опустошали и разграбляли целые районы и уничтожали их население, грузя награбленным добром пароходы для отправки в Германию.

Это поведение немецких войск было, можно сказать, традиционным. История отметила эту традицию еще во время войны с Наполеоном, когда по вступлении пруссаков в Париж начались повальные грабежи, избиение мужчин и насильствование женщин. По словам одного современника, пруссаки на главных перекрестках останавливали прохожих, отнимали у них деньги, часы и обувь, а проникая в предместья, грабили дома, опустошали погреба, похищали экипажи и лошадей и устраивали публичные распродажи награбленного добра. Напрасно царь Александр I и даже Веллингтон протестовали против этих грабежей и разрушений; Блюхер весело отвечал: «Ну, что ж за беда? Ведь они могли бы сделать гораздо больше». Блюхер хотел и самого Наполеона казнить перед фронтом прусской армии, и по его приказу прусские саперы стали подрывать Иенский мост, наминавший своим именем о поражении пруссаков в 1806 г., невзирая на статью договора о капитуляции, объявлявшую, что «общественные здания и сооружения должны быть неприкосновенны». Патриотический порыв Блюхера не был осуществлен благодаря вмешательству тех же Александра I и Веллингтона.

В войне с Францией в 1870—1871 гг. немцы еще более распеялись, как мы отчасти уже видели в предыдущем очерке. Добавим здесь несколько штрихов из одной корреспонденции из Швейцарии, помещенной в «Вестнике Европы» за февраль 1871 г., для характеристики отношения самих немецких обывателей к грабегам в оккупированных районах, отношения, знакомого и нам, дальним потомкам: «Французы хохочут над письмами немецких Гретхен, найденных на пленных немцах: одна Гретхен просит прислать ей из Парижа красивые серьги, другая Гретхен, более высокого полета, радуется, что парижанки не будут более царить над модой и нарядами; третья Гретхен ропщет на этих несносных, буйных парижан, которые не хотят сдаться и удовлетворить требованиям чести прусского оружия для

лого, чтобы, наконец, наступил мир и ее Вильгельм вернулся к опустелому очагу».

Полностью, однако, немцы распоясались в войне 1914—1918 гг., хотя и тут не было недостатка в тех же комических эпизодах, описанных почти в тех же выражениях. Так, например, мы читаем: «Из писем, отобранных у пленных или найденных у убитых немцев, мы узнаем, что не только женщины из низших классов требовали у своих отцов, братьев или мужей золота, драгоценностей или кружев, но жены офицеров сами приезжали в Лотарингию, чтобы опустошать французские жилища; сами офицеры, даже высокого ранга, принимали участие в настоящем грабеже, и бесчисленные вагоны шли в последние месяцы в Германию, увозя прибыльные плоды неумолимых немецких грабежей». Это докладывал своему правительству один из военных цензоров при франко-бельгийской армии. А в биографии пресловутого майора Эшериха, главы знаменитого контрреволюционного корпуса «Оргеш» (т. е. «Организация Эшериха»), орудовавшего в Баварии в 1920 г., мы читаем, что во время оккупации немцами западных областей России в войне 1914—1918 гг. он, будучи по профессии лесоводом, «получил в управление лесную область девственной Беловежской пуши и организовал там гигантское военно-лесное хозяйство», т. е. разграбил основательно ее природные богатства. То, что Мирабо говорил о войнах Пруссии как об источниках ее обогащения, можно полностью отнести и к войнам Германии даже до времен Гитлера.

Но были дела поважнее. Бельгийский посланник во Франции барон Бейенс писал в 1915 г.: «Немцы в 1870 г. слишком щадили дома, слишком уважали исторические памятники, слишком уважали частную собственность. Убийства, поджоги и грабежи идут по следам их сыновей, которые вторглись в нашу страну в 1914 г. В Лувене, Тамине, Рети и других городах и селах Бельгии особые части, заранее включенные в состав корпуса саперов, разрушали в несколько часов, при помощи особых снарядов и зажигательных материалов, маленькие невинные города». Мы узнаем тут зародыши гитлеровских зондеркоманд. В докладе одного французского инженера мы читаем: «Уже в сентябре 1915 г. немецкие инженеры взорвали одни за другими все шахты Куррьера, Лизвена и Ланса. Они не довольствовались тем, чтобы затопить подземные ходы, ...а бросали в шахты все, что попало: подъемники, железные тросы, трупы людей и животных и ящики с динамитом... Методически взрывались и все надземные постройки — цех за цехом, машина за машиной, в каждой машине часть за частью, администра-

тивные помещения, жилища служащих и рабочих, уничтожались кассовые и учетные книги... От 12 тысяч домов в Лансе и одной тысячи домов в деревнях и окрестностях не осталось ни одного камня» и т. д. в этом роде. Другой очевидец, на этот раз немецкий генерал, у которого, повидимому, развязался язык после поражения Германии, описывал в 1919 г. опустошения, которые немцы произвели в северной Франции при отступлении, сравнивая их с теми, которые французы некогда, в XVII столетии, произвели в Пфальце и которые немцы до сих пор вспоминают с негодованием: немецкие войска уничтожили не только все средства связи, не только разрушили все дома и колодцы, но и вырубili все фруктовые деревья. И генерал заключает: «Деяния Гинденбурга и Людендорфа далеко превзошли все, что когда-либо происходило в Пфальце». В этой войне впервые введена была практика угона трудоспособного населения на работы в Германию и в ближнем тылу из Бельгии и из северной Франции; угонялись десятками тысяч рабочие, студенты, ремесленники, конторские и другие служащие, отправлявшиеся, по словам очевидца, «как скот, в открытых вагонах, не дав им даже времени тепло одеться, а за поездами, плача и рыдая, бежали сотни жен и девушек, так что вначале даже генерал фон Биссинг (немецкий генерал-губернатор) протестовал, говоря, что «ни одно цивилизованное государство не может такими способами заставить людей работать».

21. Принципы тоталитарной войны

Вообще же практика войны, в отличие от писанных военно-полевых уставов, преломлялась в сознании прусско-германского милитаризма в виде не знающего никаких сдерживающих моральных начал права на безжалостное истребление живых сил и материальных средств не только армии противника, но и мирного его населения, независимо от того, поставлены ли эти силы и средства и могут ли они вообще быть поставлены на службу войны или нет. Во время Гражданской войны в Америке правительство Линкольна (не в пример, увы, его нынешним преемникам!) в 1863 г. издало инструкцию своим войскам, которая гласила: «Люди, которые выступают друг против друга с оружием в руках, не перестают по этой причине быть моральными существами, ответственными друг перед другом и богом»; и даже Гаагские международные военно-полевые уставы 1899 и 1907 гг. подчеркивали, что «воюющие стороны не располагают неограниченным правом при выборе средств вредить врагу». Как в этих уставах ничего не говорится, например, о том,

что отравление колодцев недопустимо, ибо это считается само собою разумеющимся, так ничего в них не говорится о праве брать заложников, и даже в отношении партизан они предупреждают: «Нижакой кары деньгами или в другом виде не должно быть наложено на все население за деяния отдельных лиц, за которых оно не может считаться ответственным». Но уже практика первой мировой войны, когда германская сторона «при выборе средств вредить врагу» не колебалась применять отравляющие газы, бомбардировать и разрушать мирные и незащищенные города, брать из населения заложников, увозить десятки и сотни тысяч мирных жителей оккупированных областей на военные работы в Германию, облагать города денежными штрафами за деяния отдельных граждан и т. п., показала, что никакие уставы, даже собственные, для нее не писаны и что высокий принцип, провозглашенный некогда Линкольном, ничего, кроме улыбки, у немцев не может вызывать.

Характерно, что помещенная в упомянутом «Политическом словаре» статья о заложниках и расправе с ними, перечислив все существующие на этот счет ограничения и толкования, заканчивается следующим рассуждением: «Не следует упускать из виду, что каждый начальник соединения несет тяжелую ответственность за успех военных операций и за жизнь каждого своего подчиненного; эти вверенные ему жизни должны быть для него в крайних случаях дороже, чем жизнь даже мирных граждан враждебного государства». Людям, «любящим» вандалов и ставящим гуннов в пример своим войскам, понятие о «крайнем случае» должно представляться весьма эластичным; во всяком случае отношение автора данной статьи, который ведь тоже принадлежал к гражданам «демократической республики», вполне соответствует моральным нормам этих прославленных в «истории и традициях» образцов. Он мог бы только добавить, что в «крайних случаях» не только жизнь мирных граждан неприятельского государства, но и целые народы и государства, известные своим миролюбием, иногда даже огражденные международно-договорными гарантиями в отношении их неприкосновенности и целостности и далеко стоящие в стороне от мировых соперничеств, должны пасть и, действительно, падали даже эти народы и государства жертвами безудержной агрессии прусско-германского милитаризма при полном отсутствии какой бы то ни было опасности для драгоценной жизни вверенных ему людей, а исключительно в целях более легкого осуществления этой агрессии. «Наши войска,— признал в знаменитой речи в рейхстаге 4 августа 1914 г. глава германского правительства Бетманн-Гольвег,— заняли Люк-

сембург и, может быть, уже вступили на территорию Бельгии. Это противоречит предписаниям международного права. Мы вынуждены были игнорировать справедливый протест люксембургского и бельгийского правительств, но мы восстановим право, которое вынуждены были нарушить». Что же побудило Германию совершить такое вопиющее правонарушение? Ведь оба государства, подвергшиеся ему, были мирными и нейтральными, признанными и гарантированными в своем нейтралитете великими державами, в том числе и самой Пруссией. Была ли жизнь хотя бы одного германского солдата в опасности? Был ли в наличии какой-нибудь «крайний случай»? Да, отвечал канцлер: «Нужда не знает законов... Кто, как мы, подвергается такой опасности и борется за высшее свое благо, тот должен думать лишь о том, чтобы пробиться». Как заметил однажды Мольтке одному из своих генералов на военном совете накануне битвы при Садове в 1866 г., когда тот указал ему на рискованность вступления в бой, имея перед собой реку: «война — вообще вещь опасная», и ссылаясь на такую «опасность», как это делал Бетманн-Гольвег, можно оправдать любую меру, вплоть до отравления колодцев и сжигания живьем пленных. На деле никакой особой опасности жизнь германских солдат не подвергалась, кроме той простой опасности, которая грозила бы ей, если бы вместо нападения на Францию с фланга, через нейтральные территории Люксембурга и Бельгии, германской армии пришлось наступать «законным», но более неудобным путем, через франко-германскую границу: этот путь обошелся бы дороже. Но разве уже Талейран в 1815 г. в инструкции самому себе, как уполномоченному на конгрессе в Вене, не говорил о Пруссии, что «все предлоги для нее хороши: никаких сдерживающих начал, никаких колебаний совести — то, что ей выгодно, составляет ее право»? В данном случае ссылка на опасность была в устах германского канцлера тем более облыжной, что план прохода через Бельгию в случае столкновения с Францией составлен был германским генеральным штабом давно, задолго еще до мировой войны 1914—1918 гг., когда пресловутого «окружения» с участием Англии ни наяву, ни во сне не существовало; и даже у самого канцлера, еще в самый день его выступления в рейхстаге, оно было под сомнением. Как документально можно доказать, этот план уже замыслился Бисмарком в 70-х и 80-х годах, когда в окружении была Франция, а Россия и Англия были нейтральны. Действительно, выгода Пруско-Германии — это ее «право», и именно такое «право» в удесyтеренной степени осуществлялось Гитлером в наши дни захватом нейтральных и мирных государств, как Дания, Норвегия, Гол-

ландия и Бельгия, и внезапным нападением на находившийся с ним в договорных обязательствах взаимного нейтралитета и ненападения СССР.

22. Ученая апологетика

Что, однако, не менее важно, это то, что указанная нами практика и идеология прусского милитаризма находили сочувственный отклик в широких общественных кругах Германии. В другой, еще более примечательной своей книге «Европа и германский вопрос» (1937) Фёрстер приводит большую документацию по этому вопросу. Например, известный историк Герман Онкен в брошюре «Германия или Англия» писал: «Участь, которую Бельгия на себя навлекла (?), тяжела для отдельного человека, но не слишком сурова для самого государства, ибо жизненные судьбы бессмертных великих наций стоят слишком высоко, чтобы в случае нужды не перешагнуть через существа, которые не в состоянии себя защищать». Другой, столь же известный, правда, не историк, а публицист христианско-социалистической школы, Фридрих Науман в брошюре «Идеал свободы» также писал: «История учит, что всеобщий прогресс культуры не возможен иначе как через разрушение национальной свободы малых народов... История решила, что есть ведущие нации и нации ведомые, и трудно желать быть либеральнее, чем сама история». Вождь партии Центра, благочестивый католик, после поражения, правда, превратившийся в пацифиста и за это убитый фашистом, Эрцбергер в 1915 г. также писал в «диалектически» христианском духе: «В войне самая большая беспощадность превращается на деле при разумном применении в величайшую гуманность. Если окажется возможным уничтожить весь Лондон, то это будет гуманнее, чем дать хотя бы одному немецкому соотечественнику изойти кровью на поле сражения, ибо такое радикальное лечение скорее всего ведет к миру». В том же духе провозглашал берлинский профессор международного права Эльцбахер, заявляя, что «может быть лишь полезно, если и гражданское население почувствует ужасы войны».

23. Гитлер: его место и характер

Таковы основные элементы той милитаристской, хищнической, разбойничьей, человеконенавистнической и вероломной идеологии и практики, которые Гитлер впитал в себя из самых реакционных исторических традиций и деяний Пруско-Германии. Ничего оригинального у него не было: он лишь скомбинировал эти элементы, до тех пор разрозненные по

различным группам и отдельным лицам, в едином «синтезе» и возвел это чудовищное целое в квадратную и кубическую степень. Тот же Талейран в своих мемуарах высказывает мысль, что «в романах умом и выдающимся характером наделяется обычно главный герой, но судьба не так разборчива: посредственные личности играют существенную роль в важных событиях единственно по той причине, что они оказываются во-время на месте». Это довольно верно, и другой плут, но тоже неглупый человек, Пальмерстон правильно отзывался о Луи-Наполеоне, этой круглой посредственности, когда тот пришел к власти: «Это был единственный фиакр, который попался во время грозы, и его взяли — это все». Гитлер тоже не был наделен высокими качествами героя романа, но в его характере имелась черта, которая сделала его человеком «во-время на месте»: наряду с бандитской натурой, решительная и непоколебимая самоуверенность, глубочайшее и безоговорочное убеждение в своем мессианском призвании, и эта черта, как часто бывает в жизни, помогла ему создать себе пьедестал, на который он взобрался и на котором, благодаря попустительству, поощрению и содействию окружающего мира империализма, также в него уравнивавшего, он стал возвышаться.

Вспомним из первых страниц настоящего очерка, каково было состояние Германии в первые годы после поражения в войне и после революции: растерянная мелкая буржуазия; впавшая в пессимизм интеллигенция; пылающие злобой и жаждой мести против недавних противников и против рабочего класса крупный капитал и юнкерство. Гитлер, сам деклассированный мелкий буржуа, естественно, начал с первых. Обильно заимствуя из идейного арсенала своих антисемитских учителей, которые противопоставляли свое учение социализму и сочиняли рассчитанные на поддержку мелкой буржуазии социальные программы («социализм дураков», как несколько благодушно называл этот антисемитский «социализм» Август Бебель), Гитлер, привлеченный Ремом, был подлинным вдохновителем так называемой «национал-социалистической рабочей партии», начертав на ее знамени такие «социальные» требования, как отмена нетрудового дохода, уничтожение «процентной кабалы», полное изъятие военных сверхприбылей, огосударствление трестов, аграрная реформа для насаждения «здорового» и крепкого крестьянства за счет крупных помещиков, создание столь же здорового и крепкого «среднего сословия», муниципализация универсальных магазинов с передачей их в аренду по сходной цене мелким торговцам, «самое решительное» привлечение этих мелких торговцев и мелких производителей при постав-

ках государству, провинциям и городам и т. д.— целая симфония радужных посулов мелкой буржуазии, смысла которых она в точности не понимала, в осуществимость которых она, может быть, в своей забитости и не вполне верила, но во внутренней «добротности» которых она не сомневалась. Одновременно с этими программами Гитлер возвещал борьбу с коммунизмом и «большевизмом» и вообще упразднение классово́й борьбы, заодно уже и ликвидацию безработицы, и требовал национального возрождения и воссоздания «Великогермании».

24. Возвышение Гитлера

Увы, на выборах 1920 г. под его знамя собралось всего несколько тысяч человек: голоса мелкой буржуазии распылились по партиям и группам, и Гитлеру досталось только несколько косточек. Но он не унывал. Выдвигая то одну, то другую сторону своей программы: антисемитизм, великодержавность, борьбу с коммунизмом и социализмом, национализм, но больше и чаще всего мелкобуржуазную социал-демагогию, он одновременно строил свою партию на основе строгой централизации и субординации, вербуя в нее самые отчаянные элементы из деклассированных слоев общества и провозглашая себя «вождем». Это было явным подражанием Муссолини и обратило на него внимание воротил крупного капитала и всех реакционеров, восхищавшихся итальянским героем контрреволюции и желавших иметь собственного Муссолини. Желанный спаситель как будто и в Германии явился: человек «во-время и на месте», «the right, man in the right place», как говорят англичане. То, что Гитлер свою проповедь специально направлял в сторону маленького забитого человека и хотел потянуть за собой мелкую буржуазию, казалось вовсе не вредным, а, наоборот, весьма полезным: мещанство должно было занять место рабочего класса в создании массового движения, без которого, в условиях «демократии», политический успех казался невысказанным. Так и Муссолини начал свою послевоенную карьеру, туманя пустые головы мещан брагой невероятных обещаний. Капитал стал помогать Гитлеру деньгами и рекламой, и влияние и значение его стали быстро расти. Он мог устраивать многочисленные собрания и манифестации, оплачивать услуги помощников и агентов, распространять литературу в огромных размерах, подкупать избирателей, журналистов и политиков и создавать вокруг себя и своей «программы» широчайший резонанс. Одновременно капиталистическая пресса отводила его выступлениям видное место и популяризировала

ла его лозунги, так что в конце концов мелкобуржуазная масса действительно собралась под его знамя: впервые она получила «вождя» (впоследствии Геббельс сравнивал Гитлера с Жанной д'Арк!), впервые она услышала речи истерически пламенные, заражающие своей верой и обещающие ей избавление как от тирании капитала, так и от «ужасов» коммунизма. Но мало-помалу Гитлер стал выдвигать другие пункты своей программы, более непосредственно отвечающие интересам своих новых патронов, и по мере того, как прогорали другие ставленники тех же работодателей, не сумевшие сочетать социал-демагогию с великодержавными лозунгами, Гитлер стал котиrowаться на политической бирже крупной буржуазии и юнкерства все выше и выше, и так продолжалось, пока он не добрался до власти. Тогда и социал-демагогия обернулась другим концом: «прекращение» классовой борьбы приняло форму запрещения всех политических партий, в том числе и мелкобуржуазных; упразднение безработицы было проведено посредством заключения всей молодежи в трудовые лагеря; подавление «процентной кабалы» было достигнуто изгнанием, избиением или изоляцией евреев в городских гетто и передачей банков в руки проверенных арийцев. Примерно тем же путем были «обезврежены» универсальные магазины и торговые предприятия с филиалами, и тирании крупного капитала был нанесен «смертельный удар» созданием новых, еще более мощных трестов, участниками которых стали нацистские вожди.

Странное дело: юнкера и капиталисты стойко выдержали эти «удары» и даже улыбались; головы же мелкой буржуазии и ее интеллигенции стали наполняться хмелем из другого ковша — национализмом и сверхнационализмом, а затем и внешнеполитическими успехами нового крысолова, тогда еще увлекшего своей дудкой даже таких старых и опытных крыс, как английская, американская, французская и другие. Что затем произошло, каждому читателю известно.

Много бандитов и авантюристов прошло через историческую сцену, подвергая человечество в изумление и ужас. Это были часто темные люди, без роду, без племени, случайно вынырнувшие из мутных глубин на поверхность в периоды то ожесточенной классовой борьбы, то всеобщего застоя и разложения и затем столь же неожиданно исчезающие. Гитлер появился на авансцене не случайно: его появление было обусловлено обстоятельствами места и времени, описанными на предыдущих страницах, и он имел за собой длинную и богатую родословную, в которой каждое звено было запечатлено подлостью и мерзостью, беспримерными в истории нового времени. Не удивительно, что сам он, воплотивший в

себе всю черную кровь своих многочисленных предков, достиг по этим качествам высот, с которых даже калигулы и борджии кажутся пигмеями. Только основательно перепахав всю землю, которая породила такие ядовитые зелья, можно добиться того, чтобы их всходы стали раз навсегда невозможными.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДВЕ ПРУССКИЕ ВОЙНЫ

(Создание Германской империи)

Часть первая

АВСТРО-ПРУССКАЯ ВОЙНА 1866 г.

Глава I

1. Чем была Германия	6
2. Австрийская держава	12
3. Пруссия	16
4. Франция и Германия	25
5. Россия и Германия	31
6. Англия и Германия	34

Глава II

1. Революция 1848—1849 гг.	35
2. Шлезвиг-голштинский вопрос	38
3. Выступление Пруссии	40
4. Национальное собрание и его неудачи	41
5. Отклонение прусским королем императорской короны	44
6. Пруссия создает «новый порядок»	45
7. Позиция Австрии. Ольмюц	47
8. Крымская война	49
9. Итальянская война	52
10. Внутренний кризис в Пруссии	57
11. Бисмарк	58

Глава III

1. Бисмарк и оппозиция	62
2. Польский вопрос	64
3. Франкфуртский съезд	67
4. Возрождение шлезвиг-голштинского вопроса	68
5. Датская война. Позиция держав	71
6. Лондонская конференция	73
7. Переговоры с Австрией об уступке герцогств	75
8. Переговоры с Италией	79
9. Отступление	80
10. Гастейнская конвенция	82
11. Протесты держав	83
12. Возобновление австро-прусской ссоры	85
13. Итальянский козырь и союз	87

Глава IV

1. «Реформа» Германского союза	89
2. Спор о разоружении и компетенции Сейма	92
3. Вмешательство Наполеона	93
4. Бисмарк и Наполеон в погоне за Австрией	95
5. Приглашение держав на конференцию	97
6. Разрыв	98
7. Война	101
8. Новое вмешательство Наполеона	104
9. Никольсбургский предварительный мир	105
10. Позиция и вмешательство России	107
11. Новые требования Наполеона	111
12. Соглашения с германскими государствами и Пражский мир с Австрией	113
13. Капитуляция прусской буржуазии	116
14. Оформление нового Союза	117
15. Прусская гегемония в Союзе	119

Часть вторая

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА

1. Связь между двумя войнами	122
2. Обстановка в Германии	125
3. Упадок престижа Наполеона	126
4. Отношение держав	127
5. Люксембургский вопрос	130
6. Гогенцоллернская кандидатура на испанский престол	133
7. Пруско-русское соглашение	134
8. Австрия и Наполеон	135
9. Возобновление гогенцоллернской кандидатуры	137
10. Декларация Грамона	138
11. Эмские беседы	140
12. Тринадцатое июля	143
13. Эмская фальшивка	144
14. Успех провокации	147
15. Французская и прусская армии	150
16. Провал французского плана и первые поражения	152
17. Россия и Англия	154
18. Австрия и Италия	155
19. Седан	157
20. Падение империи и вопрос о перемирии	159
21. Прусские планы аннексий	160
22. Национальная борьба Франции	161
23. Опасения Бисмарка	163
24. Дружба с Австрией	165
25. Измена Базена	166
26. Перемирие и сдача Парижа	167
27. Предварительный мир	169
28. Парижская Коммуна и Франкфуртский мир	171
29. Объединение Германии	173
30. Прусская гегемония	175

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Пражский договор	181
II. Версальский прелиминарный мирный договор	183
III. Франкфуртский мирный договор	186

ГИТЛЕР И ЕГО ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

(К возникновению «Третьей империи»)

1. Философствующий империализм	196
2. После поражения и революции; мелкая буржуазия	197
3. Возрождение старых сил	199
4. Шовинизм и борьба с революцией	200
5. Тайные вооружения	201
6. Учитель Гитлера: Георг Шёнерер	203
7. Антисемитизм в Германии	204
8. Антисемитизм в Австрии	206
9. Австрия и Пруссия	207
10. Пангерманизм, расизм и тевтонизм	208
11. Австро-пруссачество	210
12. Против чехов, против славян	211
13. Борьба с католической церковью	214
14. Великогерманские доктрины	216
15. Россия в пангерманских планах	218
16. «Жизненное пространство»	221
17. Прусское «чувство господства»	222
18. Пруссия среди народов	224
19. Пруско-германский милитаризм	225
20. Военная практика Пруско-Германии	227
21. Принципы тоталитарной войны	230
22. Ученая апологетика	233
23. Гитлер: его место и характер	233
24. Возвышение Гитлера	235

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская*. Технический редактор *Н. А. Колгурина*
Обложка художника *Л. С. Эрмана*

РИСО АН СССР № 3058 А-07259. Издат. № 1675. Тип. заказ № 822.

Под. к печ. 3/VIII 1948 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆. Печ. л. 15. Уч.-издат. 15. Тираж 10000.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР.
Москва, Шубинский пер., д. 10

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
47	5 сн.	Пруссию теперь	Пруссию, теперь
54	16—17 св.	два года после	два года, после
58	10 св.	в строю, как и в	в строю, так и в
79	23 сн.	в компенсациях с другой	в компенсациях; с другой
82	9 сн.	победителей, а когда	победителей устранением всякой агитации и всяких агитаторов, а когда
139	11 сн.	онным депутатом, она все же звучала вовне как угроза еще	онным депутатом), она все же звучала вовне как угроза (еще
157	10 св.	, так как 15 сентября	, так как к 15 сентября
166	8 св.	, одной из последних	, одним из последних
195	8 сн.	гибрид	плод
212	8 св.	немецкими	ненемецкими
221	14 сн.	самом ограничении	самоограничении
231	7—8 сн.	от мировых соперничеств, должны пасть и, действительно, падали даже эти народы и государства жертвами безудерж-	от мировых соперничеств,— даже эти народы и государства должны пасть и, действительно, падали жертвами безудерж-